

**ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ**

**ТЕРРОРИЗМЪ
В РОССИИ
В НАЧАЛЕ XX В.**

**ТОМ ВТОРОЙ [149]
ДЕКАБРЬ 2012**

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВѢСТНИКЪ

ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

ТОМ ВТОРОЙ [149]

Под общей редакцией С.В. Девятова

МОСКВА. 2012

Главная редакция

А.Э. Титков	главный редактор, кандидат исторических наук
Д.В. Климов	зам. главного редактора, кандидат исторических наук
И.Я. Керемецкий	зам. главного редактора (художественный редактор), член Творческого союза художников России
Е.А. Радзиевская	ученый секретарь
Т. Лефко	редактор английской версии

Редакционный совет

Председатель редакционного совета

Е.И. Пивовар	ректор РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
--------------	---

Члены редакционного совета

А.А. Горский	доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
С.В. Девятков	доктор исторических наук, профессор
С.М. Исхаков	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
И.В. Курукин	доктор исторических наук, профессор РГГУ
А.Э. Титков	кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»

Дизайн Ю.В. Филимонов.

Подписано в печать 17.12.2012 г. Формат 70x108 1/16. Усл.-печ. л. 16,1. Печать офсетная.

Адрес редакции: 105005, г. Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214.

Тел. +7 (495) 737-76-32, факс +7 (495) 730-61-76

E-mail: info@historicalreporter.ru, editor@historicalreporter.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2012.

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции*

Заказ № 30. Создание оригинал-макета и печать тиража в ЗАО «Издательство ИКАР».

117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6.

Тел.: +7 (495) 936-83-28, +7 (495) 978-35-99. Тел./факс: +7 (495) 330-89-77

www.ikar-publisher.ru

Журнал «Исторический вестник» издается
при поддержке компании ОАО «АК «Транснефть».

ISSN 2306-4978

ОТ РЕДАКЦИИ

Очередной номер журнала «Исторический вестник» посвящен истории терроризма в России в начале XX в. Эта проблема отнюдь не реликт столетней давности. Вопрос о том, как на переломе веков создавался спусковой механизм глобального социального и военного-политического конфликта, унесшего жизни миллионов людей, остается актуальным и до настоящего времени.

Комплекс данных, собранных авторами во втором номере журнала, позволяет определенно утверждать, что феноменология такого явления, как «русский терроризм», отнюдь не ограничивалась национальными границами Российской империи. Более того, использованные в начале XX в. методики вполне укладываются в понятие «международный терроризм», а цели, поставленные организаторами этой беспрецедентной силовой акции, характерны своим континентальным размахом. Историкам еще предстоит изучить деятельность зарубежных организаций, в частности американского «Общества помощи Революционной России», ответственных за запуск механизмов, приведших к разрушению российской государственности. Особенности этих процессов рассмотрены в статье М.И. Леонова. В своем обобщающем обзоре автор рассматривает финансовые, социальные и организационные основы политического террора, захлестнувшего Россию в начале XX века.

В статье В.Д. Лебедева на основе архивных материалов Департамента полиции из фондов Государственного архива Российской Федерации анализируется история борьбы верховной власти с политическим террором между двумя русскими революциями 1905 и 1917 гг. Характерно, что российская государственная элита ни морально, ни организационно не была готова к террористической атаке такого масштаба. Автор подчеркивает, что политическая слабость МВД, особенно Департамента полиции, и отсутствие единого органа внешней разведки – первая причина роста политического террора, получавшего финансовую и политическую поддержку из-за рубежа, причем в первую очередь из Соединенных Штатов, Англии, Японии и Франции.

Примечательна работа Р.У. Ибатуллина, посвященная участию интеллигенции в террористическом движении. Либеральный сегмент российского общества не только создавал идеологическое обоснование и оказывал моральную поддержку совершаемым преступлениям, но и составлял одну из самых больших социальных групп среди террористов того времени.

В статье Н.С. Сидоренко рассматриваются процессы, связанные с политическим терроризмом на Урале. Как следует из приведенных автором дан-

ных, архитекторы террора нацеливали своих исполнителей не только на высший эшелон власти, но и на средний региональный управленческий сегмент империи. Здесь их целью были так называемые классные чиновники России. Если учесть, что в начале XX века их было чуть более 160 тысяч, а число жертв террористов по разным данным составило от 16 до 25 тысяч человек (речь идет не только об убитых, но и о тех, кто, опасаясь за жизнь свою и близких, вынуждены были покинуть занимаемые должности), становится понятно, насколько серьезные потери понес государственный аппарат. В результате, это привело к катастрофическому снижению эффективности управления государством в целом.

Не менее интересна история срастания национал-террористических групп и зарубежных, в частности, японских спецслужб. Сотрудничеству грузинской «оппозиции» и японской разведки во время Русско-японской войны 1904 – 1905 годов посвящена работа французского исследователя Г. Мамулия. При общем антиимперском пафосе, автор объективно рассматривает процессы взаимодействия и координации грузинских, прибалтийских и польских национал-сепаратистов, проводит анализ методик японской разведки, нацеленных на ослабление мобилизационных возможностей России. В статье использованы уникальные материалы из российских и французских архивов.

Обзору различных концептуальных подходов к проблеме политического террора в России посвящена статья О.А. Суховой, в которой приведен также обширный фактологический материал по предмету исследования.

Особый интерес представляет подготовленный Н.А. Карповой архивный материал, содержащий развернутый список тайных сотрудников специального отдела полиции по работе за рубежом.

Яркой иллюстрацией к драматическим событиям начала XX века служит составленный И.И. Бондаренко и Д.В. Климовым поименный список жертв революционного террора. В номере публикуется лишь часть огромного мартиролога. Публикация продолжена в электронной версии журнала.

Кроме того, приведен перечень наиболее заметных работ по проблеме терроризма, вышедших в последние годы.

А.Э. Титков

главный редактор журнала «Исторический вестник»

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

- Леонов М.И.** Террор и Смута в Российской империи 6
- Лебедев В.Д.** Политический террор в России
между двумя революциями начала XX века. 24
- Ибатуллин Р.У.** Интеллигенция и терроризм в России
в начале XX века 48
- Сидоренко Н.С.** Политический экстремизм на Урале
в начале XX века 66
- Мамулия Г.** Как самурай стал союзником Прометея:
японо-кавказская смычка в годы Русско-японской войны. 90

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

- Сухова О.А.** Революционный терроризм в России конца XIX –
начала XX века: историография, методология, факты 136

ИСТОЧНИКИ

- На службе Заграничной агентуре Департамента полиции
МВД Российской империи 174
- Жертвы политического террора в России (1901–1912) 190
- Список монографий и документальных сборников
по истории терроризма в России в начале XX века 216

М.И. Леонов

ТЕРРОР И СМУТА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В начале XX в. Смута объяла Российскую империю. Дворянство — становой хребет государственности — в результате реформ 60-70-х гг. XIX в. стремительно теряло свой социальный статус. Поместное дворянство, особенно в историческом центре страны, «оскудевало» и, не видя выхода, роптало. Крестьянство — самое многочисленное сословие — осталось один на один с природой-мачехой Восточно-европейской равнины. Участились неурожаи, недород и голод общинной деревни. Индустриализация, которой власти содействовали, не жалея ни сил, ни средств, влекла за собой промышленный город с новыми социальными стратами, ориентированными на иной, нетрадиционалистский уклад жизни. Значительная часть образованного общества, численность и социальная роль которого стремительно возрастали, противостояла власти. Сильнейшее воздействие на ментальность оказывали демографический взрыв и стремительный рост грамотности простонародья. Налицо были многообразные проявления структурного дисбаланса¹.

¹ Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. Т. 1. 1900–1939. М., 2000. Россия в начале XX века. М., 2002. С. 74-78, 91–95, 111–120, 245–248, 284–286.

Смута спускалась сверху вниз. Власть неадекватно реагировала на меняющуюся ситуацию, не проводила необходимые реформы. Нарушилась координация между подразделениями государственного аппарата. Местные власти вынуждались действовать на свой страх и риск. Вот как это происходило в Москве. Московский комитет партии эсеров назначил на 5 декабря 1904 г. демонстрацию. Первую в древней столице. Организаторы планировали подпоить рабочих водкой (для этой цели сын миллионера Фундаминского выдал две тысячи рублей), вооружить их железными прутьями, выбить стекла дома генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, а обер-полицмейстера Д.Ф. Трепова «обязательно укокошить». Своих намерений они не таили. В прокламациях, распространенных в первые дни декабря, угрожали убить Сергея Александровича и Трепова, если те применят силу против демонстрантов. Начальник Московского охранного отделения полковник Ратко обратился к директору Департамента полиции Лопухину и министру внутренних дел Святополк-Мирскому с просьбой разрешить провести превентивные аресты организаторов демонстрации. Лопухин посоветовал действовать по собственному разумению, а министр, объявивший «эпоху доверия», не удосужился ответом. В растерянности Ратко обратился к известному деятелю политического сыска Зубатову: «Дорогой Сергей Васильевич, — писал он, — я совершенно одинок, приезжайте завтра к вечеру и помогите мне трезвым умом и Вашей опытностью». Зубатов, который в это время находился в ссылке во Владимире, не приехал и не помог. 5 декабря 1904 г. участники демонстрации с железными прутьями в руках собрались на Страстной площади, выкинули красный флаг и с пением «Марсельезы» двинулись по Тверской улице к дому генерал-губернатора. Рабочих, главным образом с Прохоровской мануфактуры, было не более 40 человек, преобладала учащаяся молодежь и интеллигенты. Полицейские и конные жандармы, которые были сконцентрированы неподалеку, окружили и разогнали демонстрантов².

Комитет партии эсеров деятельно принялся за подготовку покушений, но вынужден был отойти в сторону, поскольку в дело вмешалась Боевая организация. 4 февраля 1905 г. И.П. Каляев бомбой убил великого

² Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1898 г. Д. 80. Лит. Ц. Л. 12-18; РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 338; Революционная Россия. Женева, 1904. № 56. С. 24; Козьмин Б.П. С.В. Зубатов и его корреспонденты. М.; Л., 1928. С. 41–44.

В.П. Карпович

князя. На жизнь Трепова покушались пять раз. При этом в одном из покушений участвовала его племянница. В конце концов генерал скончался от разрыва сердца. Святополк-Мирский и Лопухин избежали мести революционеров. Первый, с позором лишенный поста, был чрезвычайно рад тому, что остался жив. Второй после отставки оказывал услуги революционерам, за что поплатился четырехлетней ссылкой.

Индивидуальный политический террор явился индикатором Смуты начала XX в. После убийства императора Александра II и разгрома «Народной воли» революционеры долгое время были не в состоянии интенсивно готовить и совершать убийства государственных деятелей. Одни из них склонялись к мнению, что индивидуальный террор — дело будущего, другие полагали, что на смену ему грянет массовый террор. Отшатнулось от террористов либеральное оппозиционное общество, без моральной санкции и материальной поддержки которого они были обречены на прозябание. Тем не менее и в конце XIX — начале XX вв. находились адепты индивидуального террора, хотя их было немного.

В 1887 г. «Террористическая фракция «Народной воли» намеревалась покончить с Александром III. В 1895 г. член петербургской группы народовольцев архитектор В.Н. Курицын, рассматривая вместе с супругами Еримеевыми созданный им проект церкви Кирасирского полка, промолвил, что было бы хорошо во время освящения, на котором будут присут-

ствовать император, придворные и другие сановники, взорвать церковь. И добавил: «<...> ничего, что вместе с государем погибнут частные лица, так как где рубят лес, там и щепки летят». Присутствующие с ним полностью солидаризировались³. В конце 1890-х гг. В.А. Бурцев в статье журнала «Народоволец» проповедовал «бомбизм». Революционеры в большинстве своем в эти годы к проповеди террора относились с опаской. Поворот наметился в начале XX в.

14 февраля 1901 г. внебрачный сын дворянина-землевладельца П.В. Карпович, дважды исключавшийся из университетов, смертельно ранил министра народного просвещения, профессора Н.П. Боголепова. Это было первое политическое убийство XX в. 21 января 1902 г. акцизный чиновник В.В. Михалевский пытался ножом убить московского обер-полицмейстера Д.Ф. Трепова. Статистик самарской земской управы Н. Лаговской в ночь на 9 марта 1902 г. стрелял в окно обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева. 18 марта 1902 г. на жизнь Д.Ф. Трепова покушалась Е.А. Алларт.

История была характерной. Алларт, участницу студенческих волнений 9 февраля 1902 г., арестовали и заключили в Бутырскую тюрьму на 13 дней. Там, как записано в протоколе допроса, ей «явилась мысль отомстить обер-полицмейстеру». Выпущенная из-под стражи, она явилась к нему на прием, прихватив с собой позаимствованный у брата револьвер. Совершить задуманное не удалось: револьвер дал осечку. Террористку арестовали. Во время допроса маленькая, черненькая, нервная девица вела себя вызывающе, хлопала дверями, дерзила. Доведенный до белого каления следователь А.И. Спиридович настаивал на усилении наказания. Однако Д.Ф. Трепов, получив от ее сестры О.А. Алларт «слезницу с приложением свидетельства невропатолога, умягчился докторским свидетельством» и велел взять преступницу на поруки⁴. Когда Е.А. Алларт после покушения на Трепова вывели во двор, городовые, боготворившие благодушного генерала, набросились на нее. От расправы девушку спас ротмистр А.И. Войлошников. В декабре 1905 г. революционеры расстреляли его на глазах семьи. «Такие акты справедливого народного возмездия поднимали революционное настроение масс и способствовали их

³ ГАРФ. Ф. 102. ДП. 7-ое д-во. Оп. 1898 г. Д. 138. Т. 2. Л. 124.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1902 г. Д. 131. Л. 1–5; Спиридович А. Записки жандарма. М., 1991. С. 94.

боевому сплочению», — замечали по этому поводу авторы нерядового советского исследования⁵.

Карпович и другие террористы предстали в глазах революционеров и оппозиционно настроенных либералов в образе героев. Их прославляли. Террор распространялся по всей стране. В 1903 г. органы политического сыска зафиксировали покушения разного рода в 68 губерниях⁶. Это был один из симптомов возбужденного состояния известной части населения. Жертвами политического террора с 1901 по 1911 г. стали около 17 тысяч человек. Пик террористической вакханалии пришелся на 1905–1907 гг., когда Смута охватила низы: было убито и ранено более 9 тысяч человек, в большинстве — сотрудники государственного аппарата, начиная от министров, генерал-губернаторов и генералов до городских и стражников. «Каждый божий день — по несколько убийств, то бомбой, то из револьверов, то ножом и всякими орудиями; бьют и бьют, чем попало и кого попало, — ужасался начальник наружного отделения Департамента полиции Е.П. Медников..., — Надо удивляться, как еще не всех перестреляли нас»⁷.

Наибольшее число покушений приходилось на Петербург, Кавказ и 17 губерний черты еврейской оседлости. В индивидуальном политическом терроре принимали участие революционные партии от анархистов до социал-демократов включительно, представители всех слоев населения: простолюдины, разночинцы, дворяне, а также дети аристократов, как, например, Т. Леонтьева; генералов — А.А. Измайлович; купцов-миллионеров — А.Р. Гоц. Велика была доля учащейся молодежи и интеллигенции. Чаще всего террористы — молодые люди.

Террористы из простонародья, как правило, имели начальное образование, из других страт — среднее и незаконченное высшее. В специализированных организациях политических объединений существенную долю составляли женщины.

У партийного политического индивидуального террора было интеллигентское лицо. Интеллигенция — явление, свойственное только русской действительности. Составляя часть интеллектуальной элиты, ин-

⁵ Рабочий класс в первой российской революции 1905–1907 гг. М., 1981. С. 210.

⁶ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 250. Д. 2315. Ч. 1–76.

⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1906 г. Д. 2554. Л. 32; Оп. 1907 г. Д. 80. Т. 1. Л. 18–20; Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. М., 1997. С. 31–33; Козьмин Б. Указ. соч. С. 111.

теллигенция отличалась особым типом поведения и быта, физическим обликом и ментальностью. Она противопоставляла себя власти, ее институтам, идеологии, объекту служения, исповедовала атеизм. Интеллигенты-революционеры участвовали в покушениях, возглавляли объединения террористов, обеспечивали террор финансами, создавали ауру террора: эксплицитно положительную нравственную мотивацию «убийствам во имя свободы».

Систематический индивидуальный террор революционных политических организаций, несовместимый с основополагающими заповедями человеческой жизни, являлся реализацией установки «цель оправдывает средства» и вызывал специфический общественный резонанс. Террор, стимулируемый Смутой, в свою очередь, усиливал ее. Грань между политически мотивированными убийствами и уголовными преступлениями зачастую была размыта. Убийство или покушение на убийство для достижения определенных политических целей, будучи выражением предельного противостояния власти, опиралось на эксплицитно выраженную, мобилизующую мотивацию, основой которой была убежденность в бесчеловечности существующего строя. Власть воспринималась интеллигенцией как воплощение абсолютного зла. Любой представитель государственного аппарата, вне зависимости от того, занимал ли он пост министра или был городским, априори считался злодеем, насильником народа, душителем свободы. Пожать руку жандарму означало осквернить себя, быть корреспондентом консервативного издания — покрыть себя несмываемым позором, стать изгоем в интеллигентской среде.

Несколько примеров. В июле 1906 г. был убит Самарский губернатор Блок. Убийца, эсер-террорист Григорий Фролов, спустя годы говорил: «Что за человек был самарский губернатор и каково было его служебное поприще, я не знал; да это в то время было неважно: он был бы, вероятно, убит, если бы был даже самым лучшим губернатором»⁸. Ф.К. Качура, как тогда говорили, «сознательный рабочий», накануне покушения старательно записывал под диктовку главы Боевой организации партии эсеров Г.А. Гершуни: «Считаю большим для себя счастьем отомстить царскому извергу и палачу, лютому врагу народа, деспоту» харьковскому генерал-губернатору И. Обо-

⁸ Фролов Г. Террористический акт над самарским губернатором // Каторга и ссылка. 1924. № 1. С. 114.

ленскому⁹. Другой «сознательный рабочий» Е.О. Дулебов писал, также, по-видимому, под диктовку Гершуни: «Я считаю счастьем, что на мою долю выпало отомстить этому извергу», уфимскому губернатору Н.М. Богдановичу. В.В. Мазурин, бывший студент Московского университета, сокамерник и друг известного писателя Л.Н. Андреева, в 1906 г. нанимал лихачей и на ходу стрелял в полицейских, так как был уверен, что они «сволочи»¹⁰. Подобная мотивация была устойчивой лишь в силу явно выраженной отчужденности от власти не только интеллигенции, но и других социальных групп, которые считали террор морально оправданным, приветствовали его и поддерживали террористов материально.

Доминировал террор партии эсеров. Он выделялся систематичностью и организованностью. Покушения и убийства совершали многочисленные «боевые дружины», специализированные подразделения: Боевая организация, Центральный боевой отряд, областные боевые летучие от-

⁹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1902 г. Д. 773. Л. 89, 97–98; ДП ОО. Оп. 1903 г. Д. 1595. Л. 2–8. Князь И.М. Оболенский подал прошение на имя императора: «На меня, как на должностное лицо — Харьковского губернатора, было произведено покушение. Человек, решившийся на такое дело и исполнивший все от него зависевшее, чтобы достигнуть цели, должен в интересах государства и правосудия претерпеть наказание. И какова бы ни была тяжесть этого наказания, я вступить за его участь, конечно, не смею. Но кроме обычных наказаний, могущих ожидать покусившегося на мою жизнь, к нему может быть применена и смертная казнь. Ввиду этой возможности все мое семейство — мать моя, жена и две дочери — дерзают молить Ваше императорское величество оказать человеку этому милосердие, даровав ему жизнь, если суд приговорит его к смерти. Мы глубоко веруем, государь, чтобы эта, явленная нам милость Божия, рукой Вашего величества коснулась и самого виновника. Горько было бы сознавать семье моей, что их сын, отец и муж явится причиной смерти другого. Вашего императорского величества верноподданный князь Иван Оболенский». На этом прошении 13 сентября 1902 г. министр внутренних дел В.К. Плеве наложил резолюцию: «При докладе император повелед, если последует смертный приговор военного суда, заменить его бессрочными каторжными работами». 7 ноября 1902 г. «в уважение всеподданнейшего ходатайства князя Оболенского» Николай II заменил смертную казнь Ф.К. Качуре ссылкой в каторжные работы без срока // ГАРФ. Ф. 102. ДП. 7-ое д-во. Оп. 1902 г. Д. 1171. Л. 55; Ф. 124. Оп. 1902 г. Д. 773. Л. 78.

¹⁰ Революционная Россия. 1903. № 24. С. 1; № 25. С. 20–21; ОРК ГОПБ. ЦД 18 217 1903. V. 6. (БОПСР, б./д.); 18 217 1903. V. 6; 18 217 1903; 18 216 1903. V. 7; 18 77 1903. V. 10; Народное дело. Женева, 1903. № 4. С. 145–146; Жуковский-Жук И. Владимир Мазурин // Каторга и ссылка. 1924. № 2. С. 345; Савинков Б. Воспоминания террориста. М., 1990. С. 153–154.

ряды. Эсеровский террор инициировал «террористический ажиотаж». Эсеры, в этом преуспел В.М. Чернов, мотивировали террор адекватно ментальности антиправительственно настроенных слоев, сформулировали своего рода теорию террора. Исходный момент ее — «бесчеловечность», «изуверство» и т.п. «самодержавия и его слуг», которых во имя правды, свободы и светлого будущего должно покарать. На первый план выдвигались мотивы мести. Особо подчеркивалось значение террора как средства обороны от «царских изуверов», дезорганизации государственного механизма, возбуждения масс. Совокупный тираж апологетической эсеровской литературы — прокламаций, газетных статей, брошюр — во славу «героев», «отдавших жизнь за народ», «во имя светлого будущего», исчислялся многими миллионами. Типичный образчик — «Воспоминания террориста» Б.В. Савинкова, переизданные за последние полтора-два десятилетия бесчисленное количество раз.

2 апреля 1902 г. студент С.В. Балмашев, направляемый Г.А. Гершуни, смертельно ранив министра внутренних дел Д.С. Сипягина, положил начало эсеровскому террору. Затем были совершены покушения на харьковского генерал-губернатора Оболенского, уфимского губернатора Богдановича, помощника пристава Кулишова, полковника Метленко. 15 июля 1904 г. бомбой, брошенной Егором Сазоновым, был убит министр внутренних дел В.К. Плеве. С 1902 г. по 1911 г. эсеры совершили 248 покушений, в том числе в 1905-1907 гг. — 233. Боевая организация партии была устроительницей 11 покушений. Жертвами эсеровского террора стали 42 сановника и почти 150 представителей средних и низших государственных служащих. Объектами нападений специализированных террористических отрядов чаще всего становились представители высшего и среднего эшелона государственного аппарата; местных «боевых дружин» — низшего эшелона. В Боевую организацию за все годы ее существования входило около 100 человек, в специализированные террористические отряды — приблизительно 300 человек. Всего в эсеровском терроре непосредственно участвовало до 2% членов партии¹¹.

¹¹ Леонов М.И. Эсеры в революции 1905–1907 гг. Самара, 1992. С. 160–172; Он же. Партия эсеров: середина 90-х годов XIX в. 1907 год. // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 409; Павлов Д.Б. Из истории боевой деятельности партии эсеров накануне и в годы революции 1905-1907 гг. // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989 С. 144–150.

Б.В. Савинков

Террор стал кошмаром властей. Все крупнейшие представители власти, включая Николая II, премьер-министров, министров внутренних дел, постоянно интересовались Боевой и другими организациями террористов. Императора регулярно информировали о покушениях, о результатах следствия. По общему мнению, эффект, произведенный выстрелом Балмашева, был потрясающим. Власти не знали, что, как, откуда и почему. С осени 1902 г. в провинциальных губернских жандармских управлениях стали создаваться охранные отделения.

Особому отделу Департамента полиции придали функции органа по борьбе с революционным движением и террором в особенности. Огромное впечатление произвело убийство В.К. Плеве. «Строго посещает нас Господь гневом своим», — записывал Николай II. Были приняты чрезвычайные меры охраны императорской семьи, министров, высокопоставленных государственных деятелей. Их выезды совершались после консультаций с начальниками охранных отделений¹².

Самарское Губернское жандармское управление в 1905 — начале 1906 гг. возглавлял генерал-майор И.И. Каратаев. Больше всего он думал

¹² РО РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 765. Л.127; Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М.,1991. С. 94-96, 125-128; Мосолов А.А. При дворе последнего императора. М., 1993. С. 123; Стиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1918. С. 127.

Последствия взрыва дачи П.А. Столыпина на Аптекарьском острове. 1906 г.

о пенсии. 29 июля 1906 г. эсеры бросили в помещение жандармского управления бомбу (которая, однако, не взорвалась), 31 июля раздались взрывы бомб за Волгой. Нервы генерала не выдержали. Он немедленно поместил в газете объявление, что в связи с оставлением должности генерал-майором Каратаевым продаются дом и корова. Злополучное объявление произвело фурор. Директор департамента полиции М.И. Трусевич срочной телеграммой просил губернатора И.Ф. Кошко «успокоить» главного стража порядка Самары. Через две недели И.И. Каратаева уволили. Командующий Казанским военным округом генерал Карас, услышав о гибели самарского губернатора И.Л. Блока, так взволновался, даже нижняя челюсть у него затряслась. Опасаясь за свою жизнь, он не утверждал смертные приговоры военно-полевых судов¹³.

Убийц-террористов осуждали только консерваторы и консервативная пресса. В бюрократических кругах было немало таких, кто, как, на-

¹³ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1906 г. Д. 3. Ч. 18. Л. 5, 18; 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925. С. 542–543; Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.). Новгород – Самара – Пенза. Пг., 1916. С. 91.

пример, С.Ю. Витте, не скрывали удовлетворения убийством Плеве, великого князя Сергея Александровича, петербургского градоначальника В. фон дер Лауница и других¹⁴.

В самых высоких сферах находились люди, поставлявшие необходимую для совершения покушений информацию. Эсеры-максималисты получили из Царского Села исчерпывающие сведения, которые позволили им проникнуть на дачу премьер-министра Столыпина. В четвертом часу дня 12 августа 1906 г. к резиденции подкатил экипаж с тремя террористами. Из-за характерной для максималистов лихой беззаботности они опоздали. Запись на прием закончилась четверть часа назад. К тому же двое террористов, переодетые в форму жандармов, были без шпор и в зимних головных уборах. Все трое держали по объемистому портфелю с бомбой весом 6-6,5 кг. Почувствовав неладное, заведующий охраной премьер-министра генерал А.Н. Замятин и унтер-офицеры А.Л. Горбатенко и З.С. Мерзликин бросились им наперерез. С криком «Да здравствует революция!» террористы бросили портфели оземь — раздался страшной силы взрыв. Значительная часть двухэтажной дачи была разрушена, 24 посетителя убиты на месте, свыше 30 ранены. Погибли и были ранены ни в чем не повинные люди, в том числе и дети¹⁵.

Либералы, не принимая непосредственного участия в покушениях, одобряли террор, финансировали террористические предприятия. Редактор «Освобождения» П.Б. Струве возглашал: пока не разрушено здание самодержавия, каждый борец с ним представляет не опасность, благословение. Он прорицал: «Горсть смельчаков, идущих на верную смерть, физическими своими ударами разит самодержавие в лице его сановников». Радость по поводу убийства В.К. Плеве, вспоминал П.Н. Милюков, «была всеобщей». Это согласовывалось с наблюдениями «Московских ведомостей»: «Среди интеллигенции радость по поводу убийства Плеве была всеобщей. Либералы и постепеновцы были заодно

¹⁴ *Витте* С.Ю. Воспоминания: в 3 т. Т. 3. М., 1960. С. 330; *Гурко* В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 298; *Суворин* А. Дневник Александра Сергеевича Суворина. М., 2000. С. 346, 349, 371.

¹⁵ Взрыв на Аптекарском острове: Дело Климовой и Терентьевой о покушении на Столыпина // *Былое*. Пг. 1917. № 5–6. С. 221–225; *Григорович* Е. Зарницы: наброски из революционного движения 1905–1907 гг. Л., 1925. С. 44–61.

с либералами». В доме П.Б. Струве сообщение об убийстве Плеве вызвало такое радостное ликование, точно это было известие о победе над врагом. Самые известные либеральные адвокаты считали за честь защищать террористов в суде, отказываясь от гонораров¹⁶.

С.Я. Елпатьевский красочно описал радостное настроение, которым наполнилась Ялта после покушения на В.К. Плеве; вот встретились два пожилых солидных господина в котелках, поделились радостью, пожали друг другу руки и расцеловались¹⁷. Ликовало Одесское либеральное общество. К.М. Панкеев, один из богатейших людей Херсонщины, издатель «Южных записок», обратился к видному эсеру Н. Осиповичу со словами: «На днях вы просили у меня денег на всякие там дела. Я сказал — подумаю. Ну а теперь вот скажу: могу дать до тридцати тысяч, но исключительно на центральный террор», — и вскоре вручил деньги уполномоченному ЦК Н.С. Тютчеву¹⁸. Крупные суммы жертвовал эсерам и социал-демократам «буревестник революции» А.М. Горький. В его московской квартире боевики и скрывались от полиции, и изготавливали бомбы. Покушения финансировали известный пароходовладелец Н.Е. Мешков, обладатель многомиллионного состояния Н.Е. Парамонов, богатейшие купеческие семьи Высоцких, Гавронских, Гоцев, Фундаминских и многие другие¹⁹. Из США от эсеровских организаций и еврейской диаспоры только в 1905–1907 гг. в кассу ЦК партии поступило около 400 тыс. франков, которые по уставу нью-йоркского «Общества помощи Революционной России» делились между партией и Боевой организацией²⁰. Гершуни во время своего семинедельного турне по США собрал около 170 тыс. франков.

¹⁶ Струве П. Patriotica. СПб., 1911. С. 28, 153; Миллюков П.Н. Воспоминания: в 2 т. Т.1. М., 1990. С. 226; Тьrkова-Вильямс А. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 333–334; Освобождение. Штутгарт, 1904. № 52. С. 1, 34.

¹⁷ Елпатьевский С.Я. Из воспоминаний // Красная новь. 1928. № 9. С. 199.

¹⁸ Осипович Н. В грозные годы // Кандальный звон: Историко-революционный сборник. Т. 3. Одесса, 1926. С. 31–32.

¹⁹ Биценко А.А. Две встречи с М. Горьким // Каторга и ссылка. 1928. Кн. 41. С. 64–65; Буренин В. Памятные годы. Л., 1967. С. 114; Меньшиков Л. Охрана и революция. Ч. 3. Л., 1928. С. 170–171.

²⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1904 г. Д. 1. Ч. 1. Л. 220–221; Знамя труда. Париж, 1907. № 2. С. 24.

Официальные чины осматривают разрушенную взрывом дачу П.А.Столыпина на Аптекарском острове. 1906 г.

«Если бы можно было пробыть еще пару недель, я бы вывез большие деньги», — писал он брату²¹.

Траты террористов были велики. С января 1904 г. по декабрь 1907 г. Е.Ф. Азеф, агент Департамента полиции и одновременно куратор БО, получил из кассы ЦК почти 320 тыс. франков. Таким образом, в среднем ежемесячно ему выдавали около 2,5 тыс. рублей, которые он передавал руководителю БО Б.В. Савинкову. Согласно утверждению последнего, «дело Плеве» обошлось партии эсеров в 30 тыс. руб., «дело великого князя Сергея Александровича — в 7 тыс. руб. На самом деле траты были бóльшими. Савинков и другие боевики расходовали деньги безотчетно. Авторитетные члены партии определяли затраты на каждое из упомянутых выше «дел» в 50 и 40 тыс. руб²². Фантастические средства

²¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 273. Л. 184, 195.

²² ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3; Д. 123. Л. 27–32; Д. 133. Л. 51; Ф. 6065. Оп. 1. Д. 118. Л. 4.

тратили зацикленные на терроре максималисты. Значительная часть огромных денежных сумм, добытых ими кровавыми экспроприациями, бесследно исчезала, в частности в беспробудных кутежах²³.

Морально противоестественное «чувство радостного удовлетворения» интеллигенции (П.Б. Струве), достигнув апогея в связи с убийством В.К. Плеве, пошло на спад. По наблюдениям заведующего иностранным охранным отделением Л.А. Ратаева, убийство великого князя Сергея Александровича (4 февраля 1905 г.) «произвело впечатление, совершенно непохожее на то, которое наблюдалось по поводу убийства статс-секретаря Плеве... теперь все относится к убийству великого князя как-то уклончиво и неопределенно»²⁴. Либералы, тем более радикалы, продолжали славословить «героев» – террористов. В.И. Ленин, годы яростно третировавший «кадетолюбивого» Г.А. Гершуня, в июле 1908 г. писал о нем как человеке, «который своей преданностью революционной организации заслужил себе глубокое уважение»²⁵. Известие о том, что виднейший функционер и, как считали, руководитель Боевой организации Е.Ф. Азеф на протяжении полутора десятков лет был тайным агентом Департамента полиции, ошеломило поклонников террора, но и в 1909 г., и в 1910 г. они предпочитали обвинять во всех смертных грехах власти, отказываясь открыто осудить террор²⁶.

Простонародье неоднозначно относилось к террору. В Боевой организации партии эсеров рабочие составляли примерно 10%, в областных боевых отрядах Северной, Северо-западной, Центральной, Поволжской, Донской областей доля рабочих была примерно такой же. И лишь в ле-

²³ 7 марта 1906 г. вооруженная до зубов боевая дружина, возглавляемая В.В. Мазуриным, похитила у Московского общества взаимного кредита 875 тыс. руб. 14 октября 1906 г. максималисты забросали бомбами конный эскорт и карету, в которой перевозились поступления петербургской почтовой таможни. Их добычей стали 398 772 руб. 24 коп. // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1907 г. Д. 10. Т. 1; Оп. 1906 г. Д. 20. Ч. 12. Л. 24–70; Былое. Париж, 1909. № 9–10. С. 114–118; Чернов В.М. К характеристике максимализма // Социалист-революционер. Париж, 1910. № 1. С. 210, 215–238.

²⁴ Донесение от 7/20 февраля 1905 г. // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 316. 1905 г. Д. 1. Ч. 1. Л. 71.

²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 147.

²⁶ Государственная Дума. Созыв 3. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. 2. Заседание 33-е. СПб., 1909.

тучем боевом отряде Южной области рабочие составляли большинство. Губернские и городские боевые дружины эсеров в значительной части состояли из рабочих. Но эти формирования были ориентированы на массовые выступления, а индивидуальные покушения совершали попутно. Рабочие и представители маргинальных слоев составляли значительную часть террористических отрядов максималистов и анархистов всех оттенков. Лидерами организаций террористов вне зависимости от партийной принадлежности, за редким исключением, были интеллигенты²⁷. В отечественной литературе с 20-х гг. установилось мнение о благожелательном отношении всех рабочих к убийствам сановников, министров, «карателей», «царских слуг». Вероятно, это относилось только к рабочим-революционерам. Да и то, далеко не всем. Не следует забывать, что и в столицах, и в промышленных центрах было много рабочих, членов консервативных организаций²⁸.

Террористский индивидуализм противоречил вековой традиции крестьянства действовать «миром». «Миром» нападать на стражников, охранников и усадьбы, в крайнем случае делегируя для этого дружины молодежи. Конечно, были крестьяне, особенно молодые, которые приветствовали политические убийства.

В специализированных организациях террористов крестьяне встречались в единичных случаях. Порицали террор крестьяне, входившие в консервативные политические объединения, участники Всероссийского съезда крестьян-старообрядцев. Настороженно относились к индивидуальному политическому террору члены Всероссийского крестьянского союза, «крестьянских братств», крестьяне — депутаты Государственных Дум. На совещании крестьянских работников в июле 1906 г. крестьянин Пеленкин упрекал интеллигентов-революционеров в том, что они «со-

²⁷ Комаров Н. Очерки по истории местных и областных организаций партии социалистов-революционеров // Каторга и ссылка. 1926. № 4; Городницкий Р.А. Боевая организация партии эсеров в 1901–1911 гг. М., 1998. С. 235–236; Леонов М.И. Эсеры в революции... С. 23–25, 157–175; Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой русской революции. М., 1989. С. 194–198.

²⁸ Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. М., 1987. С. 184–203.

вершают только террористические акты, а другого ничего не делают»²⁹. Во многом в связи с неприятием террора 14 крестьян, прошедших во II Государственную Думу под флагом партии эсеров, ушли в Трудовую группу. Г.И. Кабаков, эсер с большим стажем, лидер «Алапаевской республики», на вопрос «Какой вы партии?» ответил: «Социалист-революционер». Подумав, добавил: «Но записался я в трудовую группу, потому что наши крестьяне боятся этого слова: с.-р., — думают, — где эсеры, там непременно с первого слова бомбы, динамит»³⁰.

Комната П.А. Столыпина после взрыва. 1906 г.

В немалой мере благодаря усилиям П.А. Столыпина Россия преодолела Смуту, устраняла наиболее значимые проявления системного дисбаланса. Уровень социальной психопатии заметно уменьшился. Либералы склонялись к реформам, отказывались солидаризироваться с крайними проявлениями революционной тактики. Финансовое содействие революционных предприятий уменьшилось до крайности. Начиная с 1907 г. партийные функционеры с горечью говорили о «бегстве интеллигенции» из радикальных организаций. К 1910 г. сохранилось небольшое количе-

²⁹ ГАРФ. Ф. 1187. Оп. 1. Д. 4475. Л. 8.

³⁰ Русское богатство. 1907. № 3. С. 128; Речь. 1907. 15 февраля.

ство разъединенных малочисленных групп максималистов и анархистов, численность партий социал-демократов и эсеров уменьшилась на порядок. «Разброд и шатание» характеризовали их состояние.

Террористические идеи потеряли былую привлекательность. Попытки воссоздать деятельные боевые отряды и совершить громкие политические убийства терпели крах. В январе 1909 г. ЦК партии эсеров постановил создать боевую группу под руководством Б.В. Савинкова, гарантируя финансовое обеспечение в 49 тыс. руб. за счет членских взносов. Таких средств у ЦК не оказалось, и тогда И.И. Фундаминский взялся финансировать предприятие за счет собственных средств. Потратив несколько десятков тысяч рублей, Савинков получил такие результаты: трех членов, подозреваемых в службе Департаменту полиции («провокаторов» на либерально-революционном сленге), одного агента политического сыска, исключительно неблагоприятные условия возобновления террора в партии, отказ «радикально социалистических элементов, оказывавших раньше помощь Боевой организации», сотрудничать с террористами. В 1911 г. боевой отряд был распущен, а сам Савинков объявил, что не желает иметь никаких отношений с ЦК и другими руководящими организациями партии, и просил «дорогих товарищей» (кавычки Б.В. Савинкова) оставить его в покое³¹.

1 сентября 1911 г. М. Богров смертельно ранил великого реформатора. Это покушение не нашло поддержки либерального общества. Политический террор первого десятилетия XX в. начали и завершили террористы-одиночки. Индивидуальный террор в реформировавшейся, «стольпинской» России уходил с политической арены.

Установившееся относительное равновесие оказалось хрупким. Социальные группы, жизненно заинтересованные в устройении России, были недостаточно значительны. Испытания Первой мировой войны ввергли страну в еще более всеобъемлющую и роковую своими последствиями Смуту.

³¹ ГАРФ. Ф. 6212. Оп. 1. Д. 42. Л. 128; Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998. С. 396–436.

Mikhail I. Leonov

TERROR AND STRIFE IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

In the beginning of the XX century, social strife was widespread all over the Russian Empire: dissidence among leaders was at its peak, the state machine (institutional power) was uncoordinated, the nobility was unhappy with the power structure, the largest part of educated society confronted the government and it was a perfect atmosphere for active social misfits. Personalized political terror indicated the Strife (smuta): between 1901 and 1911 among its victims were about 17 000 people, and many more suffered during "expropriations". The terror peak was in 1905-1907. All revolutionary parties, representatives of all social stratas (groups) from common people up to the nobility and wealthy groups, men and women, all took part in the personalized political terror. Usually terrorists are young people. Intelligensia formed the face of terror. Organized, systematic and ideologically supported, Esser's party terror (left-wing socialist-revolutionary party) was dominating.

The terror enhanced the governmental paralysis.

Terrorists were condemned only by conservators. Information was supplied to terrorists even from the very top of the government. Terrorists found support from politicized workers and social misfits, though peasants winced (stepped aside from or did not participate) in personalized terror actions. Liberals approved and financed terror. Large figures were donated by A.M. Gor'kiy, millionaire steamship owner N.E. Meshkov, multi-millionaire N.E. Paramonov, the richest merchant families of Visotskie, Gavronskie, Gortsevi, Fundamenskie and many others. Esser organizations and the Jewish community in the USA transferred to the Central Committee fund about 400 thousands franks from 1905-1907. These funds, according to the New York "Russian Revolution (aid) support society", were divided between the party and the armed group. During a 7-weeks tour across the USA, G.A. Gershuny gathered about 170 thousands franks.

Terror was extremely expensive. Between January 1904 and December 1907 the armed group of the left-wing socialist-revolutionary party (Essers) received about 320 thousand franks from the Central Committee fund: each month about 2,5 thousands rubles. Through Akashi and K. Tsilliakus, terror was supported with part of the "japanese money". Money gained by means of bloody "extraditions" was used in assassinations.

With the significant impact of P.A. Stolipin, Russia was overcoming the Strife, fixing the major active system misbalances. Decisive terror contractions and reforms lowered the level of social psychopathy. Liberals turned away from terrorists, stopping their financial support. Terroristic ideas became less attractive. The attempt of a terrorist on September 1, 1911 did not receive support from liberal society. During "Stolipin's" implementation of reforms personalized political terror was fading away, leaving behind deep scars on the body and the soul of the state.

Леонов Михаил Иванович

доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории
Самарского государственного университета

В.Д. Лебедев

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР В РОССИИ МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ НАЧАЛА XX ВЕКА

олитический терроризм, как известно, является фактом отечественной истории XIX–XX веков. Какую роль все же сыграло это явление общественной жизни в расшатывании устоев российской государственности, как отразилось на состоянии государственного аппарата, особенно во время Первой мировой войны?

В России существовало три политические силы, которые боролись с политическим террором: это МВД, прежде всего Департамент полиции и его Особый отдел, император и его ближайшее окружение, немногочисленные общественные организации и политические партии правого толка.

В XX в. исследования проводились главным образом после Февральской революции 1917 г., когда были образованы комиссии по разбору документов МВД. Именно материалы этих комиссий использовали советские историки, как в 1920–1930-е годы, так и в послевоенный период. Отметим, что основное внимание исследователей привлекала история сыска, прежде всего МВД, а также деятельность леворадикальных партий, главным образом РСДРП (б). История правящей династии, позиция императора и его родственников по этому вопро-

су освещалась по известным идеологическим причинам очень слабо и только с конца 1960-х годов¹.

Историю МВД и других политических институтов, боровшихся с революционным движением и революционным террором, исследовали в академических институтах и высших учебных заведениях. Большую роль в изучении истории и деятельности этого учреждения сыграл Московский государственный историко-архивный институт (ныне Российский государственный гуманитарный университет), в первую очередь кафедра по истории государственных учреждений и общественных организаций. В институте были подготовлены интересные и яркие работы по истории органов политического сыска и подведомственных учреждений МВД. Важной вехой в историографии стал учебник Н.П. Ерошкина, который неоднократно переиздавали и в постсоветский период². Эту работу характеризует богатый фактический материал, ясность изложения, логика построения текста. Идеологическая составляющая сведена к минимуму.

У советской историографии были определенные достижения. В-первых, историки ввели новый круг источников, во-вторых, они дали читателям представление о роли органов политического сыска в новой политической системе, сложившейся в нашей стране после 1905 г. Однако для этой литературы свойственна известная степень политизации событий, а также характерны ошибки, вызванные ограниченностью доступа к архивным документам.

В 1990–2000-х годах ситуация кардинально изменилась. Возросло количество научно-исследовательских организаций, где проводили изучение данного вопроса. Это работники архивов, в первую очередь Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), и ведомственных организаций – Российской академии государственной службы, Российского института стратегических исследований, Общества изучения истории отечественных спецслужб и др. Важнейшее значение для развития исторической науки имеет научная и редакционно-издательская деятельность Русской Православной Церкви.

¹ Лаверьичев В.Я. По ту сторону баррикад. М., 1967; Он же. Царизм и рабочий вопрос в России (1861–1917). М., 1972; Аврех А.Я. Столыпин и III Дума. М., 1968; Он же. Распад Третьеиюньской системы. М., 1985; Кризис самодержавия в России. 1895–1917. М., 1984; и др.

² Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.

Существенно изменились подходы к изучению истории МВД и подведомственных ему учреждений. В первую очередь следует выделить монографию З.И. Перегудовой, где весьма обстоятельно отражена история Департамента полиции МВД и его Особого отдела³. Автор детально рассмотрела структуру и функции различных подразделений Департамента, порядок делопроизводства, охарактеризовала руководство политической полиции, ее кадровую политику, количество штатных и внештатных сотрудников, историю многочисленных реорганизаций. Большое внимание уделено деятельности политической полиции по выявлению нелегальных организаций не только в России, но и за рубежом. В приложении опубликованы документы ГА РФ из фонда Департамента полиции. Автор пишет, что опыт профессиональной деятельности этого учреждения, который был накоплен за годы его существования, был велик. Однако к экстремальным обстоятельствам революционных событий 1917 г. кадры политического сыска не были подготовлены. Следовательно, сколь бы большое значение ни имели усилия по совершенствованию, профессионализации и рационализации отдельных видов государственного управления, добиться даже минимальных успехов здесь невозможно, если эта деятельность не является органической частью по совершенствованию государственной власти. Впоследствии содержательную часть этой работы дополнила и расширила Н.А. Карпова, более подробно раскрыв историю создания и деятельности районных охранных отделений⁴.

Выводы современных специалистов по истории Департамента полиции созвучны с мнением тех, кто занимается историей политических партий, в частности эсеров. Так, М.И. Леонов отметил, что с 3 июня 1907 по февраль 1917 г. практически все партии, особенно социалистические, переживали трудности. Лидеры социалистических партий перебрались за границу и затеяли внутренние конфликты. Несмотря на разгром полицией местных организаций, им удалось сохраниться и быстро восстановить в 1917 г. свое влияние. О положительных итогах борьбы МВД с левыми партиями пишут и в работах по истории Первой мировой войны⁵.

³ Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2000.

⁴ Карпова Н.А. Положение о районных охранных отделениях 1906 г. как основа правового обеспечения деятельности органов политического сыска // Отечественные архивы. 2011. № 3. С. 42–48; Она же. Учреждение районных охранных отделений в процессе реформирования системы МВД России в начале XX века // Наука и школа. 2011. № 4. С. 135–138.

⁵ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 405; Мировые войны XX века. М., 2005. Кн. 1: Первая мировая война. Исторический очерк. С. 372.

Большую роль в изучении позиций разных политических сил играют сборники документов по истории политических партий, и в частности о поддержке иностранными державами российских революционных партий⁶.

Для понимания процессов выработки важнейших решений по вопросам национальной безопасности нельзя обойти вниманием публикации, где раскрывается позиция руководства страны, т.е. монарха и тех государственных деятелей, которым он доверял. Таковыми в первую очередь были: московский генерал-губернатор, великий князь Сергей Александрович Романов, товарищ министра внутренних дел Д.Ф. Трепов, обер-прокурор Святейшего Синода — К.П. Победоносцев, председатель Совета министров П.А. Столыпин⁷.

Отметим, что важнейшие публикации, характеризующие позицию императора Николая II, были подготовлены церковными издательствами после причисления царя и его семьи, а также великой княгини Елизаветы Федоровны Романовой к лику святых⁸. Кроме того, вышли в свет книги, изданные еще до войны представителями русской эмиграции. В них весьма обстоятельно изложены и проанализированы причины политических убийств. Авторы прямо говорят, что это была борьба не за свободу, а за

⁶ Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии, 1905–1911 гг. М., 1994. Т. 1; Либеральное движение в России, 1902–1905 гг. М., 2001; Конференция РСДРП 1912 г. Документы и материалы. М., 2008; Бунд. Документы и материалы, 1894–1921. М., 2010; Павлов Д.Б. Русско-японская война на суше и на море 1904–1905 гг.: секретные операции на суше и на море. М., 2004; Он же. Японские деньги для первой русской революции. М., 2011; Русско-японская война в документах внешнеполитического ведомства. М., 2006; и др.

⁷ “Вы единственный из моих слуг, на которого я могу совершенно положиться”. Из переписки Николая II и Д.Ф. Трепова. 1905–1906 гг. // Исторический архив. 2003. № 4. С. 171–185; “Мы переживаем страшно трудные времена”. Письма великого князя Сергея Александровича Николаю II. 1904–1905 гг. // Исторический архив. 2006. № 5. С. 101–109; П.А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы: в 2 т. М., 2002–2003; Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010; Дневники императора Николая II (1894–1918). М., 2011. Т. 1; Мультиатули П.В. Кругом измена, трусость и обман: Подлинная история отречения Николая II. М., 2012.

⁸ Кудрина Ю.В. Мать и сын. Император и императрица. Императрица Мария Федоровна и император Николай II. М., 2004; Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы: в 4 кн. М., 2006–2011; Великая княгиня Елизавета Федоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009; Государь на фронте. Воспоминания (Сэр Джон Хэнбери-Уильямс. Император Николай II каким я его знал; П.К. Кондзеровский. В ставке Верховного). Сборник. М., 2012.

Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович

разрушение Российского государства. Ими названы имена сановников, профессоров, представителей аристократии и деловой элиты, а также их высокопоставленных зарубежных покровителей из европейских стран и Америки, которые организовали и финансировали террор⁹. Авторы этих книг помнили дореволюционное время, поэтому их исследования можно считать также историческими источниками. Другая особенность — их удивительная прозорливость и наблюдательность. Не имея возможности работать в нашей стране, они, опираясь на собственные воспоминания и сведения из фондов зарубежных архивов и библиотек, высказали взгляды, которые подтверждаются в наши дни находками в российских федеральных архивах.

Таким образом, за последнее десятилетие в историографии произошли заметные изменения. Во-первых, постепенно стали уходить представ-

⁹ Солоневич И. Народная монархия. М., 1991; Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов: в 2 т. М., 1992; Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 2006; Якобий И.П. Император Николай II и революция. М., 2010.

ления о государе как нерешительном и слабавольном политике, не интересующемся государственными делами. Введенные в научный оборот документы свидетельствуют об обратном. Приведем одно из таких суждений в комментариях для сборника документов: "...русский император всегда был не только в здравом уме, но, обладая феноменальной памятью, внимательно отслеживал все происходящее, полностью владел ситуацией и твердо проводил свою линию в тех непростых условиях, которые сложились внутри и за пределами империи"¹⁰. Во-вторых, определены главные причины, побудившие иностранных политиков и общественные организации, главным образом англо-американские и германские, участвовать в подготовке революции¹¹.

Сегодня происходит процесс переосмысления прошлого нашей страны. По-видимому, это становление новой исторической школы. Однако поскольку вопрос о ее формировании еще только поставлен, можно увидеть некоторые пробелы, которые еще должным образом не осмыслены. Большинство современных исследований имеют локальные задачи. Историки сосредоточены либо на истории отдельных учреждений и общественных организаций, либо внешнеполитических вопросов, либо истории войн. Увязать историю терроризма в России с другими явлениями, с его социально-экономическими и психологическими корнями пытались только те специалисты, которые пишут о событиях Февральской революции. Когда речь идет о поиске обстоятельств, вызвавших террор и о его характере, никто, кажется, не обратил внимания, что жертвы убийц, прежде всего среди высокопоставленных чиновников, имели что-то общее. В то же время другие, не менее значимые политические фигуры, например министры финансов, не пострадали. Почему после 1905 г. некогда лояльные к монархии группы предпринимателей стали поддерживать радикальные группы с их террористическими методами борьбы? Наконец, хотя это весьма сложно, но необходимо понять позицию императора по вопросам национальной безопасности и была ли у него какая-либо собственная концепция развития государства. Задача данной статьи – проанализировать условия борьбы с политическим терроризмом между двумя русскими революциями начала XX в.

¹⁰ Русско-японская война в документах... С. 101; см. также: "Вы единственный из моих слуг, на которого я могу совершенно положиться". Из переписки Николая II и Д.Ф. Трепова... С. 175.

¹¹ *Мультатули П.В.* Указ. соч. С. 27..

Министр народного просвещения Н.П. Боголепов

Волна политического террора началась в 1901 г. с убийства министра народного просвещения Н.П. Боголепова эсером П. Карповичем. В последующее десятилетие от выстрелов и бомб погибают почти все государственные деятели, которым доверял император Николай II: министры внутренних дел Д.С. Сипягин (1902) и В.К. Плеве (1904), дядя монарха, московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович Романов (1905), председатель Совета министров П.А. Столыпин (1911). Уже после революции убивают вместе с семьей одного из последних председателей дореволюционного Совета министров И.Л. Горемыкина (1917), а также бывших министров внутренних дел: А.Н. Хвостова (1918), Н.А. Маклакова (1918), А.А. Макарова (1919). Обращает внимание именно это обстоятельство — все погибшие принадлежали к доверенным лицам императора, все они придерживались одинаковых взглядов на перспективы развития российской государственности и ни разу на практике не изменили своим убеждениям.

Единственный близкий человек государя — великий князь Александр Михайлович Романов по счастливой случайности избежал насильственной смерти и умер в эмиграции. Однако после революции 1905 г. и вплоть до 1917-го князь никакого политического влияния не имел, поскольку занимался в основном вопросами судостроения и авиации. Встречающиеся в литературе мнения, что князь предал государя в 1917-м, ошибочны и вызваны недостаточным знанием комплекса документов о его жизни и деятельности, тем более что они рассредоточены по хранилищам Москвы,

Министр внутренних дел Д.С. Сипягин

Санкт-Петербурга, Симферополя и других городов. В качестве примера можно указать на письмо в редакцию газеты “Русское слово” от 12 апреля 1917 г., в котором князь требовал прекратить кампанию клеветы на свергнутого монарха и вдовствующую императрицу Марию Федоровну¹². То, что князь в конце 1900-х годов поддерживал переписку с некоторыми организаторами будущего февральского переворота (А.И. Гучков, П.П. Рябушинский), ничего не доказывает, поскольку в то время этим деятелям доверял и Николай II. Каковы же были взгляды этих лиц? Во-первых, они были убеждены, что Россия не может состояться как великая держава без монархии. Во-вторых, условием для развития страны должна быть технико-экономическая самостоятельность, или, как тогда говорили, “самодостаточность” государства и просвещение народа на высоких моральных принципах православия и с учетом развития науки и техники. Под самодостаточностью экономики подразумевалось создание крупных промышленных предприятий замкнутого технологического цикла, где весь процесс производства находится на территории страны. Такие предприятия были созданы и выпускали железнодорожные составы и оборудование для железных дорог, суда, изделия военного назначения. В этом смыс-

¹² Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 259 (газета “Русское слово”). К. 25. Ед. хр. 64. Л. 1.

ле их представления полностью соответствовали духу экономической политики императора Александра III. Реализация такой политики вела к краху как революционных идей, так и планов крупных европейских и американских фирм по захвату мировых рынков. Есть веские основания считать, что вышеупомянутые деятели мешали планам революционеров и той части российской бюрократии, которая проводила экономические и политические реформы в интересах международного капитала и конкурентов российских компаний, и тем самым подписали себе приговор.

Намерения посягнуть на законную власть главы государства появились задолго до правления Николая II, но объективные условия для их реализации сложились именно во второй половине 1890-х годов, в ходе преобразований министра финансов С.Ю. Витте. В этом смысле для судеб страны очень важным стал спокойный в политическом отношении 1897 г. Именно тогда под руководством министра была проведена реформа денежного обращения, в результате которой сформировалась влиятельная прослойка сановников, настроенная против национально мыслящих российских политиков и самого монарха.

Реформа устанавливала, как известно, золотой монометаллизм рубля или свободный обмен рубля на золото. По указу от 29 августа 1897 г. Государственный банк стал центральным эмиссионным банком, который получил право выпускать необеспеченные золотом банкноты в 300 млн руб.¹³. Такое ограничение эмиссии, наряду с превращением главного эмиссионного учреждения в ведущий кредитный центр, создавало предпосылки для того, чтобы поставить российскую экономику, прежде всего новые отрасли промышленности, в зависимость от внешних заимствований, благодаря которым количество товаров было бы эквивалентно денежной массе. Тем самым реформа объективно поставила вновь создаваемые отрасли экономики в технологическую и отчасти финансовую зависимость от иностранных крупных компаний и правительств. Иными словами, финансовая реформа способствовала ускоренному притоку иностранного капитала в основном в ссудной форме. Иностранные банки почти не вкладывали средства в модернизацию российской про-

¹³ Русский рубль: два века истории. М., 1994. С. 115–174; *Благих И.А.* Экономические взгляды С.Ю. Витте // Сергей Юльевич Витте — государственный деятель, реформатор, экономист. М., 1999. Ч. 1. С. 188–208; *Витте С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. М., 2006. Т. 3, кн. 1–3; и др.

мышленности, а были, как правило, заинтересованы (как и правительства европейских государств) в получении сиюминутной прибыли. С 1895 г. техническая модернизация ведущих военных предприятий страны — Обуховский и Путиловский заводы — полностью зависела от Министерства финансов¹⁴. Поэтому внедрение новейших инженерных разработок на предприятиях сопровождалось большими трудностями. Это обстоятельство усугублялось тем, что в Морском министерстве с начала 1880-х годов было принято проектировать корабли устаревших французских или английских образцов¹⁵.

Скудость финансовых средств тяжело отражалась и на состоянии аграрно-крестьянского сектора экономики. Особенно пагубными оказались последствия реформы в нефтяной отрасли, и на примере российских нефтяных фирм политика Министерства финансов проявилась наиболее ярко. К 1898 г. российская нефтяная промышленность вышла на первое место по мировой добыче и экспорту керосина, удерживая лидерство до 1901 г., что вызвало тревогу у ее основного конкурента — американской компании “Стандард Ойл Со”. Поэтому идея вытеснить отечественные предприятия с международных рынков стала одной из главных задач американского правительства, и в первую очередь этой фирмы. Для этого в Великобритании учредили десять компаний, которые были официально заявлены как английские, а по сути, являлись дочерними фирмами “Стандард Ойл Со”. Их основным капиталом составлял в общей сложности 53 млн руб. Тогда же, в 1897 г., в статье “Развитие нефтяной промышленности на Апшеронском полуострове” была сформулирована программа захвата нефтяных месторождений на Кавказе английским бизнесом¹⁶. О возможности появления таких фирм в России С.Ю. Витте еще в 1894 г. предупреждал чиновник особых поручений Министерства финансов М.И. Лазарев: «В силу сравнительной дешевизны русского керосина последний быстро начал брать у импортеров перевес над американским и О-во “Standard Oil Со” пришло к убеждению, что его единственное спасение состояло в устройстве строгого контроля или (разорения) уничтожения тех покупателей, от которых зави-

¹⁴ Памятная книжка Морского министерства на 1897 г. СПб., 1897. С. 380–399.

¹⁵ История отечественного судостроения. СПб., 1996. Т. II: Паровое и металлическое судостроение во второй половине XIX в. С. 160–174.

¹⁶ Development of the Oil Industry in the Apsheron Peninsula // The Engineer (London). 1898. Vol. LXXXV. Apr. 8. P. 323–325.

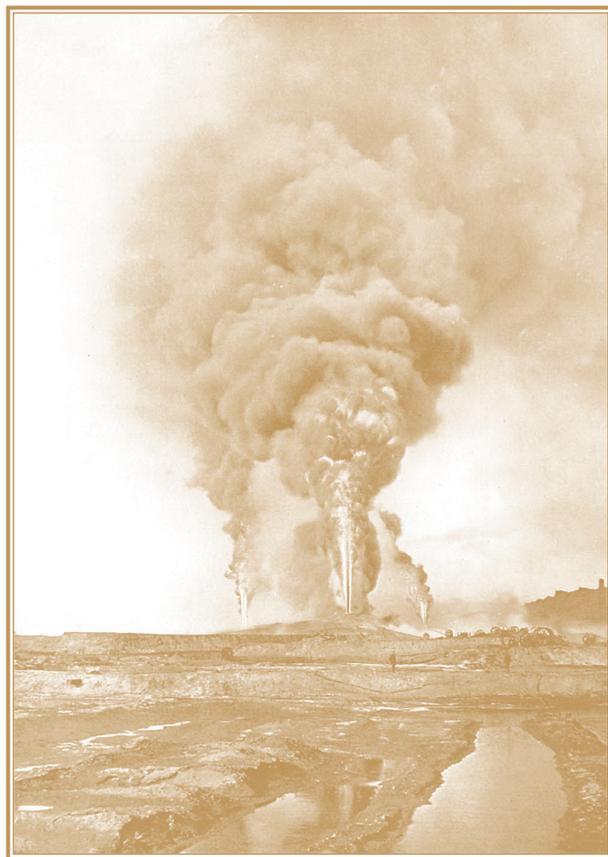
села русская и американская “оутсайд” торговля; засим, в организации в каждой провинции с потратой громадного капитала такого устройства, при посредстве которого явилась бы возможность вытеснить не только русских, но и американских соперников». Об ассигновании “Стандард Ойл Со” 10 млн долл. на приобретение в России нефтеносных участков и о возможной деятельности компании через английские фирмы писал также управляющий русским Генеральным консульством в Нью-Йорке — А.П. Вейнер директору Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов В.И. Ковалевскому¹⁷. О возникновении в Лондоне новых английских компаний для приобретения нефтеносных земель на Кавказе, об организации ими подписки на акции “без предварительного испрошения разрешения нашего правительства” сообщал министру финансов также коммерческий агент министерства С.С. Татищев в письме от 13 мая 1898 г.¹⁸

Таким образом, министр финансов знал, что российские предприятия попадают в руки американских конкурентов, однако скрыл это как от императора, так и от руководителей министерств и ведомств. Двоюродный дядя и свояк императора, великий князь Александр Михайлович Романов безуспешно пытался воспрепятствовать захвату месторождений, о чем сообщил государю в докладной записке от 20 марта 1898 г. и в личных письмах от 31 марта и 30 апреля того же года, полагая, что речь идет только об английских компаниях¹⁹. В связи с этим 3 июня 1898 г. было созвано Особое совещание по вопросу об участии иностранного капитала в русской нефтяной промышленности, на котором Витте заявил: “...если в вывозе нашего керосина в европейские страны принимали деятельное участие англичане, то они своими капиталами, предприимчивостью и энергией принесли немалую пользу распространению русского продукта”. На письме одного из директоров Английского банка, Эв. Губбарда, с просьбой о регистрации предприятия он поставил резолюцию: “Вл. Ив. Ковалев[скому]. Повидайтесь с Губбардом и объясните ему, в чем дело. Затем составьте ответ и пришлите мне. По

¹⁷ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России, 1883–1914. Документы и материалы. М.; Л., 1961. С. 167, 218–219.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГА РФ). Ф. 597. Оп. 1. Д. 691. Л. 11 об.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 579. Л. 1–9; Ф. 601. Оп. 1. Д. 1142. Л. 188, 189 об. – 190, 191 об.–192, 193 об.; 194–196.

Нефтяные промыслы в Баку. Начало XX в.

существованию, по моему убеждению, совершенные уже сделки необходимо признать и оформить. Если может быть речь об ограничениях, то такие могут касаться лишь будущих сделок”²⁰.

В других учреждениях, в частности в Министерстве земледелия и государственных имуществ, не поняли реальную подоплеку интереса этих фирм к кавказской нефти даже после отставки Витте в 1903 г., полагая, что это было вызвано максимальными ценами на нефть²¹. С 1901 г. началось падение производства нефти, особенно керосина, и уменьшение ее

²⁰ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России... С. 224; Исторический архив. 1960. № 6. С. 83.

²¹ ГА РФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 331. Л. 88.

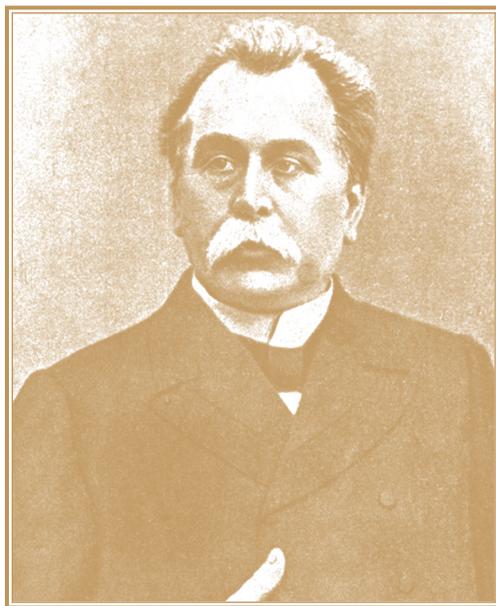
продаж на мировом рынке. Особенно тяжелые последствия для отрасли нанесли пожары 1904–1905 гг. Случайное это совпадение или нет – неизвестно, можно только констатировать, что на предприятиях английских фирм пожаров не было. К началу Первой мировой войны цена на пуд керосина поднялась на внутреннем рынке России почти в 10 раз.

На примере нефтяной промышленности в Баку можно увидеть, как экономика страны, ее стратегические отрасли попали как бы в финансовую ловушку, из которой выбиралась несколько десятилетий. Хотя С.Ю. Витте был уволен с должности министра в 1903 г., ее экономические последствия давали о себе знать вплоть до самой революции. Сам Витте продолжал оставаться весьма влиятельной фигурой в бизнесе и политике вплоть до своей смерти (1915), несмотря на то что высоких постов после отставки с поста председателя Совета министров в 1906 г. не занимал. В 1914–1915 гг. он регулярно проводил встречи с представителями деловой элиты, дипломатами: министром иностранных дел Италии – маркизом Сан-Джулиано, членами Государственного совета князем А.Д. Оболенским и генерал-адъютантом В.В. фон-Валем, издателем газеты “Биржевые ведомости” С.М. Проппером и др.²² Директор Департамента полиции Н.Н. Янушкевич ставил агентам следующие задачи: “Примите все меры к установлению наружного наблюдения за графом Витте, поручив это исключительно надежным агентам. Постарайтесь также внутренней агентурой выяснить его отношения к текущим военным событиям равно знакомства. [О] результатах, а также передвижениях еженедельно подробно доносите”²³. Среди его знакомых были и те, кто в 1916 г. готовил переворот против императора.

История с нефтяными компаниями показала, насколько опасна ситуация, если в стране отсутствует учреждение, занимающееся политической внешней разведкой и контрразведкой. Известно, что внешняя разведка в дореволюционной России была рассредоточена по различным ведомствам: Министерству внутренних дел, Военному министерству, Министерству финансов. Кроме них, император Николай II часто опирался в принятии решений во внешней политике на доверенных лиц, но они были немногочисленны и не могли заменить аналитические и оперативные управления крупного секретного органа власти. В результате МВД, как,

²² ГА РФ. Ф. 102 ОО, 1914 г. Оп. 316. Д. 240. Л. 2, 4, 6, 7 и др.

²³ Там же. Л. 1.

Министр внутренних дел В.К. Плеве

впрочем, и другие ведомства, руководители которых стремились к развитию национальной экономики, оказались на периферии общественно-политической жизни. Примечателен и такой факт. После своей отставки Витте уехал в Германию и Францию, причем в Париже он встречался со своим давним партнером Ал. Ротшильдом. Однако в своих воспоминаниях он умалчивает содержание встреч. Незадолго до своей смерти министр внутренних дел В.К. Плеве писал императору в докладной записке от 14 декабря 1903 г.: «Со времени возвращения статс-секретаря Витте из-за границы его поведение создает ряд осложнений: в частной и общественной жизни он служит источником тревожных слухов о современном положении наших внешних сношений и внутренних дел и вдохновляемым продолжающейся газетной кампанией за границей, так как двигатели этой кампании, преимущественно евреи и финляндцы, видят в нем энергического союзника»²⁴. В записках императору он писал о пагубности экономической политики Витте, о его странной пассивности при ведении переговоров с германским правительством о заключении торгового договора и т.п.²⁵. Однако никаких последствий для Витте эта записка не

²⁴ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 625. Л. 2.

²⁵ Там же. Л. 1–5 об.

имела. Не было состава преступления — нет и возможности отдать Витте под суд. Отслеживать его действия стали только в 1914 г., но никаких веских доказательств его антигосударственных действий найти тогда так и не удалось. Обращает на себя внимание и то, что деятельность революционеров беспокоила министра значительно меньше, чем либералов. “Если не уймете демократов, я сделаю жизнь вашу невыносимой”, — заявил он депутации кишиневских евреев²⁶. Однако после убийства Плеве их никто “не унимал”, что через год и вызвало национальный кризис. Политическая слабость МВД объективно усиливала позиции оппозиционных и революционных движений, в том числе и тех, кто использовал в качестве борьбы террор. Более того, ненависть к монархии часто толкала оппозиционно настроенных политиков к переговорам с революционерами. Интересно и то, что на деле многие революционеры, особенно меньшевики, в критических ситуациях занимали в отношении собственной страны те же позиции, что и сторонники реформ Витте, прежде всего в области внешней политики вообще и иностранных капиталов в частности²⁷. Приведем в качестве примера суждения, взятые из тезисов меньшевиков: “Говорят: вооруженное вмешательство союзников в русские дела грозит ограблением и превращением страны в иноземную колонию. Это плод досужей фантазии и заведомо недобросовестного расчета”²⁸.

Таким образом, политическая слабость МВД, особенно Департамента полиции, и отсутствие единого органа внешней разведки — первая причина роста политического террора. Сейчас уже установлено и доказано, что революционные партии имели финансовую и политическую поддержку из-за рубежа, причем в первую очередь из Соединенных Штатов, Англии, Японии (во время войны) и Франции. Однако в Департаменте полиции не имели веских доказательств на высших сановников и чинов Министерства финансов и их единомышленников в МИД, Министерстве земледелия и государственных имуществ и других ведомствах.

Полицейская служба уже накануне революции 1905 г. была одной из самых опасных профессий, особенно на окраинах, где нападения и рас-

²⁶ Бунд. Документы и материалы... С. 752.

²⁷ Большевики в большевистской России, 1918–1924 / Большевики в 1919–1920 гг. М., 2000. С. 742, 767.

²⁸ Там же. С. 313.

правы над должностными лицами и городскими стали столь частыми, что многие из них из страха за свою жизнь оставили службу. Об этом стали появляться сообщения в печати, что, по-видимому, только сильнее деморализовало общество²⁹. Убить руководителей МВД оказалось недостаточным, для революции нужно было разрушить учреждение, прежде всего корпус жандармов, представляющий собой, по словам генерала В.Д. Новицкого, “компактную массу консервативного направления и убеждения людей, преданных беззаветно государю императору, охраняющий престол и сохранение государственного и общественного строя”³⁰. Однако особенно широкий размах террор приобрел, как известно, в 1905–1906 гг.: среди убитых были член Государственного совета граф А.П. Игнатьев, пензенский губернатор А.С. Хвостов, петербургский градоначальник фон дер Лауниц, главный военный прокурор В.П. Павлов, генерал В.В. Сахаров, вице-адмирал Г.П. Чухнин и др. Так, за первое полугодие 1906 г. революционеры убили 489 человек, затем с 1 июля по 15 августа еще 244, многих из них — с патологической жестокостью³¹.

В таких условиях сотрудники полиции неизбежно допускали ошибки. Они проявились в неумении оперативно и грамотно пресекать деятельность боевиков левых партий при подавлении беспорядков, что часто вызывало гибель ни в чем не повинных людей. Так, при подавлении декабрьского вооруженного восстания в Москве из 424 погибших военных и полицейских было 34, боевиков — 84, остальные — случайные прохожие. Такие действия серьезно подрывали авторитет полиции, вызывали желание даже у законопослушных подданных действовать самостоятельно, устраивать самосуд. Так, в Петербурге было найдено воззвание “К врагам отечества” от имени “Тайного общества террористов-консерваторов Белый передел”, члены которого намеревались отвечать прокламациями на угрозы революционеров и бомбами на их бомбы. В 1905 г. аналогичные листовки были найдены в Тамбове, Владимирской, Тульской, Бессарабской губерниях. Согласно циркуляру Департамента полиции, издание и распространение таких листовок не может быть трактуемо иначе, как

²⁹ Русское богатство. 1903. № 1. С. 185.

³⁰ Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 192.

³¹ Новое время. 1906. 12 сент.; см.: Якобий И.П. Указ. соч. С. 63.

Копія.

Секретно.

ЖУРНАЛЪ № I-й.

засѣданія особой комиссіи о средствахъ борьбы съ возможнымъ осуществленіемъ преступныхъ замысловъ при помощи воздухоплавательныхъ снарядовъ.

Состоялось 3 -го Августа 1909 г.

Предсѣдательствовалъ: Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Командующій Отдѣльнымъ Корпусомъ Жандармовъ, въ должности Штабмейстера, Генераль-Маіоръ Курловъ. Присутствовали: Директоръ Департамента Полиціи Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Зубовъ, Командиръ учебнаго воздухоплавательнаго парка Генераль-Маіоръ Кованько, Старшій Дѣлопроизводитель Канцеляріи Артиллерійскаго Комитета Главнаго Артиллерійскаго Управленія Генераль-Маіоръ Маркевичъ, Вице-Директоръ Департамента Полиціи Коллежскій Совѣтникъ Виссарионовъ, Начальникъ Дворцовой Полиціи Полковникъ Геррарди, Генеральнаго Штаба Подполковникъ Одинцовъ и Завѣдывающій Дѣлопроизводствомъ Комиссіи Чиновникъ Особыхъ Порученій У-го класса при Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ Надворный Совѣтникъ Курловъ.

Открывая засѣданіе, предсѣдатель заявилъ, что въ виду значительнаго за послѣднее время усовершенствованія техники въ области постройки воздухоплавательныхъ снарядовъ, за границей существуютъ уже спеціальныя заводы, изготовляющіе летательные аппараты и продающіе таковыя по сравнительно недорогой цѣнѣ, о чемъ не-

проявление деятельности тайных, недозволенных организаций, могущих вызывать опасность не менее серьезную, чем деятельность организаций противоправительственного характера³².

Как отнеслось общество к этим событиям? В то время у огромного количества общественных деятелей, служащих, журналистов и писателей террористические акты вызывали совсем иные оценки, чем сейчас. После того как в Севастополе 14 мая 1906 г. в момент неудавшегося покушения на коменданта убило восемь человек, в том числе двух детей, левая печать писала так: “Когда остынут первые впечатления, и сами раненные, и близкие погибших поймут, что они явились жертвой случая, что не против них был направлен удар”³³. Адепты либерализма высказывались о терроре так: “правительству надо угрожать и указывать на неизбежный рост террора, но не радоваться этому, а лишь оправдывать иногда его или скорее понимать его”, – говорил князь П.Д. Долгоруков; “мстителями за народное горе” называл террористов профессор П.Н. Милюков; “я это понимаю и потому не назову террориста убийцей”, – заявлял граф П.А. Гейден³⁴. У них была удобная позиция: она гарантировала личную безопасность от тех же террористов, сохранность материального благополучия, столь ценимую ими репутацию солидных и “ответственных” интеллектуалов.

Отметим, что в 1905 г. насчитывалось около 50 тыс. представителей земско-либеральной фронды, и в их руках были сосредоточены огромные финансовые средства, что позволяло им вести широкую пропаганду своих взглядов. Как писал великий князь Александр Михайлович, “трон Романовых пал не под напором предтеч советов и юношей-бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворных званий, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и др. общественных деятелей, живших щедротами империи”³⁵. Отметим, что большинство из них работали служащими земств, а это позволяло отслеживать и контролировать ситуацию в уездах. Революционной ситуацией сразу же воспользовались председатель

³² Предыстория право-монархических партий в России, 1902–1905 гг. // Исторический архив. 2001. № 5. С. 131.

³³ Народный вестник. 1906. 20 мая. См. также: *Ольденбург С.С.* Указ. соч. С. 403.

³⁴ Либеральное движение в России... С. 32, 372, 373.

³⁵ *Великий князь Александр Михайлович.* Воспоминания. М., 2004. С. 190.

Комитета министров С.Ю. Витте и его сторонники в правящих сферах (В.И. Ковалевский, А.С. Ермолов, В.Н. Коковцов и др.). Ход переговоров председателя с представителями земско-либеральной фронды в 1905 г. уже хорошо изучен в литературе, и нет нужды повторять известную канву событий. Проблема заключалась и в том, что мысль о предательстве появилась и в придворных кругах. Так, княгиня О.В. Палей писала супругу, великому князю Павлу Александровичу: «Вчера опять гуляла с Коваленской — она очень интересно разговаривает. Она, между проч., сказала: “в Петербурге теперь идет переоценка ценностей, все, что прежде ценилось выше всего — двор, дворец, милости, великие мира — теперь все это упало в цене — сами это видят и чувствуют, что прежняя ее гордость, холодность и надменность ни к чему не привела” (это про Ад[ександру] Фед[оровну] гл. образом)»³⁶. Итак, отсутствие общественного осуждения терроризма и, по сути, предательство монархии высшими чиновниками — это еще одно непеременимое условие для его разгула.

Происходившие террористические акты очень остро и болезненно воспринял император Николай II. Об этом свидетельствуют, в частности, его дневниковые записи: “Получил скверную весть о том, что в Бобрикова стреляли в здании Сената и что он тяжело ранен”, “Утром П.П. Гессе принес тяжелое известие об убийстве Плеве брошенной бомбою в Петербурге против Варш[авского] вокзала... Строго Господь посещает нас Своим гневом”³⁷. Другим источником, еще более полно раскрывающим позицию монарха, являются письма петербургскому генерал-губернатору Д.Ф. Трепову: “Начав с того, как преступны в настоящее время войны вообще всякие беспорядки, забастовки, когда более чем когда-либо необходимо полное единение всех русских людей, что это настоящая измена Родине; еще хуже поведение образованных кружков, пользующихся всеми смутами, чтобы разжигать страсти и производить бесчинства и насилие на улицах; все преступления и проступки будут немедленно караться, и что всякий должен честно исполнить свой долг и свое дело, как бы они были малы, помогая этим правительству”³⁸.

³⁶ ГА РФ. Ф. 644. Оп. 1 Д. 146. Л. 34–34 об.

³⁷ Дневники императора Николая II (1894–1918). М., 2011. Т. 1. С. 808, 815.

³⁸ “Вы единственный из моих слуг, на которого я могу совершенно положиться”. Из переписки Николая II и Д.Ф. Трепова... С. 176.

В обстановке возрастающего террора все меньше оставалось политиков, военных и общественных организаций, способных проявить бескомпромиссность и смелость не только непосредственно к террористическим группам, но и к тем, кто хотя бы косвенно их поддерживал. К такому можно причислить участников съезда уполномоченных дворянских обществ, которые послали телеграмму следующего содержания: “Новый Петергоф. Его Императорскому Величеству. Съезд уполномоченных объединенного российского дворянства, в твердой надежде содействовать своими посильными трудами государственному строению и умиротворению отечества, переживающего столь тяжкие испытания, повергает перед Вами, Государь, выражение своих верноподданнических чувств и уверения в неизменной верности престолу, историческим заветам русского народа и основным началами великой и единой России под державою Вашего Императорского Величества. Председатель съезда граф Алексей Бобринский”³⁹. Вместе с тем многие из них понимали, что поместное дворянство представляет собой “столь малую величину, что, если все стихии государства обратятся против нас, никакие наши проекты и действия нас не спасут”⁴⁰.

Особый интерес представляет позиция иерархов Русской Православной Церкви. Ее отличала редкая принципиальность в неприятии террористов и их “интеллигентных” пособников как в провинции, так и в столице. В качестве одного из наиболее ярких примеров можно привести деятельность епископа Гермогена в Саратове, резко осуждавшего убийство инспектора семинарии А.И. Целембровского, не считавшегося с мнением бунтарей-семинаристов ни в 1907, ни в 1911 гг.⁴¹. Общероссийскую известность получила деятельность Святого праведного о. Иоанна Кронштадтского, который гневно обличал предателей-министров, мечтательных конституционалистов, утверждал, что свобода совести ведет к жизни без совести и без церкви нет спасения. “Кто посаждает на престоле царей земных? Тот, Кто Один от вечности сидит на Престоле огнезračном, и Один в собственном смысле, царствует всем

³⁹ Объединенное дворянство Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ, 1906–1916 гг.: в 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 51.

⁴⁰ Там же. С. 47.

⁴¹ Мраморнов А.И. Епископ Гермоген (Долганов) и семинарское образование в Саратове в начале XX века // XVI Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2006. Т. 2. С. 220–227.

П.А. Столыпин, 5 сентября 1911 г.

созданием — небом и землею со всеми обитающими на них тварями”⁴². Грозным предупреждением звучит одна из записей в дневнике: “Где будут на Страшном Суде наши начальники и профессеры академий, университетов и всех высших, средних и низших заведений со своими питомцами? По достоинству своего духа или недостоинству каждый получит свое. Но содомлянам и гоморрянам, тирянам и сидонянам, ниневитянам и прочим будет отраднее, нежели христианам, принадлежавшим к Церкви Христовой, имевшим Евангелие, богослужение, Таинства и пренебрегшим всем этим (ср.: Мф. 11:20-24). Что? Жутко, господа? Спешите исправиться все; Суд приближается”⁴³. Однако возможности духовенства также были ограничены — революционеры и либералы были либо атеистами, либо сектантами. Нападения на священников, насмешки и издевательства над Синодом стали обычным явлением в годы революции и после нее. Издевательские памфлеты и карикатуры печатали в

⁴² Святой праведный Иоанн Кронштадтский: избранные сочинения, проповеди, материалы. М., 2011. С. 567.

⁴³ Там же. С. 626.

мелких газетках и листовках⁴⁴. В день объявления манифеста 19 октября 1905 г. ушел в отставку обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев. Мимо его дома на Литейном проспекте двигались потоки манифестантов: «Улица всячески тешилась над больным стариком и сводила с ним былые счеты, на которые он совершенно не считал нужным отвечать...»⁴⁵ «Как “просвещенные” неверы, — писал И.А. Ильин, — они совершенно не видели драгоценного своеобразия русского Православия, не понимали его мирового смысла и его творческого значения для всей русской культуры»⁴⁶. Падение духовности — это еще один важнейший фактор для распространения террора.

В таких условиях император был вынужден провести ряд реформ, благодаря которым удалось в сравнительно сжатые сроки нормализовать ситуацию⁴⁷. Для этого нужно было поставить во главу правительства государственного деятеля, способного эффективно и оперативно возглавить работу МВД по искоренению террора и в то же время обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие страны. И таким руководителем стал П.А. Столыпин. Им и его кабинетом была проделана колоссальная работа по разгрому террористических партий и их ячеек в российской провинции. Многие идеи Департамента полиции впервые применяли в мировой практике, например борьба с терроризмом на воздушном транспорте⁴⁸. Его убийство в Киеве было величайшей трагедией для страны. Как метко писал уже в эмиграции один из современников этих событий, И.Л. Солоневич, со смертью Столыпина «ушел последний государственный человек бывшего правящего слоя, остались “бессильные старцы”. Некогда великий корабль остался с капитаном (царь) и с пассажирами (народ). Но совершенно без экипажа»⁴⁹.

⁴⁴ Бурелом. 1905. № 3. С. 7; Журнал социал-сатирический “Пламя”. 1905. № 3 (23 декабря); и др.

⁴⁵ Цит. по: Рабкина Н.А. Константин Петрович Победоносцев // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 74. О случаях нападения на священников, иногда даже во время богослужения, см.: Святой праведный Иоанн Кронштадтский... С. 80.

⁴⁶ Ильин И.А. Указ. соч. С. 108.

⁴⁷ Лебедев В.Д. Общациональный кризис 1905 года // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 9–32.

⁴⁸ Циркуляр Министерства внутренних дел о введении полицейского надзора за полетами и деятельностью летчиков аэро клубов, 16 марта 1910 г. // Авиация и воздухоплавание в России в 1907–1914 гг.: Сборник документов и материалов. М., 1968. Вып. 2. С. 38–40.

⁴⁹ Солоневич И. Указ. соч. С. 108.

Таким образом, политический террор между двумя российскими революциями 1905 и 1917 гг. был нацелен на устранение лиц, имеющих монархические взгляды. Он возник и в конце концов частично достиг цели, поскольку возможностей для противодействия этому со стороны Департамента полиции оказалось недостаточно, финансовые и организационные возможности монархии для борьбы с террористами были крайне ограничены в связи с Первой мировой войной. В то же время налицо были желание земско-либеральной фронды и ряда высших сановников захватить власть, используя партии, практикующие террор, а также падение религиозного сознания в обществе.

Лебедев В.Д.

POLITICAL TERROR IN RUSSIA BETWEEN TWO REVOLUTIONS THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

The article focuses on the struggle against political terror which the government faced between two Russian revolutions of 1905 and 1917. The author describes political, economical and social aspects, which caused the terrorist movement and it's specifics.

The Police Department of the Ministry of Internal Affairs could not cope with this problem, while the financial and management resources of Romanov's monarchy were limited due to the First World War. At the same time land-liberal frondes as well as a certain number of state principal officers were obviously interested to seize power by means of collaborating with parties which practiced terror methods. Overall, decrease of religious consciousness in society as well created a comprehensive social atmosphere supportive of terror groups-parties. The latter, aiming to destroy the state power by means of physical elimination of those people who supported the monarchy, and were able to strengthen the existing political system, according to many facts made contribution to overthrow paid their tribute (made contribution) to bringing down the autocratic regime during the revolution in 1917.

 Лебедев Владимир Дмитриевич

кандидат исторических наук, ведущий специалист
Отдела изучения и публикаций документов
Государственного архива Российской Федерации

Р.У. Ибатуллин

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Конец XIX и начало XX века можно с полным правом назвать эпохой расцвета терроризма. Между 1894 и 1914 годами жертвами террористических актов стали президенты Франции и США, императрица и наследник престола Австро-Венгрии, король Италии, король Греции, король и наследник престола Португалии, два премьер-министра Испании, русский великий князь и премьер-министр. Наверное, ни в какую другую эпоху положение главы государства не было сопряжено с таким риском для жизни. Разумеется, политические убийства случались и до и после, и власть имущие во все времена гибли от рук заговорщиков или восставших масс. Но лишь около рубежа этих веков сложились условия для совершения особого рода убийств — идеологически мотивированных и нацеленных не столько на устранение враждебного деятеля, сколько на общественный резонанс — то есть для террористических актов.

Не существует общепризнанного определения терроризма, которое отличало бы его от других форм политически мотивированного насилия. Большинство определений выделяет как отличительную черту террористического убийства его нацеленность в первую очередь на публичный

эффект, на запугивание власти и психологическое подчинение общества¹. «Терроризму вовсе не нужна смерть того или иного губернатора или министра, — писала газета «Московские ведомости» по поводу убийства министра внутренних дел В.К. фон Плеве, — им только нужно, чтобы правительство смутилось перед целым рядом убийств и чтобы общество заметило это смущение»². В этом смысле терроризм стал, несомненно, новым явлением, скорее, даже политическим инструментом, повлиявшим на судьбы ведущих европейских держав в конце XIX — начале XX века.

То было время, когда благодаря изобретению динамита («артиллерии пролетариата») и компактных, простых в обращении револьверов и пистолетов убийство, в том числе массовое, стало технически несложным для «маленького человека» безо всякого военного или криминального опыта. Кроме того, личная охрана у глав государств отсутствовала или была крайне слаба по меркам нашего времени, возможности полиции и спецслужб также далеко отставали от современных. При этом средства массовой информации достигли невиданной ранее распространенности и влияния. Превращая каждый теракт в сенсацию, пресса обеспечивала террористам так необходимую им публичность и невольно становилась проводником революционной «пропаганды действием».

Наконец, стремительная индустриализация того времени в массовом порядке формировала социально-психологический тип исполнителя теракта. Типичный террорист рубежа веков — это молодой неквалифицированный рабочий, люмпен-пролетарий или бедный студент, недавно переселившийся из провинции в большой город, зачастую в чуждую культурно-языковую среду, вырванный из привычной обстановки, потерявший традиционные этические ориентиры, озлобленный на мир и легко поддающийся индоктринации радикальными идеями³.

Отмеченные условия в той или иной степени проявлялись во всех странах конца XIX — начала XX века. Однако ни в одной стране революци-

¹ Обзор многочисленных определений терроризма см.: Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. М., 2000. С. 5-13.

² Менделеев А.Г. «Куда влечет нас рок событий?» Газета эсеров «Революционная Россия»: пропаганда и терроризм. М., 2008. С. 148.

³ О терроризме той эпохи как международном явлении см., в частности, недавние работы: Sinclair A. An Anatomy of Terror. A History of Terrorism. Pan Books, 2003; Burleigh M. Blood and Rage. A Cultural History of Terrorism. Harper Press, 2008. О социально-психологическом типе террориста как «лишнего человека» см.: Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917 / Пер. с англ. М., 1997. С. 18-19.

онный терроризм не достиг такого беспрецедентного размаха и влияния, как в Российской империи.

Основной группой поддержки революционного терроризма, по общему мнению наблюдателей того времени и современных историков, была интеллигенция. Как отмечал руководитель Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов, «о том, что вся интеллигенция была на стороне революционеров, едва ли нужно особо говорить»⁴.

Различные исследователи по-разному определяют, что такое интеллигенция, применительно к России начала XX в.⁵. Профессиями, которые в то время единодушно относили к интеллигентским, являлись: учителя, преподаватели высших учебных заведений, ученые, врачи, инженеры, журналисты, писатели и деятели искусств, земские служащие, агрономы, адвокаты, студенты. Объединяющими их всех чертами были относительно высокий образовательный уровень и причастность к формированию общественного мнения.

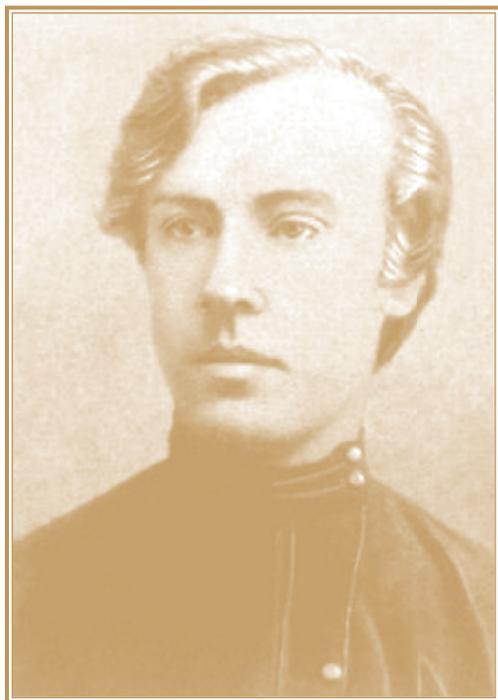
Теме «русская интеллигенция и революция» посвящено необозримое множество исторических, литературно-публицистических и философских трудов. Историография революционного терроризма также огромна. Значительно меньше изучено пересечение этих тем – проблема отношения интеллигенции к терроризму, вопрос о причинах его широкой поддержки в этой социальной группе. В данной статье ставится цель оценить количественно степень поддержки интеллигенцией революционного терроризма, выявить формы этой поддержки, проследить, как менялось со временем отношение к терроризму различных групп интеллигенции.

Сколько многие террористы были интеллигентами и сколько многие интеллигенты были террористами?

Как известно, все наиболее громкие теракты того времени были подготовлены и совершены людьми с высшим или неоконченным высшим образованием. Министра народного просвещения Н.П. Боголепова убил бывший студент П.В. Карпович, министра внутренних дел Д.С. Сипягина – студент С.В. Балмашев, его преемника В.К. фон Плеве – бывший студент Е.С. Созонов, великого князя Сергея Александровича – журналист и поэт И.П. Каляев, премьер-министра П.А. Столыпина – помощник адво-

⁴ Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991. С. 55.

⁵ См.: Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль-октябрь 1917 г.). Л., 1988; Лейкина-Сви́рская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 годах. М., 1981.

С.В. Балмашев

ката Д.Г. Богров, а организовали эти покушения (кроме первого и последнего) фармацевт Г.А. Гершун, инженер Е.Ф. Азеф и литератор Б.В. Савинков. Неудавшимся покушением на министра юстиции И.Г. Щегловитова руководил штатный астроном Пулковской обсерватории В.В. Лебединцев. Но из этих данных, конечно, нельзя делать вывод о поголовной принадлежности к интеллигенции всех боевиков вообще.

Из 155 эсеров-террористов, сведения о которых собраны в таблице М. Ивича, 41 человек обозначены как «интеллигенты» и учителя. Если добавить к ним 13 студентов, доля этой группы окажется равной 35%, что лишь немногим меньше доли рабочих⁶. Из 91 человека, входивших в Боевую организацию (БО) ПСР за все годы ее существования, 9 человек имели высшее и 41 — неоконченное высшее образование, в общей сложности 55%⁷. По террористам, не входившим в партию эсеров, подобной статистики нет. Представляется вероятным, что и среди них доля интеллигентов и студентов была не преобладающей, но достаточно высокой.

⁶ Подсчитано по: Ивич М. Статистика террористических актов // Памятная книжка социалиста-революционера. Вып. 2. Париж, 1914. С. 8-20.

⁷ Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. М., 1998. С. 235.

Эсеры-политкаторжане в Акатуевской тюрьме

Значительной была доля интеллигенции и в общей массе членов революционно-террористических партий (которые, как уже говорилось, в подавляющем большинстве не занимались террором непосредственно). Первоначальный состав партии эсеров был, как и у народолюбцев, преимущественно интеллигентский; так, в Московском комитете партии до революции 1905 г. не менее 75% составляли студенты⁸. В годы революции ПСР «демократизировалась», пополнилась огромным количеством рабочих и крестьян, так что к концу 1906 г. доля интеллигентов и учащихся в партии снизилась до 11,6%⁹. При этом в руководстве партии интеллигенция по-прежнему доминировала, что вызывало недовольство рядовых партийцев-рабочих¹⁰. Так, сохранились сведения о профессиональном составе делегатов 1-й общепартийной конференции: 30 профессиональных партийных работников, 12 литераторов, по два врача и студента, по одному фельдшеру, учителю, конторщику, бухгалтеру, библиотекарю, абитуриенту, всего пять рабочих и ни одного крестьянина. Больше половины делегатов имели высшее и неоконченное высшее образование¹¹.

По другим партиям и движениям, особенно анархистским, данных недостаточно. Из 229 максималистов, заполнивших анкету, учащихся

⁸ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997. С. 58.

⁹ Там же. С. 61.

¹⁰ Там же. С. 63, 70.

¹¹ Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1914 гг. М., 1998. С. 614.

было 74, а мелких служащих (часть которых, вероятно, можно отнести к интеллигенции) – 48, в общей сложности 53%¹². По-видимому, малочисленные партии кружкового типа были по составу более интеллигентскими, чем массовая ПСР.

Какова же была доля интеллигенции во всем населении России по сравнению с их долей в революционно-террористических партиях? Численность населения Российской империи в 1914 г. составляла, как известно, 165,7 млн человек. Оценки численности интеллигенции противоречивы, так как разные авторы вкладывают разный смысл в само это понятие. По различным оценкам численность интеллигенции составляла от 200 тыс. до 1,5 млн человек¹³. О.Н. Знаменский приводит цифры по отдельным профессиональным группам для периода 1914–1916 гг.: учителя – 195 тыс. человек, студенты – 127 тыс., врачи – 33 тыс., инженеры, адвокаты и агрономы по 20–30 тыс., ученые – 10 тыс., деятели литературы и искусства – 15 тыс.¹⁴. В сумме получается 440–470 тыс., а если округлить цифру в большую сторону за счет журналистов, издательских работников, земских служащих и других групп, не учтенных О.Н. Знаменским, получим итоговую ориентировочную цифру в 500 тыс. человек, которую и положим в основу дальнейших оценок.

Итак, к интеллигенции принадлежало 0,5 млн из 165,7 млн человек, то есть менее 1/300 населения страны. Очевидно, что даже в «разбавленной» рабочими и крестьянами ПСР конца 1906 г. доля интеллигентов (более 1/9) была многократно выше, чем во всем населении. Факт явно свидетельствует о том, что именно интеллигенция была той социальной группой, в которой революционный терроризм пользовался наибольшей поддержкой.

При этом внутри самой интеллигенции эсеры, не говоря о максималистах и анархистах, составляли явное меньшинство. Как следует из вышеприведенных цифр, около 7,5 тыс. интеллигентов состояли в ПСР на пике ее численности и, вероятно, не более 2–2,5 тыс. в рядах максималистов и анархистов. Всего, таким образом, около 1/50 общего числа интеллигентов входили в состав революционно-террористических организаций. Если же согласиться, что под влиянием ПСР (по оценке ее руководства)

¹² Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989. С. 197.

¹³ Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 8.

¹⁴ Там же. С. 8–9.

Под флагом ПСР крестьянин ведет за собой рабочего и интеллигента.
Учитывая, что партией руководили интеллигенты,
расположение фигур не совсем исторически достоверно.
Автор плаката А. Г. Бродаты, 1917 г.

находилось вшестеро больше людей, чем состояло в ней¹⁵, получится, что террористические партии поддерживало около 60 тыс. беспартийных интеллигентов – приблизительно каждый восьмой представитель интеллигенции. Уровень поддержки весьма внушительный.

Разумеется, нужно учитывать, что интеллигенция была неоднородна и в разных ее слоях к революционному терроризму относились по-разному. Играл роль возраст: террористы и сочувствующие были в большинстве своем молодыми людьми. Более 2/3 участников Боевой организации вошли в ее состав в возрасте от 20 до 30 лет¹⁶; средний возраст составлял около 28 лет. Средний возраст максималистов, о которых сохранились данные, не превышал 25 лет¹⁷; средний возраст эсеров-террористов из списка М. Ивича составлял 24 года¹⁸. Что касается социального положения, то в рядах партии эсеров периода ее расцвета преобладала «низовая», наименее обеспеченная часть интеллигенции: сельские учителя, фельдшеры, агрономы, земские служащие, а также студенты¹⁹. А.И. Спиридович при-

¹⁵ См.: Там же. Прим. 18.

¹⁶ Городницкий Р.А. Указ. соч. С. 235.

¹⁷ Павлов Д.Б. Указ. соч. С. 72, 197.

¹⁸ Подсчитано по: Ивич М. Указ. соч. С. 8-20.

¹⁹ Леонов М.И. Указ. соч. С. 61.

Стереотипный эсер в массовом сознании - человек с пистолетом и поясом из динамитных шашек. Карикатура В. А. Табурина из серии «Политические партии», 1917 г.

водит похожий список: «Низший медицинский персонал, земские учителя, служащие управлений железных дорог, исключенные из высших учебных заведений студенты, интеллигенты без определенных занятий с научным багажом четырех-шести классов средне-учебных заведений, так называемые “экстерны” из евреев, — вот контингент интеллигенции, пополнявшей ряды партии»²⁰. Интеллигенты старшего поколения, с более высоким доходом и образовательным уровнем, по-видимому, в большинстве своем поддерживали либеральные и консервативные партии.

²⁰ Спиродович А.И. Революционное движение в России. Вып. 2-й. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. СПб., 1916. С. 98.

Максим Горький
(А.М. Пешков)

Формы поддержки терроризма интеллигенцией были разнообразны. Прежде всего следует назвать финансовую помощь. Обычный, не слишком обеспеченный интеллигент мог материально поддержать ПСР и другие террористические партии, приобретая их печатные издания, оплачивая билеты на нелегальные и легальные благотворительные мероприятия и т.п. Вот рядовое газетное сообщение того времени: «В воскресенье, 20-го ноября, в зале «Аквариум» состоялась лекция Кулябко-Корецкого на тему: «Династия Треповых и В.И. Засулич». Публики к 8-ми часам вечера набралось до 1500 человек... Весь сбор с лекции (весьма значительный) поступил в пользу партии с.-р.»²¹. Преуспевающие писатели М. Горький и Л.А. Андреев могли позволить себе более крупные пожертвования. Так, М. Горький предоставил значительные средства эсерам для покушения на Д.С. Сипягина – акт, положивший начало организованному эсеровскому террору²². Поддержка могла быть и организационной: распространение литературы, листовок, предоставление документов, транспорта, квартир

²¹ Русское слово. 1905. 22 ноября.

²² Леонов М.И. Террор и русское общество (начало XX века) // Индивидуальный политический террор в России XIX – начала XX в. Материалы конференции. М., 1996. С. 34.

Леонид Андреев

для проживания, проведения конспиративных встреч и даже для хранения бомб и оружия. Тот же М. Горький предоставлял свою московскую квартиру для использования боевиками в качестве укрытия и для изготовления бомб. Л.А. Андреев также прятал на своей даче боевиков²³, а во время подготовки покушения на великого князя Сергея Александровича свел Б.В. Савинкова с высокопоставленным информатором²⁴.

Важной специфической формой поддержки террористов была их судебная защита. Сами террористы придавали судебным процессам огромное пропагандистское значение: их собственные выступления и речи адвокатов публиковались в открытой печати, а значит, были доступны гораздо большей аудитории, чем нелегальные издания. «Первый процесс для революционера — это как первый бал для шестнадцатилетней девушки... На скамью поднимаешься, как на трибуну», — писал Г.А. Гершуни²⁵. Речь адвоката П.А. Александрова на процессе Веры Засулич, выступления народовольцев на суде по делу об убийстве Алек-

²³ Гейфман А. Указ. соч. С. 372, прим. 190.

²⁴ Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М., 2002. С. 95.

²⁵ Гершуни Г.А. Из недавнего прошлого. Париж, 1908. С. 25, 59.

сандра II сыграли огромную роль в завоевании террористами симпатий общественного мнения. Сами адвокаты, защищая подсудимых по таким громким делам, приобретали популярность и нередко строили на этом политическую карьеру (как, например, В.А. Маклаков и А.Ф. Керенский). Неудивительно замечание директора Департамента полиции в донесении П.А. Столыпину: «К услугам революционеров всегда лучшие силы либеральной адвокатуры»²⁶.

Другой специфически интеллигентской формой поддержки революционного терроризма была литературная пропаганда. Статьи, очерки, мемуары, стихи, рассказы, романы, героизирующие боевиков или возбуждающие к ним жалость как к жертвам репрессий, в изобилии печатались в нелегальной, а после 1905 г. и в легальной печати. Литературная звезда первой величины, уже не раз упоминавшийся Леонид Андреев, не только помогал террористам финансово и организационно, но и прославлял в таких произведениях, как «Рассказ о семи повешенных» и многих других. Его же перу принадлежит восторженный некролог террористу-максималисту В. Мазурину. Эсеровский агитатор А.С. Гриневский (Александр Грин) открыл в себе писательский талант, сочиняя прокламации, и начал литературную карьеру со сборника рассказов о революционерах-террористах. Михаил Осоргин и Осип Мандельштам в молодости также состояли в ПСР; первый напечатал в «Революционной России» статью в поддержку террора, второй дебютировал стихотворением о крестьянском восстании и даже пытался вступить в Боевую организацию²⁷.

Не столь заметной, но очень важной была пропагандистская роль школьных учителей, особенно сельских. Как упоминалось выше, они образовывали существенную группу поддержки эсеров среди интеллигенции. «Мы, в руках которых школа, книги, связи с городской интеллигенцией, — писал один из них в газете «Революционная Россия», — мы являемся подчас единственными людьми в деревне, с которыми крестьянин отведет свою наболевшую душу, от которых он

²⁶ Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX в.) Сборник документов. М., 2001. С. 231.

²⁷ Об Андрееве, Грине и Осоргине см.: Менделеев А.Г. Указ. соч. С. 394; о Мандельштаме: Нерлер П. «Слава была в ц.к., слава была в б.о.»! Заметки к теме «Мандельштам и революция» // Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года. <http://socialist.memo.ru/firstpub/y04/stanford.htm>

Александр Амфитеатров

услышит искреннее, правдивое слово»²⁸. Пользуясь своим положением, сельские учителя активно занимались агитацией крестьян, распространяли нелегальную литературу.

И наконец, не последнюю роль играла такая «неосязаемая» форма поддержки, как моральное одобрение. Публично высказывая симпатию к боевикам и одобряя их акции (подобно писателю А.В. Амфитеатрову, который после каждого теракта хлопал в ладоши и восклицал, что любит, когда «подстреливают» министров²⁹), человек ничем не рисковал и не нес никаких издержек, но совокупный эффект от массы таких ни к чему не обязывающих выступлений был вполне ощутим. В образованном обществе создавался психологический климат, при котором, по словам А. Гейфман, «помощь экстремистам стала признаком хорошего тона»³⁰.

²⁸ Менделеев А.Г. Указ. соч. С. 197.

²⁹ Будницкий О.В. Указ. соч. С. 350.

³⁰ Гейфман А. Указ. соч. С. 62.

По дневниковым записям либерально настроенного писателя С.Р. Минцлова ясно прослеживается, как в его круге общения год за годом нарастало сочувствие к террористическим покушениям³¹. Весть об убийстве уфимского губернатора Богдановича «принята обществом довольно равнодушно, смерть Боголепова и Сипягина приучила уже к подобным событиям, да Богданович и не пользовался расположением» (запись от 7 мая 1903). Покушение на генерал-губернатора Финляндии Бобрикова было встречено уже более благожелательно: «Всюду только и толков, что о покушении на него, но при этом почти неизменно прибавляют: «этого и нужно было ожидать». Общественное мнение не на стороне Бобрикова» (4 июня 1904). По поводу убийства Плеве Минцлов записал: «В публике волнения и возбужденных толков не замечалось: более было любопытства. Дождался-таки Плеве своего часа!» (15 июля 1904 г.) «В общем смерть Плеве только всколыхнула и заинтересовала всех — не более» (19 июля). В отличие от Минцлова, другие современники оценивают реакцию на убийство Плеве как восторженную. «Среди интеллигенции радость по поводу убийства Плеве была всеобщей», сообщила консервативная газета «Московские Ведомости»³²; удовлетворение выражали даже отдельные монархисты и высшие чиновники³³. Наконец, телеграммы о гибели великого князя Сергея Александровича «произвели большой и притом радостный эффект в городе: «кто будет №2?» — задают вопросы друг другу» (4 февраля 1905 г.) «Петербуржцы не только радуются, но и поздравляют друг друга с этим убийством» (5 февраля). «Особенными симпатиями среди интеллигенции и широких обывательских, даже умеренных слоев общества пользовались социалисты-революционеры, — отмечал А.В. Герасимов. — Эти симпатии к ним привлекла их террористическая деятельность. Убийства Плеве и великого князя Сергея Александровича подняли популярность социалистов-революционеров на небывалую высоту»³⁴.

Подобный уровень протеррористических настроений резко выделял Россию из других стран того времени. Нечто подобное можно было

³¹ См.: Будницкий О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. 2-е изд. Ростов-на-Дону, 1996. С. 496-498.

³² Леонов М.И. Террор и русское общество... С. 37.

³³ См. обзор общественного мнения на гибель Плеве: Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. Гл. 8.

³⁴ Герасимов А.В. Указ. соч. С. 55.

встретить лишь там, где терроризм служил орудием национально-освободительной борьбы: в Ирландии, Македонии, турецкой Армении и на собственно российских окраинах – в Польше, Латвии, на Кавказе. Так, в Ирландии начала 1860-х гг. партизанско-террористическое движение фениев поддерживали более 50 тыс. человек³⁵ (порядка 1% всего населения), а «манчестерские мученики», казненные английскими властями за убийство полицейского, до сих пор являются национальными героями. Но в других странах Запада терроризм не встречал ни малейшей общественной поддержки.

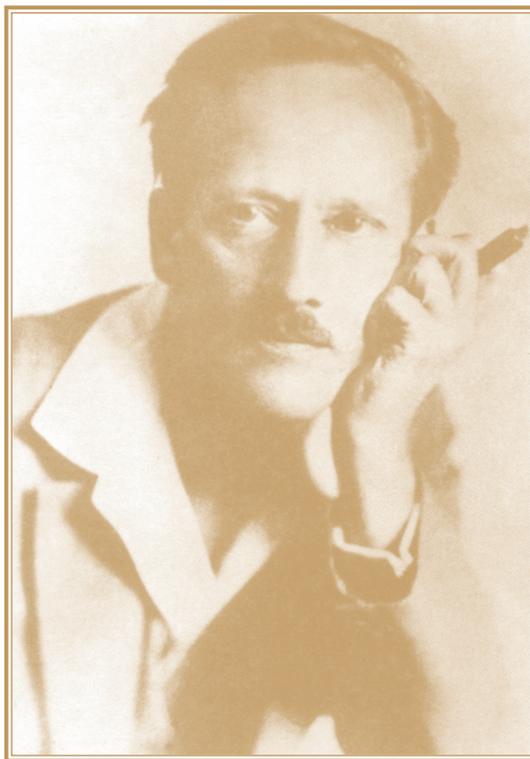
Так, в США реакция на убийство президента В. Мак-Кинли анархистом Л. Чолгошем была резко негативной даже в анархистских кругах, не говоря об обществе в целом. Адвокаты Чолгоша строили защиту на попытках доказать его невменяемость, а не изображали борцом за народное благо³⁶. Во Франции анархисты-террористы Ф. Равашоль и О. Вайян имели некоторое число поклонников из декадентской богемы, для которых были объектами эстетического любования; один из таких поклонников, поэт Лоран Тайяд, скандально прославился фразой: «Кого волнуют жертвы, если жест прекрасен?»³⁷ Но основная масса французов, как и американцев, считала террористов не более чем опасными и психически ненормальными преступниками.

На этом фоне протеррористические симпатии русской интеллигенции воспринимаются как некая аномалия. Исторические причины этого феномена заслуживают отдельного исследования. Возможно, в наиболее лаконичной форме их назвал либеральный критик терроризма кадет Н.А. Гредескул: «Политический террор пользовался если не активным, то пассивным сочувствием значительно более широких слоев русского общества, чем те, какие принимали в нем непосредственное участие. Это объясняется тем, что политический террор представлялся тогда русскому обществу исключительно с двух сторон: во-первых, с той стороны, что он был способом борьбы с абсолютизмом;

³⁵ *Burleigh M.* Op. cit. P. 81-82.

³⁶ См. краткий обзор: http://en.wikipedia.org/wiki/Leon_Czolgosz.

³⁷ *Burleigh M.* Op. cit. P. 81-82.

Михаил Осоргин

во-вторых, с той стороны, что он был самопожертвованием в лице тех, кто на него решался»³⁸.

Но каковы бы ни были причины популярности терроризма, она оказалась преходящей. Основываясь на современной российской историографии, есть все основания сделать вывод, что волна поддержки терроризма после пика 1905 года пошла на спад.

Причины этого спада были многообразны. Манифест 17 октября 1905 года открыл дорогу созданию представительных учреждений, партий и профсоюзов, дал возможность направить политическую активность интеллигенции в легальное русло. Одно это сразу настолько подорвало популярность терроризма, что даже ЦК ПСР официально приостановил деятельность Боевой организации на время работы Государственной думы. С другой стороны, в 1906 г. правительство усилило репрессии, так что любые формы поддержки терроризма становились все опаснее и все непривлекательнее для той части интеллигенции, что не была готова всерьез рисковать собой.

³⁸ Гредескул Н.А. Террор и охрана. СПб., 1912. С. 11-12.

Наконец, в охлаждении общества к терроризму были повинны сами террористы. Отношение к ним оставалось сочувственным, пока теракты случались редко и были нацелены против отдельных высших чиновников, пока боевики проявляли щепетильность и старались избегать лишних жертв — короче говоря, пока терроризм не представлял угрозы рядовому обывателю. Но серия громких убийств сделала терроризм слишком популярным, у героев БО стало появляться все больше подражателей, «террористов нового типа» (А. Гейфман), в массе своей гораздо менее разборчивых в выборе целей и средств. Внутри самой ПСР возникли массы местных боевых дружин, которые, в отличие от БО, были практически неподконтрольны ЦК и местным комитетам партии. Эти дружины охотно занимались экспроприациями (вопреки партийной идеологии) и быстро перерождались в разбойничьи банды. Кроме того, независимо от ПСР разрасталась гораздо более кровавая деятельность анархистов и эсеров-максималистов, которые не останавливались перед самыми жестокими терактами и откровенно грабительскими «эксами». Впечатляющая картина разгула террористического насилия, перерастающего в чистую уголовщину, изображена в книге А. Гейфман. «Не столько плохи дела, как плохи люди... Дошло до того, что трудно отличить революционера от хулигана», — писал М. Осоргин³⁹. Уровень насилия в обществе резко вырос, и рядовой обыватель впервые почувствовал в терроре угрозу своей жизни и благосостоянию. «Подвиги «террористов» и «экспроприаторов»... много способствовали затемнению того ореола, которым на первых порах окружало себя «освободительное движение» в глазах общества, — писал полицейский полковник Е.К. Климович в обзоре революционных организаций в Москве. — Заметно появление критической оценки и осуждение небрегающих никакими средствами для поддержания своего существования революционеров. Словом, движение обнажилось и потеряло значительную долю своей привлекательности, а вместе с тем и часть моральной и материальной поддержки общества»⁴⁰. С другой стороны баррикад ему вторил Н.А. Гредескул: «Под влиянием всего пережитого в настоящее время в русском обществе сам собой совершается коренной перелом в отношении к политическому террору: это отношение все более и широко

³⁹ Менделеев А.Г. Указ. соч. С. 396.

⁴⁰ Политическая полиция и политический терроризм в России. С. 246-247.

становится отрицательным»⁴¹. Таким образом, совокупность трех факторов — либеральных реформ правительства, его же репрессий и разгула революционного насилия — заставила интеллигенцию пересмотреть свое отношение к революции, и в частности к терроризму. Разоблачение провокации Е.Ф. Азефа окончательно скомпрометировало террористическую борьбу в глазах интеллигенции. К 1911 г. организованный революционный терроризм в России сошел на нет.

⁴¹ Гредескул Н.А. Указ соч. С. I-II.

Р.У. Ибатуллин

INTELLIGENTSIA AND REVOLUTIONARY TERRORISM IN RUSSIA IN THE BEGINNING OF XX CENTURY

ideas of Revolutionary terror (also referred to as Revolutionary terrorism) found wide-spread appeal in many countries by the early XX century, but especially in Russia. Along with support from various social groups, intelligentsia played a key role in the development of a revolutionary terror movement. Representing only 1% of the population intelligentsia formed up to 50% of terrorists and terror party members. Apart from planning and performing terrorist acts, they supported (sponsored) the movement with money, literature, personal agitation and propaganda. In 1905, terrorism was at the height of its popularity but later faded away very quickly due to governmental repressions, constitutional reforms, and uncontrolled growth of terrorist violence.

Ибатуллин Роберт Уралович

кандидат исторических наук,
доцент Московской государственной академии водного транспорта

Н.С. Сидоренко

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ НА УРАЛЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

к концу XIX в. вектор пространственного развития России устремился на восток — на Урал, в Западную Сибирь. Использование значительного потенциала этих регионов рассматривалось в качестве мощного импульса внутренней экономической самоорганизации страны. Развернутое С.Ю. Витте строительство железных дорог, в т.ч. Транссиб, способствовало преодолению обособленности региона, содействовало оживлению экономической жизни, создавало предпосылки для укрепления позиций Урала в масштабах страны¹.

Препятствием на пути промышленного развития Урала выступало сохранение архаичных основ посессионного права и окружной системы — горнозаводских округов, многоотраслевых, замкнутых и, как правило, самообеспечивающихся хозяйств, основным принципом которой являлась нераздробляемость горнозаводского землевладения и обязательственные отношения горнозаводчиков и горнозаводского населения.

¹ См.: Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической цивилизационной динамике. XVI—XX века. М., 2004. С. 70.

Наряду с ростом крупной промышленности, на протяжении второй половины XIX — начале XX в. на Урале наблюдался непрерывный рост мелких промысловых кустарно-ремесленных заведений. Численность рабочих, занятых в крупной и мелко-кустарной промышленности, исследователи определяют как примерно одинаковую — по 250–270 тыс. человек.

Наиболее развитой в промышленном отношении являлась Пермская губерния, где удельный вес фабрично-заводских рабочих в общей численности населения составлял 5,1%. Данный показатель уступал лишь Московской и Владимирской губерниям. Отличительной чертой рабочих Урала была их связь с землей. Население ближайших к заводам волостей стремилось использовать заработки для поддержания существования своей семьи.

Основная масса населения края в конце XIX в. была занята в сельском хозяйстве (81,2%). С начала 1890-х годов усилилась дифференциация крестьянских хозяйств. Незначительность дворянского землевладения привела к тому, что крестьяне боролись не с помещичьим засильем, а против налогового гнета и за ведение прогрессивного налогообложения.

Экономический кризис 1900–1903 гг. оказался на Урале затяжным — до 1909 г. По данным пермского депутата-прогрессиста И.В. Титова, в 1909 г. 34 завода Урала совсем не действовали, а некоторые из 91 оставшихся работали на 20–30% своей производительности². Резкие социальные контрасты и острые конфликты между крестьянством и магнатами-заводовладельцами создавали почву для роста протестных настроений.

Промышленное развитие края сопровождалось ростом грамотности и культурного уровня населения. Особенно заметным был их рост среди рабочих горнозаводской промышленности. Доля грамотных среди них составляла 41,7%, в то время как в регионе в целом — 17,9%. Следствием этого стали перемены в мировоззрении, в оценке социально-политической и классовой структуры общества. Наблюдался рост самосознания, стремление к улучшению условий жизни и труда. Росло сознание необходимости коллективных действий в отстаивании своих интересов.

Распространению этих идей способствовала политическая деятельность ссыльных, проживавших во всех губернских и ряде уездных городов Урала. С конца XIX в. в регионе появляются первые кружки революционного народничества. Наиболее крупные действовали в 1880–1890-е гг. в Пермской губернии (Пермь, Мотовилиха). В середине 1890-х годов они были разгромлены полицией.

² Государственная Дума: Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 2. СПб., 1914. Ч. 1. С. 1515.

Г.А. Гершуни

Е.К. Брешко-Брешковская

Во второй половине 90-х годов XX в. на Урале возникают первые нелегальные революционные кружки, находившиеся под влиянием марксизма. Значительную роль в становлении социал-демократических организаций Урала сыграли ссыльные революционеры Петербурга, Москвы, Киева и других мест. В их числе были А.Д. Цюрупа, В.Н. Крохмаль, А.И. Свицерский, П.Ф. Савинков и др. В 1900 г. на Урале краткое время находился В.И. Ленин. Усилия сторонников Ленина были направлены на изживание «экономизма» и ориентацию деятельности кружков на подготовку революции³.

С начала XX в. на Урале формируются отделы партии эсеров, программные и тактические установки которой по «демократическому преобразованию» страны посредством Учредительного собрания ориентировали на борьбу с самодержавием, свержение его насильственным, революционным путем. При этом набор тактических средств определялся довольно условно — «в формах, соответствующих конкретным условиям русской действительности». Использовать широкий арсенал средств борьбы — от пропаганды и агитации до вооруженных действий и отдельных террористических актов — призывали уральскую либеральную общественность лидеры партии Г.А. Гершуни и Е.К. Брешко-Брешковская на встрече в Уфе, Перми в 1901 г.

³ История Урала периода капитализма. М., 1990. С. 196.

На многочисленных собраниях главным оратором выступал Гершуни. Он призывал сосредоточить усилия интеллигенции на создании многомиллионной армии крестьянства и немедленно переходить к тактике террора: «Теперь не Николай Второй, вообще не коронованное лицо должно служить объектом террористических нападения, а именно те, наиболее деятельные и вредные члены правительства... не тот, кто царствует, а тот, кто управляет, не символ власти и насилия, а те, которые являются творцами и опорой самодержавного строя»⁴. Террор против представителей государства в центре и на местах рассматривался теоретиками партии как средство дезорганизации, устрашения и склонения правящей элиты к компромиссу. Кроме того, террористическая борьба, по их мнению, подрывала веру в «правительственное могущество», внушая обывателям еще большее уважение к силе революционеров, будоражила даже самых индифферентных обывателей, «подогревала» атмосферу политической борьбы⁵.

В 1901–1903 г. действовала объединенная организация эсеров и социал-демократов – «Уральский союз». Однако просуществовал он недолго. Аресты и острая внутрипартийная борьба привели в 1903 г. к его расколу.

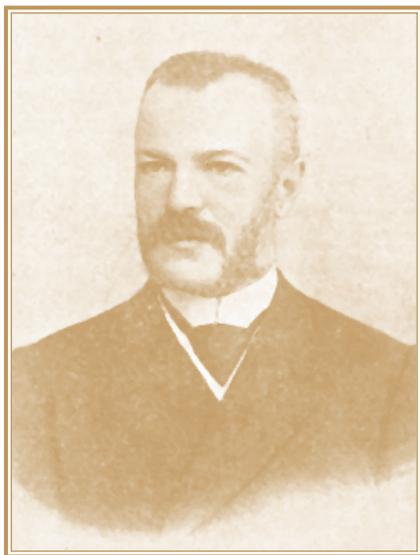
Эсеровские настроения преобладали в Восточном (Екатеринбургском) комитете союза. Призывая к демократическим преобразованиям, созыву Земского собора, союз активно пропагандировал тактику террора. Следует отметить, что издание агитационной литературы было поставлено на широкую ногу. Комитет имел 6 гектографов. Эсеровская нелегальная литература поступала в Екатеринбург из Швейцарии от С.Н. Стрижева. В свою очередь Екатеринбургский комитет снабжал изданиями другие комитеты Урала.

В 1902 г. возникли первые боевые организации для проведения террористических действий. Одним из первых проявлений их деятельности стало нападение рабочих Алапаевского завода на склад Тягунинских рудников в ноябре 1902 г. под руководством члена комитета Киселева⁶.

⁴ Суслов М.Г. К истории создания Уральского союза социал-демократов и социалистов-революционеров // Из истории партийных организаций Урала. Пермь, 1970. С. 19.

⁵ См. подробнее: Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.) М., 2000.

⁶ Капцугович И. К истории политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975. С. 33.

Уфимский губернатор Н.М. Богданович

Через год по всей стране прокатилось известие об убийстве уфимского губернатора Н.М. Богдановича (6 мая 1903 г.). По воспоминаниям Б. Савинкова, еще в марте этого года Петербургским комитетом партии эсеров был вынесен смертный приговор уральскому губернатору, обвинявшемуся в расправе над рабочими Златоустовского завода, получившее в революционной литературе название «златоустовская бойня». Эсеры, выразив громкий протест, стали призывать к отмщению. Для террористического акта была выбрана кандидатура молодого рабочего Е. Дулебова⁷.

Спустя год бывший член Уральского союза Е.В. Сазонов совершил покушение на министра внутренних дел Плеве (15 июля 1904 г.).

С началом Первой русской революции террор был возведен партией эсеров в ранг основного средства борьбы с самодержавием. Уральские комитеты приступили к созданию боевых дружин. Уже весной 1905 г. они были созданы в Уфе, Екатеринбурге, Вятке и Мотовилихе. 3 мая 1905 г. боевая дружина эсеров осуществила покушение на уфимского губернатора И.Н. Соколовского, сменившего на посту Богдановича. В декабре этого же года они стреляли в вице-губернатора Келеповского⁸.

Применение оружия в условиях революции входило в практику повседневности даже в решении социальных конфликтов. Характерен

⁷ Савинков Б. Воспоминания террориста. Харьков, 1929. С. 133.

⁸ См.: Кацугович И. Указ. соч. С. 83.

следующий случай: почтовый служащий Вятской губернии Сергеев, уволенный за грубость в ответ на замечание ревизора почтово-телеграфной конторы, стрелял в своего начальника из револьвера только за то, что он обязан был просить его подать заявление об увольнении. На следствии в Казанской судебной палате на вопрос председательствовавшего о мотивах к убийству ответил, что своим выстрелом он хотел лишь обратить внимание общества и власти на бесправие низшего служебного персонала почтово-телеграфных контор. В обстановке того времени выстрел Сергеева не вызывал осуждения сослуживцев: они видели в нем не акт преступления, а «выстрел протеста, таившейся в нем как служащем, протест против бесправия нижнего чиновничества, против обезличивания и забитости»⁹.

Революционные агитаторы призывали рабочих и служащих к решительной борьбе за свои права. Социал-демократы на II съезде РСДРП хотя и осудили в своей резолюции тактику террора, но в решениях III съезда противопоставили ей задачу развертывания боевой работы по стране с целью формирования пролетарской армии борьбы с самодержавием.

Зарождение уральских боевых организаций РСДРП связано с майскими выступлениями рабочих в 1905 г. Первое вооруженное столкновение рабочих с полицией произошло в Перми 14 мая 1905 г., когда полиция пыталась разогнать политическую демонстрацию. Вооруженные рабочие открыли стрельбу по полицейским. О настроении масс, получивших первый опыт борьбы, свидетельствует сохранившееся воспоминание одного из участников этих событий: «Храбрая кавалькада моментально остановилась, заворотила лошадей и так пустилась по проспекту от манифестантов, что находившаяся тут публика, также опешившая от выстрелов, разразилась неудержимым хохотом, чему способствовала и пешая полиция, также в панике бросившаяся врассыпную»¹⁰.

Вооруженные столкновения рабочих с полицией и казаками приводили к гибели людей с обеих сторон, но это не останавливало революционеров. Напротив, они призывали не складывать оружия, а готовиться к решительной «последней схватке с самодержавием». Так, в связи с гибелью одного из старых рабочих Мотовилихинского завода Л.И. Борчанинова, среди рабочих распространялось стихотворение:

⁹ Сидоров К. Крестьянское движение Вятской губернии в 1905-6 гг. // 1905 год в Вятской губернии. Вятка, 1925. С. 59.

¹⁰ См. Александров Ф.А. Декабрьское восстание 1905 года на Урале. Молотов, 1955. С. 21.

Но близок уже час, мы позор отмстим,
Оружие себе мы достанем,
Погибнет злодей, все опричники с ним,
Свободны, счастливы мы станем¹¹.

Осенью 1905 г. в связи с проведением всероссийской Октябрьской политической стачки социальная и политическая напряженность в крае поднялась на новый уровень. Общество раскалывалось на враждующие группы. В октябре 1905 г. на Урале произошло 45 забастовок, в которых участвовало более 40 тыс. человек¹². Это немногим меньше, чем за предшествующие четыре года.

Поляризация настроений остро проявилась в рабочей среде. Так, в Златоусте в дни Октябрьской стачки около половины рабочих отказались присоединиться к забастовщикам. Противостояние было настолько велико, что потребовало вмешательство властей. Рабочие ходили на завод и обратно под охраной пеших и конных патрулей¹³. В ряде случаев имели место факты насильственного присоединения рабочих к забастовкам¹⁴.

Опубликование манифеста 17 октября 1905 г. не внесло успокоения. Его прочтение было организовано во всех церквях страны. Однако реакция различных кругов общества, в том числе уральского, оказалась неоднозначной. Неприятие его частью революционно настроенных граждан, демонстративно устраивавших митинги протеста во время прочтения манифеста и в непосредственной близости от церквей, организация контрдемонстраций – демонстрациям патриотическим, привели в ряде городов Урала к прямому столкновению участников. Последствием их в ряде случаев стали погромы в Челябинске, Уфе, Вятке, Перми, Екатеринбурге и других городах.

Уральские большевики призывали рабочих не верить «трюкам самодержавия», звали народ к вооруженному восстанию. Характерной в этом отношении была прокламация Пермского комитета РСДРП: «...Царь пишет в своем манифесте, что он дарит народу свободу. Свобода нам не подарена, она не царская милость. Нет, она завоевана нами! ...Рано еще предаваться радости, рано служить молебны, рано праздновать победу.

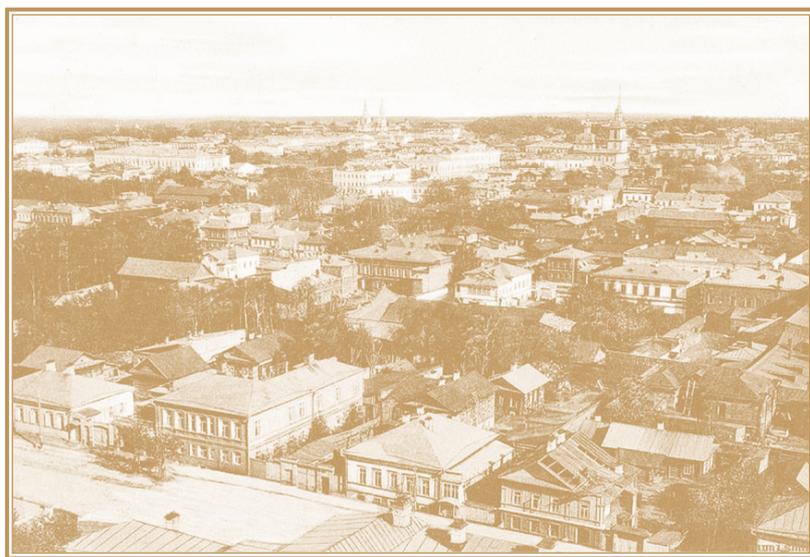
¹¹ Там же. С. 22.

¹² История Урала периода капитализма... С. 285.

¹³ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф. 596. Оп. 1. Д. 366. Л. 31.

¹⁴ Там же. Д. 326. Л. 61, Д. 633. Л. 16.

Ведь народный тиран еще жив, в его распоряжении чиновники, солдаты, казаки, в его груди жажда отомстить победителю-народу, жажда вновь завоевать себе безграничную власть, вновь поработить народ... Наше дело — окончательно свергнуть царское самодержавие и заменить его демократической республикой. Поэтому, товарищи и граждане, мы должны организовать, вооружиться, чтобы взять действительную свободу, ту, которая нам нужна, которую никакие цари и его слуги не смогут у нас уже отнять»¹⁵.

Пермь в начале XX в.

Социалистические комитеты, руководствуясь установками центра, усилили работу по подготовке боевых дружин и привлечению их для «для живой работы». Боевики несли охрану митингов и собраний, использовали все возможности для «нанесения врагу частичных поражений».

Декабрь 1905 г. на Урале, как и в центре, привел к ряду открытых столкновений противоборствующих сторон. Пермский комитет РСДРП в декабрьские дни распространил большое количество листовок «К оружию!»: «Будьте готовы к кровавому бою за свободу! Свобода или смерть!

¹⁵ Пермский государственный архив новейшей истории (далее ПГАНИ). Ф. 160. Оп. 2. Д. 5. Л. 2.

К оружию, граждане». Это явилось стимулом для дальнейшего оформления боевых организаций. В декабре 1905 г. боевые отряды были в 25 городах и заводских поселках Урала. Так, в Екатеринбурге насчитывалось около 200 человек, из них 70 — при комитете РСДРП, остальные — вооруженные дружинники эсеров и анархистов. Крупные группы были также в Уфе — 350 человек, в Златоусте — 150, в Мотовилихе — 300, в Челябинске, Воткинске — по 100¹⁶. Общее количество дружинников на Урале в конце 1905 г., по подсчетам Н.А. Волостникова, составляло около 2 тыс. человек¹⁷.

В декабрьские дни они проявили себя на практике. На 15 заводах (Мотовилихинском, Златоустовском, Усть-Катавском, Белорецком, Ижевском и др.) рабочие изгнали заводскую администрацию. В ряде заводских поселков (Мотовилиха, Куса, Чермоз, Воткинск и др.) власть фактически перешла в руки Советов рабочих.

Столкновение рабочих с правительственными войсками имело место 9 декабря 1905 года в железнодорожных мастерских станции Уфа. Боевики во главе с братьями Кадомцевыми и И.С. Якутовым организовали вооруженное сопротивление казакам, разгонявшим митинг рабочих. В ходе этого столкновения впервые были применены бомбы. Только 29 декабря рабочие были рассеяны силами команды солдат и казаков¹⁸. В Екатеринбурге боевики участвовали в нападении на патриотическую манифестацию.

Наиболее острой была ситуация в Мотовилихинском заводе Пермской губернии, где действовали наиболее крупные комитеты партии РСДРП (около 1700 человек) и эсеров (более 200)¹⁹. В Мотовилихе в октябре 1905 г. был создан «Комитет общественной обороны», опиравшийся на боевые группы. Задачи их были шире, чем охрана от нападения черносотенцев. Они готовились к вооруженному восстанию. Занятия боевиков часто проходили в мастерской Горного училища, иногда под

¹⁶ См. *Сенчакова Л.Т.* Боевая рать революции: Очерк о боевых организациях РСДРП и рабочих дружинах 1905–1907 гг. М., 1975. С. 192; Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1971. Т. 1. С. 102.

¹⁷ *Волостников Н.А.* Боевая деятельность большевистских организаций Урала в 1905–1907 гг. // Боевая и военная деятельность большевистских организаций Урала (1905–1920). Свердловск, 1983. С. 26.

¹⁸ См. *Баранов А.* 1905 г. на Урале. Пг., 1924. С. 96.

¹⁹ *Капцугович И.* Указ. соч. С. 56.

видом подготовки «народной милиции»²⁰. Специально назначенный инструктор закупал оружие там, где это было возможно. Так, 14 декабря 1905 г. при обыске у члена Пермского комитета РСДРП М.П. Федоровой полицейские захватили счета, из которых следует, что ею было приобретено 24 октября 1905 г. в оружейном магазине Давыдова в Перми 36 револьверов, 650 патронов и 6 кинжалов; в ноябре – 146 револьверов, 1500 патронов в Ижевском заводе²¹. Приобрести оружие в России до 1906 г. можно было свободно и по вполне доступной цене. Пистолеты «Наган» или «Браунинг» стоили 16–25 рублей, более совершенные «Парабеллум» и «Маузер» – больше 40 рублей. Были дешевые образцы, по 2–5 рублей, правда, они не отличались особым качеством. Для сравнения: месячная заработная плата рабочих цензовой промышленности Урала составляла от 14, 9 руб. до 50 руб.²² Покупку оружия совершали чаще всего на боевую группу на основе «обложения» ее членов и даже заводского поселка в целом, а также отдельных состоятельных лиц под страхом возмездия.

10 декабря Мотовилихинский совет захватил телефонный узел и запретил им пользоваться горному начальнику и другому административному персоналу завода. Вечером в Народном доме состоялось собрание рабочих под охраной боевиков. На митинге 11 декабря большевики призывали к продолжению стачки и вооруженной борьбе. Казаки окружили Мотовилихинский завод, но под огнем боевых организаций также должны были отступить²³. В этом сопротивлении принимал участие Лбов, впоследствии ушедший в лес и более двух лет ведший своеобразную партизанскую войну с полицией, провокаторами и «казенками».

Пермский губернатор 12 декабря вынужден был отправить срочную телеграмму в Петербург: «В Мотовилихе рабочие, руководимые революционерами, поддерживая железнодорожную забастовку, захватили в свои руки завод, коим самовольно распоряжаются. Население призывается к вооруженному восстанию, ходят группы заводских парней, вооруженные

²⁰ Мельников Ф.Е. Западный Урал в революции 1905–1907 гг. С. 95.

²¹ Волостников Н.А. Боевая деятельность большевистских организаций Урала в 1905–1907 гг. // Боевая и военная деятельность большевистских организаций Урала (1905–1920). Свердловск, 1983. С. 26.

²² Рабочий класс Урала в годы войны и революций. Свердловск, 1927. Т. 1. С. 115.

²³ См. К истории боевых организаций на Урале... С. 100.

ружьями. Полицейская власть бессильна; из военной силы не могу тронуть ни одного человека из Перми, где также беспокойно, революционеры ждут только выхода отсюда туда сотни казаков, чтобы открыть вооруженное восстание. Положение в высшей степени серьезное. Необходимо усиление военного состава, иначе могут быть печальные последствия. Одновременно прошу о высылке спешно хотя сотни казаков»²⁴.

В декабре 1905 г. вооруженные столкновения рабочих с полицией произошли также в Челябинске, Чусовском и Вятке. Вооруженная борьба приводила к жертвам. Так, в Мотовилихе более 10 человек были убиты, 30 — тяжело ранены. По делу о вооруженном восстании было привлечено в качестве обвиняемых 51 человек, которые были осуждены на различные сроки²⁵. По делу уфимской сходки было арестовано до 80 рабочих, из них 18 человек осуждены на различные сроки заключения²⁶.

С осени 1905 — по осень 1906 года революционный экстремизм захватывает значительную часть крестьянского населения всех губерниях Урала. Формами его были преимущественно захват помещичьих земель, порубки казенных и частновладельческих лесов. Под влиянием агитации эсеров и социал-демократов усилилась его политическая окраска²⁷.

Оглашение манифеста 17 октября получило в сельской среде особую форму. Наряду с прочтением текста, простому сельскому труженику требовалось дать его разъяснение. Направление толкования текста манифеста в значительной степени определялась позицией толкователя. В ряде случаев такое толкование либо вызывало патриотическое чувство и желание оказывать сопротивление тем, кто препятствует реализовать волю монарха, либо, напротив, возбуждало стремление к дальнейшей борьбе за расширение своих прав. Под влиянием партийной пропаганды в процесс обсуждения новых законов активно включалось и само крестьянство.

Приведем в качестве примера одно из писем крестьянина Бобинской волости Вятской губернии, который, будучи арестованным за пропаганду и участие в митингах, передал через знакомых письмо своим сельчанам: «..Не давайте и не платите подати до тех пор, пока новые законы их не утвердят. Я вам приказываю и вся наша партия социал-демократическая, отберите оружие у полиции, скоро я приеду домой и задам полиции.

²⁴ Революция 1905–1907 гг. в Прикамье. Пермь, 1955. С. 180.

²⁵ История Урала периода капитализма... С. 295.

²⁶ Из истории молодежного движения на Урале (1905–1917 гг.). Челябинск, 1981. С. 18.

²⁷ Урал в панораме XX в. С. 73–80.

Я сейчас боевой дружинник и имею револьвер за 25 руб. и винтовку за 25 руб. Друзья, я вам предлагаю, отбирайте от полиции ружья и бейте ее, а на попа становите приговор, и его долой. Покорнейше прошу – установите приговор на старшину и писаря, чуть только не по вам, и это можно сделать и на место него можно поставить другого...»²⁸

Уральские эсеры стремились усилить свое влияние среди крестьян. К 1906 г. они сумели восстановить организационную структуру, насчитывавшую около 170 комитетов, большая часть которых размещалась в сельской местности, главным образом в Вятской и Уфимской губерниях и уездных центрах²⁹. Лето 1906 г. было периодом наиболее активной пропагандистской деятельности партии эсеров на Урале. Десятками тысяч распространялась нелегальная литература, в которой крестьян призывали захватывать помещичьи, казенные и удельные земли, делить их между собой поровну.

Следуя установкам ЦК партии, ориентировавшим местные комитеты в связи с роспуском I Думы на «широкое развитие террористических действий против всех активных лиц администрации – действий как партизанских, так и массовых, уральские эсеры на IV областном съезде в августе 1906 г. поставили вопрос о боевых организациях. Обсуждение выявило определенные различия. Часть делегатов, преимущественно от Пермского комитета, полностью разделяли идею ЦК о развитии практики террора и необходимости организации «боевого дела». Однако большинством съезда была принята формулировка, в которой террор рассматривался как «средство уничтожения средних лиц правительственной администрации и как ответ на репрессии». Положение о том, что террор выдвигается на первый план в деятельности местных комитетов, подтвердили и решения V Уральского областного съезда партии эсеров (июнь 1907 г.).

Террористические акты в новых исторических условиях оправдывались, во-первых, как средство самозащиты, во-вторых, как «испытанная боевая тактика, приводящая в брожение все силы общества». Дополнительным мотивом уральских боевиков было представление о достаточной степени готовности масс к продолжению борьбы против режима за расширение своих прав. Объектом этой борьбы были определены не только

²⁸ Сидоров К. Указ. соч. С. 99.

²⁹ Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. Челябинск, 1995. Ч. 1. С. 87.

«высокопоставленные лица», которых в регионе было не так много (главным образом — губернаторы), а «маленькая сошка», с которой непосредственно связывались представления об административном произволе.

Златоустовская окружная конференция эсеров в декабре 1907 г. признала партизанскую борьбу «единственно возможным способом проведения в жизнь... ближайших требований»³⁰. В числе «врагов» были не только чиновники ненавистного им государства, но и «их прислужники» — активисты правых партий. Так, в апреле 1906 г. златоустовские эсеры убили председателя златоустовского отдела Союза русского народа Аникеева, спустя некоторое время челябинские эсеры — инженера Васильева, начальника депо ст. Челябинск за его антиреволюционную позицию³¹. В 1906 г. в Мотовилихе в театре завода был убит помощник пристава Косецкий. Через несколько дней после его похорон было брошено еще 17 бомб в квартиры стражников. Несколько человек были убиты и ранены³². В конце 1906 г. на базе автономных боевых дружин партии социалистов-революционеров (ПСР) возник Уральский боевой союз, поставивший своей целью поднять восстание на Урале. Средством для достижения этой цели была экспроприация казенного и частного имущества, а также террор по отношению ко всем должностным лицам царской администрации. Союз имел отделения в Перми, Уфе, Златоусте, Екатеринбурге, Нижнем Тагиле. В Уральский боевой союз входили на автономной основе следующие группы: «лесные братья» А. Лбова (Мотовилиха), «лесники» В. Гусева (Екатеринбург), уральский боевой отряд А. Давыдова (Александровский завод) и др.

Отряд А. Лбова, рабочего Мотовилихинского завода, установил широкие связи с рядом уральских групп, с максималистами Петербурга. В 1907 г. часть питерских максималистов пополнила отряд «лесных братьев», внося заметное оживление. Последовала серия налетов на конторы заводов Абамелек-Лазарева, другие промышленные предприятия, учреждения и винные лавки. Для разгрома «лесных братьев» были брошены крупные силы полиции, подразделения драгун и ингушей прочесывали окрестности Перми. В августе 1907 г. блокированная войсками дружина А. Лбова покинула окрестности Перми и разъехалась. Часть ее погибла в

³⁰ См. *Катцугович И.* Указ. соч. С. 63, 73.

³¹ ОГАЧО. Ф. И-596. Оп. 1. Д. 333. Л. 22; Д. 340. Л. 209.

³² *Юдина Л.С.* Социалисты-революционеры и террор на Урале в 1905–1908 гг. // Политические партии. История и современность. Орел, 1994. С. 150–151.

Екатеринбург в начале XX в.

Екатеринбургском уезде, другая — в Сарапуле. Вскоре вновь появляется фигура Лбова на Туринских рудниках, где он с помощью местных экстремистов организует нападение на почтовое отделение, «устраняет» ненавистного директора завода и его заместителя. Следствием этого акта стала безработица тысяч людей и принудительная высылка пришлых рабочих на места постоянной прописки. «Лесных братьев» называли неувимыми. Губернские власти назначили за голову Лбова награду в пять тысяч рублей, но задержать его удалось только в начале 1908 г. Выдали сами местные жители. 17 февраля 1908 г. он был взят жандармами в г. Нолинске Вятской губернии и временным военным судом был приговорен к смертной казни. 2 мая 1908 г. приговор был приведен в исполнение. В конечном счете такой финал стал результатом отношения к Лбову и его «лесным братьям» со стороны самого уральского общества. Оно вначале сочувствовало им, а потом разочаровалось в силе «партизанских выступлений»³³. На счету этих борцов — десятки человеческих жизней рядовых граждан и представителей государственной власти.

Судьба «лесников» В. Гусева, уральского боевого отряда А. Давыдова во многом повторила историю лбовцев. Группа эсера В. Гусева провела несколько экспроприаций, поддерживала связь с лбовцами. Арест Лбова в 1908 г. и распад группы «лесных братьев» привели к ликвидации ека-

³³ Попов Н. Уральский Робин Гуд // Урал. 1986. № 7. С. 163.

теринбургского комитета и его боевой группы. Полиции стали известны явки организации Давыдова. Последовала серия провалов. Введение провокатора ускорило развязку событий. В августе 1908 г. А. Давыдов был арестован. В 1908 г. А. Давыдов и четверо его сподвижников были приговорены к смертной казни через повешение, 45 человек были осуждены, 7 — отправлены на каторгу.

Лбовщина стала символом анархистских выступлений и разбоя. Стихийный протест против недостатков существующей системы выродился «в заурядный террористический боевизм»³⁴. В 1908—1909 гг. Уральский боевой союз прекратил существование.

В 1906—1907 гг. боевая работа была в центре внимания уральских комитетов РСДРП. Решением Уральской областной конференции РСДРП (при участии Я.М. Свердлова) в феврале 1906 г. был взят курс на обучение всех членов партии военному делу и создание «повстанческой» армии. Конференцией были утверждены руководители Уральской боевой дружины³⁵. Состояние «военного дела» обсуждалось на сентябрьской 1906 г. и февральской 1907 г. областных конференциях РСДРП. Февральская 1907 г. конференция постановила «создать на Урале военно-боевой центр»³⁶.

К организации «боевого дела» на Урале были привлечены в Уфе — братья Иван, Михаил и Эразм Кадомцевы, И.С. Якутов; в Екатеринбурге — Ф.Ф. Сыромолотов; в Перми — А.Ю. Юрш, А.Л. Борчанинов, Я.С. Кузнецов; в Оренбурге — М.С. Харламов, И.С. Славин; в Вятке — А.С. Шкляев; в Челябинске — И. Здобнов, В.С. Гаврилов, С.П. Осокин. Общее руководство боевой работой на Урале осуществлял Я.М. Свердлов³⁷. Впоследствии в воспоминаниях бывших активистов этого движения была дана достаточно точная характеристика одному из них, которая вполне может быть применима к ним в целом: «Марксизм плюс военное дело подготовили из него такого работника, который правильнее всех представлял себе роль боевых организаций для осуществления диктатуры пролетариата... Под его руководством росли марксисты-боевики, одинаково владевшие теорией марксизма и оружием...»³⁸

³⁴ См. Капцугович И. Указ. соч. С. 72, 75.

³⁵ См. Очерки истории коммунистических организаций Урала. Т. 1. С. 116.

³⁶ Сенчакова Л.Т. Боевая рать революции. М., 1975. С. 31.

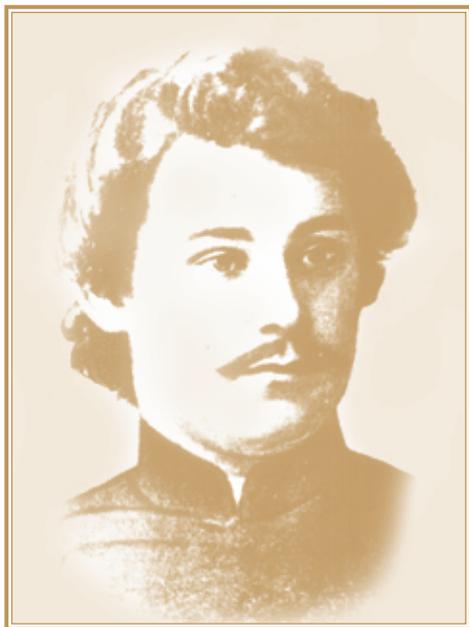
³⁷ Волостников Н.А. Указ. соч. С. 26.

³⁸ К истории боевых организаций на Урале... С. 101, 108.

Следует отметить, что И. Кадомцев и Э. Кадомцев являлись делегатами I Всероссийской конференции военно-боевых организаций РСДРП в Таммерфорсе в 1906 г., которая одобрила уставы и партизанские действия уральских боевиков и рекомендовала их к распространению во все-российском масштабе. Э. Кадомцев был членом Военно-боевого центра при ЦК большевиков, организатором центральной инструкторской школы в Петербурге...»³⁹.

Э.С. Кадомцев

М.С. Кадомцев

Большевики, как отмечает Н.А. Волостников, «извлекли уроки» из событий первого года революции и прониклись решимостью создать стройную систему боевой работы. В этих целях при комитетах РСДРП (городских, районных) создавались боевые руководящие центры. Назывались они по-разному в различных районах Урала, но назначение их было одно – осуществлять руководство боевыми дружинами, всей сложной системой боевой работы. В Перми, например, боевая организация получила название «военно-боевой коллектив», в Уфе, Златоусте – «боевая дружина», в ряде городов Южного Урала – «боевые организации народного вооружения»⁴⁰.

³⁹ См. Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2004. С. 244.

⁴⁰ См. Волостников Н.А. Указ. соч. С. 31.

Боевые организации большевиков имели, как правило, три дружины. Действующей силой являлась вторая дружина, в состав которой входили так называемые «десятки» (отряды), укомплектованные молодыми рабочими и членами партии, посвятившими себя военному делу. Во вторую дружину входили: отряд разведчиков, саперов, бомбистов, стрелков, Красного Креста. Кроме того, при дружине состоял отряд мальчиков-разведчиков и распространителей партийной литературы. В качестве подсобных предприятий выступали мастерские бомб и другие.

Третья дружина была школой военного обучения. В ее состав входили партийцы и примыкающие к партии рабочие.

Первая дружина состояла из выборной и кооптированной частей. Выборная часть играла роль Совета боевой организации, а другая — составляла штаб боевой организации с инструктором (начальником штаба) во главе. Штаб разрабатывал инструкции, стратегические планы действий, руководил обучением, вооружением и т.д. в масштабе всей организации. В Уфимской организации тысяцким (командующим) был И. Кадомцев, инструктором (начштаба) — Э.С. Кадомцев. Такой структурой, как отмечали ее организаторы, вполне достигались конспиративность и гибкость массовой военной организации. Тысяцкий знал только десятских, десятские только своих «пяточников»⁴¹.

В состав пермского военно-боевого коллектива входили: военно-техническая группа, которая занималась заготовкой и транспортировкой оружия и боеприпасов; коллегия инструкторов для обучения дружин военно-техническому делу; штаб разведчиков; финансовая группа; санитарный отряд; главный штаб коллектива⁴². В Уфе боевые отряды состояли из двух дружин. Первую составляли «партийные и наиболее преданные», вторую — все желающие и рвущиеся с оружием в руках отстаивать дело свободы⁴³.

К членам боевых организаций, или дружинникам, предъявлялись строгие требования. За вновь вступившего несли ответственность два поручителя. В случае несостоятельности «крестника» поручители отвечали своей жизнью.

⁴¹ См. К истории боевых организаций на Урале... С. 102–103.

⁴² См. *Волостников Н.А.* Указ. соч. С. 32.

⁴³ *Раимов Р.М.* 1905 г. в Башкирии. М.— А., 1941. С. 131.

Каждый боевик должен был уметь управлять лошадьми, паровозом, владеть огнестрельным и холодным оружием, знать анатомию человека, чтобы без шума при помощи холодного оружия «убирать» с дороги помеху; обладать ловкостью и проворством, наконец, уметь гримироваться⁴⁴.

Периодически проводились испытания для молодых. Так, симский рабочий М. Гузаков обучал своего 14-летнего брата Петра, проведя его через целый ряд опасностей, систематически тренируя повседневными поручениями нелегального характера. Нередко формы «учебы» приобретали характер заводского хулиганства. В воспоминаниях бывших боевиков читаем: «Масленица... дым валит из всех труб. Пекут блины. Михаил Гузаков поручает своим «комсомольцам» заткнуть все трубы. Проходит четверть часа, поручение исполнено. Заводские бабы ахают: блины не пекутся, дым ест глаза. В следующую четверть часа трубы по приказанию Гузакова открыты»⁴⁵. Так понимали «молодые бойцы» свое участие в борьбе против мещанства, религии.

Следует отметить, что основной костяк боевых дружин составляла именно молодежь. Так, челябинская дружина к октябрю 1905 г. насчитывала до 100 человек, главным образом в возрасте 17–20 лет. Организаторами и руководителями уфимской дружины были 20-летние рабочий железнодорожных мастерских И. Мавринский и гимназист И. Кадомцев. Молодежь участвовала в самых опасных и рискованных операциях — «эксах». Так, в операции близ станций «Воронки» и «Дема» в числе других принимали участие четверо молодых рабочих и пятеро учащихся городского училища. Из 92 привлеченных по делу Мотовилихинского восстания в декабре 1905 г. 39 были в возрасте от 14 до 23 лет.

В 1906 г. при Пермском комитете РСДРП по инициативе Я.М. Свердлова была создана военная организация, основное ядро которой составила рабочая и учащаяся молодежь. Во главе организации стоял Яша Рыжий — Фейгин, а его ближайшим помощником была 18-летняя К.И. Кирсанова. В квартире учеников пермского реального училища В. Касьянова полиция обнаружила в 1906 г. «вполне снаряженную слесарную мастерскую и химическую лабораторию со всеми реактивами для снаряжения бомб»⁴⁶.

⁴⁴ См. К истории боевых организаций на Урале... С. 102–103.

⁴⁵ Там же. С. 106.

⁴⁶ См. Из истории молодежного движения на Урале (1905–1917 гг.). Челябинск, 1981. С. 16–18.

Практическая работа боевых отрядов была разнообразной. Одним из направлений являлась расправа со «шпиками». К тем, кто нес караул на улицах населенных пунктов, применялись меры назидательного характера. Например, в Уфе жандармского ротмистра один из боевиков Уфы – силач Шура Калинин – взяв за шиворот, купал в грязной луже, приговаривая не совать глупого носа, куда не следует. Но в отношении надзирателя Уфимской тюрьмы Уварова, неблагожелательно отзывавшегося в адрес арестованного Э. Кадомцева, через того же Калинина было принято решение «покончить», и оно было исполнено⁴⁷.

Уфа в начале XX в.

В целях проверки «боевой готовности» дружин летом 1905 г. впервые на Урале, под Уфой, были проведены маневры боевых дружин и организовано несколько пробных нападений на правительственные учреждения⁴⁸.

Важной стороной деятельности боевиков и местных партийных комитетов было изыскание оружия. Типичными были следующие источники: закупка и тайная переброска оружия из-за границы, изготовление его собственными силами, приобретение в магазинах и у частных лиц, вынос в разобранном виде с оружейных заводов, насильственный захват в складах и арсеналах, разоружение чинов полиции и армии. Так, в 1905 г. с военного склада в г. Слободском было похищено 313 винтовок, часть

⁴⁷ См. К истории боевых организаций на Урале... С. 110.

⁴⁸ См. Волостников Н.А. Указ. соч. С. 33.

попала в Екатеринбург, с Пышминского медного рудника — 8 ящиков с 12 пудами динамита⁴⁹. По воспоминаниям одного из организаторов боевых дружин Урала Э. Кадомцева, «мы все вооружены маузерами, браунингами и бомбами... Мы маузеры носили подмышкой, бомбы — у поясов, браунинги — с отнятыми щеками — в карманах: прятали оружие так, что оно было незаметно при ходьбе»⁵⁰.

В условиях спада революции покупка оружия легальным путем стала практически невозможной, поэтому с 1906 г. его ввозили в основном нелегальным путем из-за границы. Уральцы установили связь с Петербургской боевой организацией, через Финляндию получали револьверы и даже винтовки⁵¹.

Всего за 1905–1906 годы только в одном Пермском уезде у рабочих было изъято 33 ящика различного оружия, в т.ч. 260 ружей и винтовок, 1589 револьверов, 242 пистолета, 83 штуки холодного оружия⁵². Широкое распространение получило на Урале изготовление бомб. Их производство было налажено в Перми, Уфе, Челябинске, Златоусте, Екатеринбурге, Алапаевске, Миньяре и др. Инициативу местных комитетов по производству бомб одобрил В.И. Ленин, отметив в одной из своих работ, что «бомба перестала быть оружием одиночки-бомбиста». Она становится необходимостью народного «вооружения»⁵³.

С конца 1906 г. производство бомб было поставлено на новую техническую основу. Организатором этого вида деятельности на Урале стал Иван Мызгин, прошедший учебу в Львовской школе бомбистов. Бомбы стали изготавливать из картона, модифицировали их, превращая в шрапнель. Технику безопасности не соблюдали. В Перми в квартире фельдшера Е.И. Худяковой работала подпольная лаборатория по производству бомб и взрывчатых веществ, организованная Пермским комитетом РСДРП. Здесь же производился ремонт оружия. 31 октября 1905 г. во время работ произошел взрыв. Два человека, в том числе хозяйка квартиры, получили ранение и были арестованы полицией⁵⁴.

⁴⁹ См. Очерки истории большевистских организаций на Урале. С. 86; *Волостников Н.А.* Указ. соч. С. 26.

⁵⁰ *Кадомцев Э.* Воспоминания о молодости. М., 1947. С. 40.

⁵¹ См. *Рычкова Г.* Военно-боевая работа большевиков Урала в период первой русской революции. Свердловск, 1946. С. 30.

⁵² *Западный Урал в революции...* С. 110.

⁵³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 269.

⁵⁴ ПГАНИ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 116. Л. 240.

По воспоминаниям бывших уральских большевиков, принципиальное положительное решение об «эксах», хотя и неопубликованное, было принято на областной конференции в феврале 1906 г. В августе 1906 г. уфимские боевики провели первую крупную экспроприацию казенных денег из почтового поезда близ разъезда Воронки. Было захвачено несколько мешков с деньгами, правда, они оказались медными и составили не очень большую сумму – 15 тыс. рублей⁵⁵.

Крупной акцией был «экс» почтового поезда около станции Дема близ Уфы. Действовали по заранее подготовленному плану. Двенадцать человек боевиков в черных полумасках отцепили у поезда паровоз. Беспрерывной стрельбой из маузеров вдоль поезда отрезали путь к сопротивлению сопровождавших его 20–30 вооруженных казаков. Организатор «экса» М. Кадомцев вышиб у двух нападавших на него солдат винтовки, выстрелами перетушил фонари у кондукторов, облегчив вынос из вагона денег. Мешки с кредитками положили на подводы и скрылись в лесу. Губернская печать сообщала о похищении 250 тыс. рублей. На деньги, добытые у разъезда Дема, был впоследствии организован Лондонский съезд, куплено оружие, издавались газеты: «Казарма» (Петербург), «Уфимский рабочий», «Уральский рабочий», «Солдатская газета» и в Оренбурге – газета на татарском языке «Урал»⁵⁶.

В 1906–1909 гг. деятельность боевых отрядов приняла характер открытой войны с властями, которая сопровождалась нападением на полицейские участки, убийствами, экспроприацией оружия и денежных средств. К концу 1906 – началу 1907 г. боевики вышли из-под контроля социалистических партий. В мае 1907 г. значительная часть большевистских боевых организаций Урала отказалась выполнять решение V съезда РСДРП о прекращении террора и роспуске боевых дружин. Для продолжения террора в 1909 г. была создана Уральская боевая организация РСДРП. В 1908–1909 гг. после серии провалов она была разгромлена полицией, а ее участники арестованы⁵⁷.

В условиях спада революционного движения центральное руководство РСДРП принимает решение о роспуске существующих боевых дру-

⁵⁵ См. Соколов-Новоселов А. Вооруженное подполье. Уфа, 1958. С. 37–42.

⁵⁶ См. Соколов-Новоселов А. Указ. соч. С. 52–61; К истории боевых организаций на Урале... С. 109–110.

⁵⁷ Кириллов Н.Б. Боевые организации политических партий // Уральская историческая энциклопедия. С. 92.

жин и переходе к созданию системы партийной милиции. Однако совещание представителей уральских боевиков в августе 1907 г. не согласилось с этим решением и заявило о продолжении тактики партизанской борьбы и подготовке вооруженного восстания. В выпущенном вскоре Златоустовским комитетом РСДРП «Извещении Технического бюро военно-боевых организаций Урала...», по сути дела, официально закреплялась необходимость «эксов», террора и т.д.

Уральская областная конференция РСДРП в сентябре 1907 г. признала ошибочными резолюции августовского совещания боевиков и записала в своих решениях, что «на Урале в настоящий момент не существует автономных боевых дружин, оторванных от пролетарских организаций. Во многих местах существует партийная милиция и группы инструкторов...»⁵⁸. Резолюции майской 1908 г. Уральской конференции объявили боевые организации стоящими «вне партии».

Последним крупным «эксом» уральских боевиков стал захват на станции Миасс 75,5 тыс. руб. и 1,5 пудов золота, которые были переданы ими за границу, на организацию партийных школ на о. Капри и в Болонье. После этой операции большинство боевиков были арестованы, некоторым удалось бежать за границу. Всего за 1907–1909 гг. уральскими боевиками было совершено около 100 «эксвов»⁵⁹.

На развернутую боевыми группами террористическую борьбу правительство ответило усилением репрессий и преследований. В 1907–1910 гг. военное положение было введено на Самаро-Златоустовской железной дороге. В 1908 г. на положении усиленной охраны находились Вятская и Уфимская губернии и ряд заводов Пермской губернии. Аресты охватили участников революционного движения в целом.

Несостоятельность экстремистских форм борьбы, тактики индивидуального террора стала осознаваться и самим обществом, уставшим от всевозможных «эксвов» и разбойных действий. В одной из листовок «К партиям и партийным людям Уфы» обыватель г. Уфы выразил крик души простых жителей о невозможности жизни в условиях бесконечных грабежей в подъездах домов, в транспорте, угрозах по почте: «Так вырази-

⁵⁸ См. *Корниенко С.И.* Борьба большевиков против авантюристической тактики боевиков в уральских организациях РСДРП (1907–1910) // Боевая и военная деятельность большевистских организаций Урала (1905–1920). Свердловск, 1983. С. 63–64.

⁵⁹ См. *Корниенко С.И.* Указ. соч. С. 68.

те в печати порицание экспроприаторам и принимайте меры! Еще может быть не поздно!»⁶⁰ Граждане стали все настойчивее требовать от власти наведения порядка. Решение социальных и экономических проблем они все более связывали с деятельностью законодательной Думы и политики реформ, проводимой правительством.

Таким образом, политический экстремизм леворадикальных партий и их комитетов на Урале в начале XX в. потерпел поражение. Террор оказался несостоятельным ни теоретически, ни практически. Убийства представителей местной власти и заводской администрации не могли изменить природу власти в целом и привести к быстрому и ощутимому улучшению жизни. Большинство общества подобные формы борьбы получили осуждение с моральной, нравственной стороны.

⁶⁰ Центральный государственный архив общественных объединений республики Башкортостана Ф. 1832. Оп. 4. Д. 11. Л. 52-52 об.

Сидоренко Н.С.

POLITICAL EXTREMISM IN THE URALS IN THE EARLY 20's

At the beginning of the 20th century, industry of the Urals found itself in a deep, long-lasting crisis which affected the entire population of the region. With the growth of a self-conscious proletariat and industrial workers (industry proletariat) seeking to improve their work and life conditions, more and more turned to organized collective actions to secure their interests. Such ideas gained widespread support from left radical parties, which began to establish local committees by 1900.

During the time of the First Russian Revolution in 1905-1907, a number of committees from principal cities and province towns organized armed groups, which mainly targeted representatives of municipal legislatures. This process guided by left radical parties was part of a larger plan to destroy the autocratic system and to accomplish a number of significant political reforms. According to various research in 1905-1907 armed groups in the Urals had up to 2000 members. Their experience was later used in other regions of Russia.

The article analyses the actions and methods of the armed groups. It is highlighted that these armed groups didn't act only as security during mass meetings and protests but acted as well openly against the state army. At the end of 1906 the Urals Army Union was formed on basis of the social revolutionary party armed groups. Its main aim was to produce a rebellion in the Urals. The Union was responsible for dozens of terrorist acts and and private property expropriation. By 1907 actions of the "forest brothers" degenerated into "unpopular terrorist fighting", which led to the loss of social approval. In 1908-1909 the Union was abolished.

The article shows the theoretical and practical incapacity of the personalized terror tactics and extremism methods used by these groups.

 Сидоренко Надежда Семеновна

доктор исторических наук, заведующая кафедрой
отечественной истории и методики преподавания истории
Челябинского государственного педагогического университета

Г. Мамулия

КАК САМУРАЙ СТАЛ СОЮЗНИКОМ ПРОМЕТЕЯ: ЯПОНО-КАВКАЗСКАЯ СМЫЧКА В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Русско-японская война дала мощный импульс революции 1905 г., потрясшей до основания казавшиеся доселе неизменными основы Российской империи. Будучи непосредственной предшественницей февральских событий 1917 г., революция 1905 г., по сути дела, привела в движение те силы, которые через десять с лишним лет покончили с самодержавием, дав народам бывшей империи исторический шанс самим избрать свою судьбу.

Одним из важных факторов, обуславливающих внутреннюю слабость империи Романовых этого периода, был национальный вопрос, неурегулированность которого, наряду с социальным вопросом, вылилась во взлет национально-освободительного движения, давшего о себе знать с начала XX века. Национальные устремления народов Российской империи, исходя из специфики того времени, часто принимали форму радикальных социально-политических движений. Особенно заметна эта тенденция была на Кавказе, в регионе с богатыми традициями антиколониальной и антиимпериалистической борьбы, насильственное «замирение» которого Петербургом в XIX веке носило лишь временный характер.

В настоящей статье поставлена задача осветить следующие вопросы: каким образом политическая ситуация, сложившаяся на Кавказе в нача-

ле XX века, в частности, начавшийся в это время процесс формирования местных политических партий и организаций, оказала влияние на неофициальные связи и сотрудничество, установившееся в 1904-1905 гг. между представителями секретных служб Японии и кавказскими активистами-патриотами, стремящимися использовать в своих целях сложившуюся международную конъюнктуру того периода? Какие конкретные формы принимало это сотрудничество, в свою очередь также оказывая влияние на ситуацию на Кавказе? Каковы были и насколько совпадали друг с другом политические цели, преследуемые японской и кавказской сторонами в период Русско-японской войны? Какое влияние японо-кавказское сотрудничество в 1904-1905 гг. оказало в дальнейшем на национально-освободительное движение народов Кавказа?

Грузинская партия социалистов-федералистов — ключевой партнер разведки Японии

В 1901 г. объединившаяся вокруг тифлисской газеты «Цнобис пурцели» («Вестник») группа патриотически настроенной грузинской молодежи решила создать политическую партию, целью которой должна была стать борьба за восстановление независимости Грузии, аннексированной Российской империей ровно сто лет назад. Политическая платформа группы была близка российской партии социалистов-революционеров, хотя в отличие от грузинских социал-демократов будущие социалисты-федералисты никогда в организационном отношении не входили в состав каких-либо русских политических партий. Осенью того же года был избран руководящий комитет, а по сути дела, инициативная группа этой пока еще безыменной партии¹.

Князь Арчил Джорджадзе, один из главных идеологов этой группы, сформулировал следующие основные постулаты, на которых должна была основываться политическая программа будущей партии. По его мнению, так как грузинская нация находилась в поработанном состоянии и само ее существование стояло под вопросом, всем грузинским политическим группам следовало забыть разногласия и, объединившись на основе «об-

¹ Ласхишвили Г. Мемуары (1885–1915). Тбилиси, 1934. С. 138–141 (на груз. яз.).

щей почвы», принять следующую состоящую из пяти пунктов программу: 1) защита грузинского языка; 2) развитие национальной торговли и промышленности; 3) борьба за то, чтобы грузинская земля и в дальнейшем осталась во владении грузин; 4) культурная и просветительская деятельность интеллигенции; 5) активное участие грузин в городских самоуправлениях².

В условиях самодержавного режима Российской империи пропаганда подобных идей в легальных средствах печати была практически невозможна. С целью избежать непреодолимых цензурных ограничений весной 1902 г. было решено командировать в Париж, центр политической международной жизни той эпохи, наиболее активных представителей упомянутой группы для издания на грузинском и французском языке газеты — органа ее пропаганды. По замыслу комитета, издаваемая в Париже газета, которую по нелегальным каналам планировалось распространять также и в Грузии, должна была подготовить почву для создания будущей партии.

Комитет командировал в Париж двух своих наиболее активных членов — уже упомянутого А. Джорджадзе и его друга, выделяющегося своими организационными способностями молодого горного инженера Георгия Деканозишвили (Деканози). Если Джорджадзе должен был исполнять роль редактора будущей газеты, в задачи Деканозишвили входило решение организационно-финансовых проблем, связанных с ее изданием³. Прибыв летом 1902 г. в Париж⁴, с мая 1903 г. Джорджадзе и Деканозишвили удалось приступить к изданию на грузинском языке газеты «Грузия» и ее французской версии — «La Géorgie», — предназначенной для ознакомления европейского общественного мнения с грузинским вопросом.

² Швелидзе Д., Гаприндашвили Г. Георгий Деканозишвили — возвращение патриота. Тбилиси, 2010. С. 30–31 (на груз. яз.).

³ Ласхишвили Г. Указ. соч. С. 159–161.

⁴ Согласно справке парижской префектуры полиции, выданной А. Джорджадзе, он прибыл в Париж в июле 1902 г. См.: Extrait du registre d'immatriculation d'A. Djordjadzé, le 27 mars 1903 // Centre historique des archives nationales (далее CHAN). Fonds Georges Dekanozichvili. Carton 345AP/2.

Арчил Джорджадзе. Один из руководителей грузинских социалистов-федералистов и главный редактор их печатных органов в Париже — газет «Грузия» и «La Géorgie». Тифлис. Начало XX века

Как и было предусмотрено с самого начала, на страницах газеты основное внимание уделялось вопросам выработки политической идеологии будущей партии. В частности, на первом этапе восстановление государственной независимости Грузии мыслилось в форме национально-территориальной автономии. Будучи реалистами, издатели газеты понимали, что максимум, на что можно было рассчитывать в условиях политических реалий того времени, было получение территориальной автономии, к чему стремились также поляки и финны — наиболее развитые в политическом отношении народы, инкорпорированные в состав Российской империи. Автономная Грузия должна была входить в состав более крупного регионального объединения — Кавказской Федерации.

«В географическом, экономическом и историческом отношении Грузия тесно связана со всем Кавказом. Там, где упоминается будущее Грузии, невозможно не принять во внимание и будущее всего Кавказа. Наша страна как органичная часть единого организма — Кавказа постоянно будет находиться под влиянием общего развития упомянутого организма. Исходя из этого, для нас является невозможным игнорировать политическую эволюцию Кавказа... В экономическом отношении Грузия тесно связана с остальным Закавказьем. С течением времени существующие экономические взаимоотношения и взаимозависимость будут чрезвычайно

возрастать. С целью защиты общих интересов и удовлетворения общих культурных потребностей необходимо создание соответствующей политической организации. Этой политической формой явится федерализм, с помощью которого между народами Кавказа установятся федеративные отношения. На первом этапе в рамках данного федерализма объединятся народы Закавказья, как наиболее близкие и связанные друг с другом. Затем постепенно рамки федеративного организма расширяться и в него будут включены народы всего Кавказа», — писал в связи с этим А. Джорджадзе⁵.

Первоначально Кавказская Федерация должна была входить в состав обновленной России, со своей стороны представляющей собой децентрализованную федерацию автономных государств. Разумеется, это отнюдь не означало, что Грузия должна была навсегда остаться в составе русского государства. Это был лишь первый необходимый этап на пути обретения полной независимости Грузии⁶. Не случайно на страницах газеты в том числе печатались и «сепаратистские» статьи, призывающие к полной государственной независимости Грузии от России. По словам одного из руководителей социалист-федералистской партии Т. Сахокиа, «это был первый случай, когда в европейской прессе появилось имя нашей страны и начался разговор относительно ее прав»⁷.

Почти весь тираж грузинской версии газеты предназначался для нелегального ввоза в Грузию. По свидетельству очевидцев, неизменным правилом Г. Деканозишвили было поручать каждому грузину, возвращающемуся из Франции на Родину, нелегально брать с собой номера «Грузии».

⁵ [Джорджадзе А.] Грузия и Кавказская Федерация // Грузия, независимый орган (Париж). 1904. № 9. С. 2 (на груз. яз.). См. также: [Djordjadze A.] La Géorgie et la Fédération du Caucase // Géorgie. Politique et sociale (Paris). 1903. n° 4. P. 1—2. По мнению Джорджадзе, «Закавказье, как наиболее развитая часть Кавказа, более подготовлено для восприятия нового политического и социального строя и жизни». Что касается горцев Северного Кавказа, они могут быть готовы к политическому единению с Закавказьем лишь после упразднения установленного на Северном Кавказе царским самодержавием «нынешнего военного положения, развращающего, в моральном и материальном отношении, горцев Кавказа, и установления на его месте нового строя, соответствующего их обычаям, вере и самоуправлению». См.: [Джорджадзе А.] Указ. соч. С. 2.

⁶ Там же. С. 2.

⁷ Тугуши М. Георгий Деканозишвили (жизнь и деятельность). Грузинская социалист-федералистская партия (1901—1906 гг.) // Кавкасион (Париж). 1964. № 10. С. 130 (на груз. яз.).

Установление первых контактов. Японо-кавказская тактика на объединение всех революционных групп

Начавшаяся в январе 1904 г. Русско-японская война привела к резкой активизации группы. Этому со своей стороны способствовали и события на Кавказе, где страдающее под колониально-имперским гнетом местное население не только не желало победы русскому оружию, но, напротив, открыто выражало свои симпатии в отношении Токио. Например, по сведениям французского консула в Тифлисе, помимо организованных полицией верноподданнических манифестаций, имели место факты совсем другого типа. В Батуми, например, 15 февраля «значительная группа грузин», первоначально выкинув российский флаг с целью обмануть бдительность полиции, затем, бросив его на землю, принялась топтать символ империи. «Долой императора, да здравствуют японцы!» — подняв красный флаг, скандировали манифестанты. Митинг был разогнан с помощью казаков, а несколько его участников арестованы. Манифестация такого же типа была организована также и учащимися кутаисской гимназии, где традиционно были крайне сильны грузинские патриотические чувства⁸.

Еще более серьезный случай имел место в Баку, где, вероятно местными повстанцами была брошена бомба перед выходом из армянской церкви, в которой совершалось богослужение за победу русского оружия. В результате этого было убито и ранено большое число человек⁹. На основании этих данных консул Франции указывал, что, принимая во внимание политическую нестабильность на Кавказе, России вряд ли удастся отправить из региона значительные военные силы для боевых действий на Дальнем Востоке¹⁰.

Пытаясь максимально способствовать поддержанию и развитию в грузинском обществе антиимперских настроений, сразу же после начала боевых действий газета «Грузия» в Париже заняла откровенно прояпонскую позицию, с особым удовлетворением сосредоточившись на описаниях поражений и катастрофических потерь, понесенных русской армией и

⁸ Archives du ministère des Affaires étrangères (далее АМАЕ). Correspondance politique et commerciale dite «nouvelle série». 1896–1918. Z (Europe). Dossier Russie (Agitation révolutionnaire et anarchiste). n° 12. Fol. 354–355.

⁹ Ibidem. Fol. 355.

¹⁰ Ibidem.

флотом на Дальнем Востоке. Авторы газеты не скрывали своей надежды на то, что поражение России в войне вызовет взлет в стране революционного движения и как следствие этого если не свержение, то, по крайней мере, ослабление царского абсолютизма¹¹.

В скором времени эта позиция газеты и стоящей за ней группы привлекла к себе внимание представителей японских спецслужб, активизировавших свою деятельность в Европе. Инициатором тайного сотрудничества Токио с представителями революционных партий и организаций, стремящихся к свержению самодержавия в России, являлся полковник Мотодзиро Акаши, занимавший в 1902–1904 гг. должность японского военного атташе в Петербурге. В феврале 1904 г. после объявления Японией войны России Акаши был переведен на пост военного атташе в Стокгольме. По словам одного из его биографов, «этот находящийся под прямым контролем Генерального штаба особый пост был создан с целью формирования японской разведывательной сети в России, организации диверсий на транссибирской железной дороге, а также поддержки обширного оппозиционного движения внутри империи»¹².

Как МИД, так и Генеральный штаб Страны восходящего солнца «считали Стокгольм лучшим местом для сбора общей информации о России и организации в ней разведывательной сети»¹³. Сразу же по прибытии в Стокгольм в феврале 1904 г. Акаши установил связь с группой финских эмигрантов во главе с руководителем финской партии активного сопротивления Кони Циллиакусом, ставшим главным посредником между ним и лидерами других революционных партий и организаций. Уже в начале марта Циллиакус представил Акаши свой план по объединению всех оппозиционных партий в совместной борьбе против центральных властей империи, предложив провести с этой целью совместную конференцию. Обещав связаться по этому поводу с Токио, Акаши попросил Циллиакуса установить контакты с соответствующими руководителями революционных партий и организа-

¹¹ Русско-японская война и национальные интересы Грузии // Грузия, независимый орган (Париж). 1904. № 10. С. 4–6 (на груз. яз.); La guerre russo-japonaises // Géorgie, politique et sociale (Paris). 1904. n° 7. P. 4–6.

¹² *Inaba Ch. Akashi's Career // Akashi Motojiro, Rakka ryūsui. Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War. Selected chapters translated by Inaba Chiharu and edited by Olavi K. Fält and Antti Kujala. Studia Historica 31. Helsinki, 1988. P. 18.*

¹³ *Ibidem.*

ций. Исполнив это поручение, Циллиакус обратился к Акаши с просьбой предоставить денежную помощь для печатания антивоенных листовок-воззваний, обращенных к поработленным нерусским народам империи¹⁴.

Карта европейского корреспондента грузинской газеты «Иверия», выданная в 1898 г. Георгию Деканозишвили

Вероятно, именно в это время полковник Акаши при посредничестве К. Циллиакуса, с которым, как свидетельствует газета «Грузия», грузины вели переговоры о совместных действиях, вступил в связь с Деканозиш-

¹⁴ *Inaba Ch.* The Politics of Subversion. Japanese Aid to Opposition Groups in Russia during the Russo-Japanese War // Akashi Motojiro, Rakka ryūsui. Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War. P. 74.

вили¹⁵. (В апреле 1904 г. Цицлиакус лично встретился с Деканозишвили в Женеве¹⁶. Непосредственная встреча же Акаши с Деканозишвили имела место в конце июня того же года, когда, по словам японского военного атташе, он посетил Париж с целью консультации с находящимися там лидерами оппозиционных групп и партий)¹⁷. Не исключено также, что внимание японского военного атташе могли привлечь и прояпонские статьи, помещенные наряду с грузинской также и во французской версии газеты¹⁸. На это косвенно указывает и тот факт, что в своем послевоенном отчете в японский Генеральный штаб Акаши среди революционных партий, с которыми ему удалось установить контакты, называет также «грузинскую партию “Сакартвело”»¹⁹. Принимая во внимание, что уже в апреле 1904 г. группа, собравшаяся вокруг этой газеты, была официально переименована в социалист-федералистскую революционную партию Грузии, можно сделать вывод, что, скорее всего, японский военный атташе привел в своем отчете то название группы, которое она носила в момент установления с ней первого контакта.

Во всяком случае, уже 1 апреля по инициативе Джорджадзе и Деканозишвили в Женеве начала работу конференция находящихся за границей представителей грузинских революционных политических группировок, целью которой было объединение всех грузинских политических сил для совместной борьбы против царского самодержавия. В конференции, председателем которой был Г. Деканозишвили, помимо членов его группы приняли участие представители грузинских социалистов-революционеров, анархистов и социал-демократов. Хотя все они формально являлись членами соответствующих русских партий, это не помешало эсерам и анархистам стать на почву грузинских национальных интересов. Наиболее ярким

¹⁵ В отчете Акаши, написанном им в начале 1906 г., после своего возвращения в Японию, между прочим, сообщается, что Деканозишвили был близким другом проживающего в Дании князя Шервашидзе. Шервашидзе был приближенным и неофициальным советником матери Николая II Марии Федоровны, которая всегда прислушивалась к его советам, посещая места своего рождения. По словам Акаши, «Шервашидзе был кавказцем и свободно высказывался по русским делам, находясь вне страны». *Inaba Ch. The Politics of Subversion...* // Ibidem. P. 37.

¹⁶ *Antti K. March Separately – Strike Together. The Paris and Geneva Conferences held by the Russian and Minority Nationalities Revolutionary and Opposition Parties, 1904–1905* // Ibidem. P. 96.

¹⁷ *Inaba Ch. The Politics of Subversion...* // Ibidem. P. 38.

¹⁸ В отчете Акаши упоминается газета «La Géorgie» // Ibidem. P. 42.

¹⁹ Ibidem. P. 26.

образом чувства людей, поставивших национальные интересы выше партийных, выразил князь Варлам Черкезишвили (Черкезов), один из наиболее видных европейских анархистов, участвующий в упомянутой конференции: «Когда меня пригласили на эту конференцию, передо мной встал вопрос, принимаю ли я в ней участие как член моей партии или сын определенного народа. Как анархист или как грузин?! Я увидел, что мое место здесь было только местом грузина, среди своих соотечественников»²⁰.

Участники Женевской учредительной конференции социалист-федералистской революционной партии Грузии. В центре полулежит Георгий Деканозишвили.

Сидят слева направо: Арчил Джорджадзе, Михаил (Михако) Церетели.

Стоят: Александр (Сандро) Габуниа, Командо Гогелиа
и Варлам Черкезишвили (Черкезов). Женева. Апрель 1904 г.

²⁰ Протоколы первой конференции грузинских революционеров. Париж, 1904. С. 15 (на груз. яз.).

Это мнение, однако, не было принято грузинскими социал-демократами, придерживающимися явно прорусской ориентации. Для того чтобы оправдать свою позицию, социал-демократы, по сведениям Тифлисского губернского жандармского управления, предложили конференции «заняться обменом мнений, не пытаясь искать общей принципиальной почвы... Требование о том, чтобы не выносилось принципиальных резолюций, было отвергнуто», и 2 апреля социал-демократы покинули конференцию²¹.

Впоследствии с целью самооправдания Ной Жордания, предводитель социал-демократов, писал по данному поводу, что вопрос об объединении с группой Джорджадзе-Деканозишвили не мог быть решен положительно, так как последние под предлогом защиты национальных интересов на основе теории «общей почвы» игнорировали вопросы классовой борьбы, стоящие перед грузинским народом²².

То, что в реальности, однако, дело шло об игнорировании социал-демократами национальных интересов грузинского народа, видно из отчета, специально составленного французской полицией по поводу конференции грузинских группировок в Женеве. В нем, в частности, сообщается, что покинувшие конференцию социал-демократы заявили своим оппонентам, что «их партия рассматривает вопрос борьбы против нынешнего правительства в общем плане, не обращая внимания на местные интересы и вопрос национальностей»²³. (По иронии судьбы именно Жордания в 1918 г. окажется во главе независимого грузинского государства.)

В ответ на этот демарш социал-демократов члены конференции приняли резолюцию, в которой отмечалось, что «российская социал-демократическая рабочая партия... стремясь создать в России централистическую республику, тем самым препятствует разрешению национального вопроса и распространению социального учения и, следовательно, является партией реакционной, препятствующей революционной деятельности других политических партий (грузинские же социал-демократы являются лишь только слепым оружием Центрального Комитета вышеназванной

²¹ Центральный государственный исторический архив Грузии (далее ЦГИАГ). Ф. 94. Оп. 1. Д. 70. Л. 2.

²² Жордания Н. Моя жизнь (Воспоминания). Тбилиси, 1990. С. 45 (на груз. яз.).

²³ CHAN. F/7/ 12521.

партии»²⁴. После этого ситуация на конференции разрядилась, в результате чего договор между оставшимися группировками стал возможным. Были выработаны методы, с помощью которых участники считали необходимым бороться с самодержавием.

6 апреля Деканозишвили подчеркнул необходимость создания новой политической организации, способной бросить радикальный вызов имперским властям: «Правительство обладает целой организацией для борьбы с нами. Мы должны им ответить также с помощью организации. Как нам удастся разбудить в народе этот дух восстания, если у нас не будет организации?! Борьба невозможна без организации, обладающей финансами и оружием»²⁵.

Конференция завершилась принятием ряда резолюций. Подтвердив, что целью их деятельности является создание территориальной автономии Грузии в составе федеративной России как первого шага к полной независимости страны («мы являемся сторонниками свободы, но пока что требуем того, что легче достижимо»), резолюция объявила о создании на основе присутствующих на конференции социалистов-революционеров, анархистов и группы газеты «Сакартвело» новой организации — грузинской социалист-федералистской революционной партии. С помощью революционно-вооруженной борьбы, а не только письменной пропаганды, партия должна была подготовить грузинский народ «для борьбы с полицией и армией», осуществить «организацию революционных отрядов» с целью «уничтожения бюрократических, военных и других учреждений»²⁶. Газета «Сакартвело», носящая до этого наименование «свободного органа», отныне являлась органом социалист-федералистской партии Грузии²⁷. «В программной резо-

²⁴ ЦГИАГ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 70. Л. 52-52 об.

²⁵ Швелидзе Д., Гаприндашвили Г. Указ. соч. С. 70.

²⁶ Первая конференция грузинских революционеров. Париж, 1904. С. 3—4 (на груз. яз.) // CHAN. Fonds Georges Dekanozichvili. 345AP/2. См. также: *Congres des révolutionnaires géorgiens // Géorgie. Politique et sociale (Paris). 1904. n° 8. P. 6.* Год спустя, во время встречи Деканозишвили с Акаши в Париже, полковник, как будто буквально повторяя программу социалистов-федералистов, также посоветовал Деканозишвили сосредоточиться на уничтожении казенно-имперских государственных учреждений в Грузии, не трогая имущества местного населения. См. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 102. ДП ОО. 1904. Оп. 316. Д. 28. Л. 49 об.

²⁷ Первая конференция грузинских революционеров. Париж, 1904. С. 5.

люции была выражена необходимость борьбы не только с существующим в России самодержавием, но и с возможной в ней централистической республикой, которая может стать препятствием для социального, экономического и национального освобождения грузинского народа», — подчеркивалось в уже упомянутой справке Тифлисского жандармского управления²⁸.

Сразу же после окончания конференции от имени партии была издана специальная листовка, обращенная к «трудовому народу Грузии». В ней руководители социалистов-федералистов обличали империалистическую политику царского правительства, отмечая, что с целью отвлечения внимания народа от его насущных проблем Петербург решил пойти на внешнеполитическую авантюру. «Народу не принесет никакой пользы занятие Маньчжурии, тем не менее на Дальнем Востоке уже проливается святая, горячая и невинная народная кровь»²⁹. Листовка содержала призыв к грузинским солдатам-рекрутам уклониться от участия в войне на Дальнем Востоке: «Что касается грузинских солдат, они должны принять все меры для того, чтобы не принять участие в этом бесполезном кровопролитии. Для чего должны быть посланы грузины на Дальний Восток или в Центральную Азию для пролития своей крови? Что нам там надо? Наш угнетатель и душегуб находится не там, а гораздо ближе. Имя ему — самодержавный и рабовладельческий строй. Вот, товарищи, враг, на которого мы должны указать нашему народу. Мы должны стремиться внушить народу, что нам надо воевать не для того, чтобы принести рабство другим, а для нашей собственной свободы. Лишь когда это сознание укоренится в народе, день нашего освобождения будет приближен и мы сможем с полной надеждой поднять флаг нашей полной политической и экономической свободы»³⁰.

²⁸ ЦГИАГ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 70. Л. 2 об.

²⁹ Обращение к трудовому народу Грузии. Листовка № 1. Социалист-федералистская партия Грузии. 1904 г. (на груз. яз.) // CHAN. Fonds Georges Dekanozichvili. 345AP/2.

³⁰ Там же.

PREMIÈRE ANNÉE. — N° 4. Le Numéro : 20 centimes. 1er AOUT 1903.

LA GÉORGIE

POLITIQUE & SOCIALE

RÉDACTION & ADMINISTRATION : 54, rue Saint-Sauveur, PARIS

LA GEORGIE est en vente à la SOCIÉTÉ NOUVELLE DE LIBRAIRIE & D'ÉDITION (Librairie Georges Bellais) 17, rue Cujas, Paris (V^e).

SOMMAIRE

La Géorgie et la Fédération du Caucase. — L'ami de la Géorgie, M. Basil Velitchko. — Le mouvement ouvrier en Géorgie. — Informations. — L'opinion publique russe et européenne sur la Géorgie. — L'œuvre de Vostorgoff. — De la Justice populaire. — Bibliographie de la Géorgie.

La Géorgie et la Fédération du Caucase

Nous n'avons pas de titres pour parler au nom de tous les Caucasiens. Mais il nous est possible de dire quelques mots sur l'événement possible et désirable au Caucase.

Géographiquement, économiquement la Géorgie est étroitement liée au Caucase. Du moment qu'on parle de Géorgie, on ne peut passer sous silence le Caucase. Notre pays, faisant partie sera toujours sous l'influence des choses qui peuvent être faites au Caucase et qui nous devons envisager la question de l'organisation de ce pays.

Géographiquement, le Caucase se divise en trois parties : le Caucase du Nord et la Transcaucasie et la vallée. La montagne de Tcherkesse, Tchetché, Lesghines, etc. Ces peuples différent des Transcaucasiens au point de vue ethnique aussi bien qu'à celui de la culture.

Moins civilisés, moins appropriés à l'industrie et d'échanges, les montagnards sont groupés par petites tribus et

inaccessibles. Ils sont gouvernés militairement par la Russie. Un régime rigoureux, qui annihile leurs propres coutumes et usages, leur est imposé.

Nous ne saurions pas dire dans quel sens il faudrait changer ce régime écrasant. Nous laissons aux Caucasiens eux-mêmes le soin de formuler leurs griefs. (Et, nous en sommes sûrs, ils ne tarderont pas à le faire.) Ce que nous pouvons affirmer ici, c'est que la montagne avec ses traditions, coutumes et usages, avec sa religion mahométane qui renferme en elle des principes et une morale très élevés, ne saurait être éternellement gouvernée par les lois martiales d'un régime oppressif.

Nous croyons qu'avec la décentralisation de la Russie, avec la disparition du régime administratif contemporain, les montagnards du Caucase feront preuve de capacité pour le développement politique, qu'ils connaissent selon leurs connaissances et

თქვენ პირდაპირ ამ გვერდზე და
 "საქართველო" ამ გაზეთის მეშვეობით,
 შეგიძლიათ მიხედოთ ამ გაზეთის
 კაპიტულს.

საქართველო

თ ა ვ ი ს ბ უ ა მ ლ ო ა ლ ა ნ ო მ

წელიური ფასი—5 მანეთი
თითოეული ნომერი—25 კაპ.

№ 2. წელიწადი 30430ლი.

15 მაისი 1903 წ. № 2.

უმღერძობესი ვახუშტი ყველა, ვინ თანაგრძობის, მოღვაწეობს ხალხს ყველგან მასა, რეაზრ ქართულს, ისე ვინაველის გამოვლისათვის დღეუბნებზე, წიგნზე, კურსხელმწიფებზე და წიგნებზე.
 მაგარ წყვი გავით გრუ-კრძობით ერთად-ერთი თავისუფალი ღრანა, ამიტომ მე ავიცილი დაიბაძა ყველგან მამართლების წიგნებზე, რმელთაც აზრად ექრებათ

ქართულ ხალხს ინტერესთა გამოხატვება. მიიღეთ რეაზრმა ამა თუ ამ წერილს თავის შემოსახად გეუბნებთ.
 მთავრებს ვახუშტი ყველა წიგნი, საქართველოს, წიგნების მისთვის, სტენსად ვინახავს ხელზე, რათა ამ ხალხს ხელს მუწყის წყნის გრძობის გარეუბლების საქმეს.
 ყველა მამართლებს რეაზრ ფელით, ისე წიგნით, ისეთი მავლობით მიიღება.

შ ი ნ ა ა ნ ი :

საქართველს ეროვნული თვით-მმართველობა.— მუშათა მიმართობა და ერეგება.—წიგნები ქუთაისთან. (კულონისაგან მკვლევართან) მ—მელოსა, წიგნები პრეფი.—მეწინა გმორების მკატანე მოქრული ახვისი)—მუშათა ფუნქსიონერთა მათხმე.— გაუმარჯოს თავისუფლებას (კოლხეთის მკატანე ან— გვისკობის დიმიტრის (პაპოსის) გადაყვანის გამო (საქულის მუდგლისა)—26 თერძელის მანიხეტი.— რუსეთის ქორთვა.—რუსეთის მთავრობა ჩვენზე რას ჰქონდეს—რედაქციისგან.—საქართველს"ფიხტა.

სამართავლოს ეპროვლოს თვით-მმართველობა.

I
 დღესვე ეროვნულ კითხვას ჩვენნი თვითრული ხასიათი ჰქონდა. ვიღარავითომ და ეხუთით ეროვნების მნიშვნელობა, იმის დავის საჭიროების შესახებ. ხელი დღესვე ჩვენს ხჯა-ნაბს, ერთი მხრით, განყენებულ ხასიათი ჰქონდა, მეორეს მხრით კი უფლებითა და ნაღვრის უფლები ეფუკა. ადრე განყენებული კასიათ ეროვნების მნიშვნელობაზე, ადრე ვაფებ ეროვნების დაჩავერის გამო, ადრე გულის ჩამარხული და გამოუქმელი ნატურ ეროვნების აღიზნებისა, ყველაფე ეს პრაქტიკულ ხარკებელბას არავითარ ევალეფა. დრო მიდიოდა და ჩვენ თანათან ევარეავით ჩვენს ვინაბას და ჩვენნი ხასტრინი და უბოლოებნი მმართველიც მუცის უეფერობით და კანონებობით ფხქვეპ გეთეფადენ.

დღეს ჩვენ ამ ხელის შემსუთველ და უნუგეო მდგომარეობიამ გამოვდივართ. ჩვენს განყენებულ აზრს ხორგმესხმულიან დავეფი, ვივინა წერობად ეთადვეყნე და ბუნდოდან ნატურას განხაზუფერულ და ნათოდავად კადრეფულ მისრთობების შეწყობი დაფი. შეეყვითი, რომ ჩვენს ვინაბას და ეროვნებას მოვალე გვხვრების ძირითადი ვცხობება და კანონიერ წიადაეყე ავეტული ეროვნული ავირნიშობა დათვარავს.

ყველა ხალხს თავისი საკუთარი ენა აქვს, მის თვისებას და ვითარებას შესავალი პოლიტიკური დაწესებულებანი, ყველა ხალხს უფლება აქვს თავის შვიდის ჩაყვითი ისარგებლოს. ეროვნების დავა, ჩვენის მუსეფულობით, დავაა ეფა-ენისა, ურომ-ლობსადვად ხალხს აზრის გამოხატეფელი იარაღი ევარ-ეუბა, დავაა ეროვნულ დაწესებულებათა, რმელთა მასეფულობით ხალხის თავისი საქმეის მართავს და განაგებს; დავაა ხალხის ნამრძობისა და ნამაგრობის, რმელის წართუევა და დასაკუთრება ვარმუე მლოერ თვით-მყრობელობისაკენ ხალხის კანონების და გათახსიბრებას მოახზუებს. და აი რათა შევიზნობთ ენა, მსვიმლოთ პოლიტიკური დაწესებულებანი, გადავარნიშოთ ხალხის ნამრძობი და ნამაგრობა, საჭიროა მოხობას ჩვენნი ავინიხსორეოლოი რეყობი, ქვეყანას თვით-მმართველობა მიენიჭოს და საქართველოს ეროვნულ ავირნიშობას ხამოკველი ჩვეარბოს, ჩვენ შეეყვითი, რომ მიიღეთ თვით-მმართველ დაწესებულებას, ეროვნულ ავირნიშობა მუსელობა ჩვენი მოთხოვნელობანი დააკმაყოფილოთ, ყველა ჩვენი ეროვნული საჭიროებანი დააკანონის და ხსოვაკით ჩვენის ვინაბობს მგარეეფად და მველეად შეეყმენს.

Титульные листы газет «La Géorgie» и «Сакартвело» («Грузия») — первых грузинских периодических изданий в Европе

Судя по всему, именно с печати воззваний-листовок и началось оказание японцами финансовой помощи социалистам-федералистам. Во всяком случае, 17 июня Генеральным штабом в распоряжение Акаши в качестве резервного фонда было переведено 9000 иен, часть которых, скорее всего, была потрачена на возмещение Цицлиакусу, а через него и другим революционерам, издержек на печать и переброску через границу антивоенных листовок³¹.

Другим важным результатом конференции являлась наметившаяся после ее окончания тенденция к созданию единого фронта всех революционных партий, выступающих за свержение самодержавия в России. Сразу же после конференции руководители социалистов-федералистов обратились к польской социалистической партии, финской партии активного сопротивления и армянской революционной федерации «Дашнакцутюн» с предложением относительно совместных действий в борьбе против имперских властей. В ответ на эту инициативу поляки выступили с предложением о совместной печати листовок. Финны, возглавляемые Цицлиакусом, подхватили предложенную грузинами идею о созыве съезда представителей всех народов, угнетаемых русским империализмом. Наряду с этим сосредоточились на создании действующего в Европе комитета, объединяющего в своем составе представителей соответствующих народов, включая грузин. На состоявшемся еще в марте 1904 г. съезде «Дашнакцутюн» руководители этой партии приняли решение о создании в целях общей борьбы тесного альянса с русскими эсерами и группой, сформировавшейся вокруг газеты «Грузия»³².

В своей пропаганде руководители грузинских социалистов-федералистов делали все, чтобы лишить своих находящихся на Кавказе соотечественников иллюзий относительно того, что освобождение Грузии зависит лишь от воли других держав, якобы заинтересованных в расчленении Российской империи. Справедливо отметив, что в то время ни одна из

³¹ *Inaba Ch. The Politics of Subversion...* P. 74–75. По свидетельству Акаши, во время встречи с Деканозишвили в конце июня в Париже последний, согласившись с тактикой японцев на объединение всех оппозиционных групп, поставил при этом вопрос оказания Токио финансовой помощи грузинским социалистам-федералистам, так как «они испытывали финансовые затруднения». *Inaba Ch. The Politics of Subversion...* P. 39.

³² [Джорджадзе А.] Что принес нам прошедший год? // Грузия (Париж). 1904. № 1 (15). С. 2 (на груз. яз.).

европейских держав не была заинтересована в независимости Кавказа, Джорджадзе писал, что единственным возможным выходом из данного положения является бескомпромиссно-революционная борьба грузинского и других поработанных народов за свою независимость. Не скрывал он и того, что «не сможет создать грузинское государство и Япония, какое бы поражение ни нанесла она России»³³. Единственным выходом является свержение монархии, федерализация России, а затем и государственная независимость Грузии в составе Кавказской Федерации.

Непосредственным продолжением состоявшейся в апреле 1904 г. Женевской конференции грузинских политических групп являлось созванное с помощью тайного японского финансирования в сентябре–октябре того же года в Париже совещание российских революционных и оппозиционных партий.

В начавшей свою работу 30 сентября конференции приняли участие представители российской партии социалистов-революционеров и Союза освобождения, польской социалистической партии, польской национальной лиги, финской партии активного сопротивления, литовской социал-демократической рабочей партии, грузинской партии социалистов-федералистов³⁴, а также армянской революционной федерации «Дашнакцутюн». От участия в конференции отказались российские социал-демократы, в это время уже разделенные на большевиков и меньшевиков. Тем не менее принявшими участие в конференции партиями была выработана декларация, состоящая из трех основных пунктов: 1. Свержение самодержавия в России. 2. Установление свободной демократической системы. 3. Право на самоопределение для всех наций Российской империи³⁵.

Упомянутые идеи нашли свое отражение в листовке, выпущенной в Париже в декабре 1904 г. на грузинском языке социалистами-федералистами для грузинских рабочих не только от своего имени, но и от имени центральных комитетов русских социалистов-революционеров, польской

³³ [Джорджадзе А.]. Что нам ждать от войны? // Грузия (Париж). 1904. № 4 (16). С. 1–4 (на груз. яз.).

³⁴ От грузинских социалистов-федералистов делегатами на данной конференции были Г. Деканоцишвили и Александр (Сандро) Габуниа, бывший анархист. См.: Antti K. Op. cit... P. 125.

³⁵ Протокол и декларация конференции российских оппозиционных и революционных партий (30. 9 – 4. 10. 1904 г. Париж) // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Том 1. 1900–1907 гг. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. М., 1996. С. 161. См. также: Antti K. Op. cit. P. 126.

социалистической и латышской социал-демократической партий. В ней, в частности, говорилось, что народы Российской империи имеют право свободного выбора как территориальной автономии, так и полного отделения от бывшей метрополии³⁶.

Как впоследствии писал Акаши, «на этой конференции было решено, что каждая партия будет действовать своим собственным путем. Либералы созовут земства и начнут в прессе антиправительственную кампанию, социалисты-революционеры и другие партии прибегнут к чрезвычайным мерам, по их специальности, кавказцы пустят в ход свое искусство организации покушений, польские социалисты используют свой опыт организации демонстраций»³⁷.

Тайное сотрудничество.

Доставка нелегальной литературы и оружия на Кавказ

Наряду с попытками объединения в совместной борьбе всех оппозиционных партий, Акаши уделял особое внимание вопросу нелегальной доставки в Россию оружия, необходимого для организации революционных вооруженных выступлений. Особенно перспективными в этом отношении являлись нерусские регионы страны, обладавшие традициями антиимперского национально-освободительного движения, такие как Финляндия, Польша и Кавказ. Если с территории Финляндии можно было с успехом перебросить часть оружия и в саму Россию, включая столицу империи Петербург, Кавказ, являвшийся своего рода ахиллесовой пятой империи, в случае вооруженных выступлений был способен оттянуть на себя значительные военные силы, которые царское правительство рассчитывало использовать на Дальнем Востоке. Уже с конца 1904 г. Акаши вступил по этому поводу в переговоры с Цицлиакусом и Деканозишвили.

Судя по архивным документам, первые партии оружия, приобретенные с помощью японского финансирования, были переправлены Дека-

³⁶ Ко всем рабочим. Листовка № 4. Париж, декабрь 1904 (на груз. яз.) // CHAN. Fonds Georges Dekanozichvili. 345AP/2.

³⁷ *Inaba Ch.* The Politics of Subversion... P. 41.

нозишвили на Кавказ уже в декабре 1904 г. В данном случае дело шло о небольших партиях в количестве нескольких сот стволов (в основном револьверов)³⁸. Тем не менее 2 мая 1905 г. Деканозишвили сообщал Акаши, что к этому времени в Тифлис, Баку и Батуми уже было доставлено «весьма значительное количество оружия»³⁹. Финансировали японцы и нелегальную отpravку на Кавказ и революционной литературы, получившей в кодированной переписке социалистов-федералистов наименование «подарков».

В значительной степени этому способствовали и события, развивающиеся к этому времени на Кавказе. Так, по данным газеты «Грузия», призыв рекрутов в русскую армию, начавшийся осенью 1904 г., натолкнулся на яростное сопротивление местного населения. Особенно большой масштаб акции протеста приняли в Западной Грузии. Например, в Гурии под влиянием пропаганды социалистов-федералистов большинство населения категорически отказывалось идти на военную службу, выкинув лозунг «Лучше умереть в нашей Гурии, чем в Манчжурии!». В результате дело дошло до вооруженного столкновения с казаками, с многочисленными жертвами с обеих сторон, и несколькими сотнями гурийцев, ушедших в леса для ведения партизанской войны. Так как сами повстанцы испытывали острый недостаток оружия, в Гурии действовало несколько нелегальных мастерских, где делались самодельные ружья-берданки. В Гурии тактика социалистов-федералистов, призывающих местных крестьян всеми средствами уклоняться от призыва на военную службу, одержала верх над тактикой социал-демократов, несмотря на то что позиции последних были крайне сильны в этом крае. В частности, социал-демократы призывали крестьян не отказываться от призыва в армию с целью получения возможности ведения с помощью последних революционной пропаганды в войсках. 7 ноября крупная антивоенная демонстрация под красным знаменем имела место в Кутаиси. Демонстранты выступали против призыва на военную службу, что в итоге также кончилось столкновением с казаками и полицией. Был полностью сорван призыв и в Хевсуретии,

³⁸ Например, 18 ноября 1904 г. Акаши писал Деканозишвили: «...что же касается того, о чем мы с вами говорили, оно готово и в вашем распоряжении в Париже, мне остается только дать последнее приказание моему другу в Париже», имея в виду японского военного атташе во Франции. См.: ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1904. Оп. 316. Д. 28. Л. 12.

³⁹ Там же. Л. 49 об.

горном регионе Восточной Грузии⁴⁰. По словам Акаши, с ноября 1904 по январь 1905 г. «кавказцы убивали по десятку правительственных чиновников ежедневно»⁴¹.

Другим важным фактором, способствующим сотрудничеству Акаши с Деканозишвили, были связи, которыми располагал последний не только в Грузии, но и в Азербайджане и на Северном Кавказе. Так, муж сестры Деканозишвили, надворный советник Иосиф Хаханашвили (Кананов), служил в Азербайджане на должности пристава г. Кусары Кубинского уезда. В то же время родной брат Иосифа, капитан Михаил Хаханашвили, занимал должность помощника начальника Андийского округа в Дагестане, в селе Ботлих. Эти связи Деканозишвили русской полиции удалось установить лишь в конце мая 1906 г.⁴²

Курс на вооруженное восстание. Подготовительные мероприятия на Кавказе и в Европе

С 1905 г. положение российской власти в Грузии и на Кавказе еще более усугубилось. Вследствие общего подъема революционного движения, охватившего Россию, терпящую одно поражение за другим от японцев на Дальнем Востоке, престиж имперской власти на Кавказе был сведен до минимума. Этому способствовал также и вывод из региона значительного количества перебрасываемых в Манчжурию русских войск.

После «кровавого воскресенья» в Петербурге по всей России прокатилась волна выступлений против продолжения войны на Дальнем Востоке. «В Грузии в особенности некоторые пехотные роты, прибывшие с целью сокрушить антимобилизационное движение, были разгромлены, в результате чего приказ о мобилизации Первого Кавказского корпуса был полностью отменен»⁴³, — писал в своем отчете Акаши.

Паралич власти в особенности чувствовался в Тифлисе, политическом центре Кавказа, а также в таких приморских городах, как Батуми, Поти и Сухуми, несмотря на то что в них было введено военное положение.

⁴⁰ Призыв в армию в Грузии. Письмо из Тифлиса // Грузия (Париж). 1904. № 7 (19). С. 5–6 (на груз. яз.).

⁴¹ *Inaba Ch. The Politics of Subversion...* P. 42.

⁴² ЦГИАГ. Ф. 836. Оп. 1. Д. 237. Л. 1-5.

⁴³ *Inaba Ch. The Politics of Subversion...* P. 44.

Л. Виллари, английский журналист, весной—летом 1905 г. посетивший с ознакомительной поездкой Закавказье, вспоминал, что в Батуми выступления рабочих нефтеперерабатывающего завода Ротшильда носили не экономический, а в основном политический характер. «С того времени как общее состояние беспорядка распространилось на Кавказ, Батуми превратился в превосходный очаг для восстания... В отличие от забастовщиков Санкт-Петербурга, участники стачек в Батуми сразу же перешли к насильственным мерам, и с тех пор город не знал ни минуты покоя. Когда я прибыл туда, внешне все было спокойно. Тем не менее, хотя там и было введено военное положение, в городе не было видно ни военных патрулей, ни полицейских. Не проходило и дня без убийств на улицах, и ни один убийца не был арестован»⁴⁴. По словам Виллари, состоящий из социал-демократов и социалистов-федералистов местный революционный комитет обладал таким авторитетом, что никто в городе не смел ослушаться его приказов. Достаточно было одного устного приказа комитета, чтобы рабочие на заводе Ротшильда или докеры на судах в порту прекратили работу. Если кто-либо из имперской администрации пытался воспрепятствовать этому, таковых ликвидировали на месте. «Казалось невероятным, что в укрепленном городе, подобно Батуми, окруженном оцетинившимися дулами артиллерийских батарей и имевшем гарнизон большого количества войск, убийства и насильственные акты совершались таким легким образом»⁴⁵.

Подобное положение было свойственно не только приморским городам Грузии, но и целым провинциям. Например, в 1902–1905 гг. Гурия, одна из провинций Юго-Восточной Грузии, полностью находилась вне контроля царской администрации.

С 1904 г. национальный подъем стал ощущаться и в среде грузинского духовенства, выступившего с требованием восстановления автокефалии грузинской церкви, вопреки положениям Георгиевского трактата 1783 г., аннулированной царскими властями в 1811 г.⁴⁶. Взамен существующей с древнейших времен автокефальной грузинской церкви был создан грузинский экзархат правительствующего синода, который, будучи возглав-

⁴⁴ *Villari L. Fire and Sword in the Caucasus. London, 1906. P. 53.*

⁴⁵ *Ibidem. P. 55.*

⁴⁶ ЦГИАГ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 70. Л. 67 об.

ляем русскими иерархами, в течение века являлся в Грузии проводником политики церковно-культурной русификации⁴⁷.

В мае 1905 г. по настоянию экзарха полицией и войсками было жестоко разогнано состоявшееся в Тифлисе собрание представителей местного духовенства, выступавших с требованием восстановления автокефалии грузинской церкви⁴⁸. Этот акт, вызвавший всеобщее возмущение грузинского общества, только усилил в ее рядах стремление к церковной независимости от России⁴⁹.

Не случайно во «Всепогоднейшей записке по управлению кавказским краем», составленной в феврале 1907 г. наместником царя на Кавказе И.И. Воронцовым-Дашковым, который по понятным причинам стремился всячески преуменьшить значение грузинского церковного вопроса, отмечалось, что «грузинский сепаратизм, поскольку таковой имеется, ярче всего выразился возбуждением вопроса об восстановлении автокефалии грузинской церкви...»⁵⁰.

Параллельно с упомянутыми событиями на Кавказе в 1905 г. движения за территориальную автономию и трансформацию Российской империи в федеративное государство с особой силой сказываются в Финляндии, Польше, балтийских провинциях и на Украине. Например, на состоявшемся в марте VIII съезде польской социалистической партии было принято решение добиваться созыва учредительного собрания в Петербурге, требуя при этом создания конституционной ассамблеи и для самой входящей в состав империи Польши⁵¹. Такое же требование было озвучено и на июньском съезде представителей народной и радикально-демократической украинских партий, заявивших о необходимости создания в Киеве конституционной ассамблеи для решения сугубо украинских вопросов. Съезд высказал мнение, что компетенция центральных властей в Петербурге должна быть ограничена вопросами обороны, внешней политики, таможни и финансовых проблем. Украинский язык должен стать официальным языком общеобразовательных и правительственных учреждений⁵².

⁴⁷ Джавахишвили Ив. История грузинского народа. Тбилиси, 1953. Кн. V. С. 110–111.

⁴⁸ Villari L. Op. cit. P. 122.

⁴⁹ Seton-Watson H. The Russian empire 1801–1917. Oxford, 1967. P. 612.

⁵⁰ Всепогоднейшая записка по управлению кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. [Тифлис], 1907. С. 22.

⁵¹ Seton-Watson H. Op. cit. P. 607.

⁵² Ibidem. P. 608.

Георгий Деканозишвили в форме горного инженера (стоит) с отцом, матерью и сестрой. Тифлис. Конец XIX века

Видя, что империя трещит по швам, русскому правительству пришлось пойти на уступки в Финляндии, где в марте этого же года был отменен закон 1901 г., согласно которому финны призывались в русскую армию наравне с другими подданными Романовых и, следовательно, могли быть использованы в любых концах империи. Был также восстановлен закон о несменяемости судей. Все это, однако, не удовлетворило финнов, и члены партии активного сопротивления продолжали совершать покушения на жизнь русских чиновников⁵³.

⁵³ Ibidem. P. 610.

Упомянутые тенденции давали возможность японцам и грузинам подумать о посылке морским путем на Кавказ крупной партии оружия с целью организации там массового восстания. В случае успеха царское правительство было бы вынуждено бросить на подавление восстания те воинские части, которые могли бы быть использованы в Манчжурии, тем самым облегчив положение японских войск на Дальнем Востоке.

Вопрос финансирования организации массового восстания в Финляндии, Польше и на Кавказе ставился перед Генеральным штабом Акаши уже с осени 1904 г., однако наталкивался на сопротивление японского МИД, опасавшегося нежелательных последствий международного порядка в случае принятия подобного решения. Если бы вовлеченность Токио в эти действия стала бы очевидной, Японию вполне могли бы обвинить в нарушении данного ей слова ограничить военные операции оккупированной русскими войсками китайской территорией, а также морским пространством между Китаем и Японией. Подобные действия могли быть использованы Петербургом для усиления антияпонской пропаганды, а также вызвать недовольство Германии и Австрии, крайне озабоченных польским вопросом. Наконец, и другие великие державы также опасались перспективы социалистической революции в России⁵⁴.

Положение изменилось в первых месяцах 1905 г., когда, несмотря на победы, одержанные японцами над русскими войсками в битвах под Сандепу и под Мукденом, японскому военному командованию стало ясно, что людские и военные ресурсы Страны восходящего солнца на исходе. В то же время на фронт в Манчжурию продолжали прибывать новые русские подкрепления, что грозило изменить соотношение сил в пользу Петербурга. Исходя из этого, в Генеральном штабе решили принять предложение Акаши относительно финансирования революционных движений и организации восстаний в Финляндии, Польше, на Кавказе и в самой России. В случае успеха предприятия это сделало бы невозможным направление на Дальний Восток русских воинских частей и соединений из охваченных восстанием регионов. Кроме того, в преддверии мирных переговоров, которые японцы решили вести с Россией после битвы под Мукденом, было необходимо максимально усилить позиции Токио. В частности, создать соответствующий фон, показав, что Россия более не способна продолжать ведение боевых действий⁵⁵.

⁵⁴ *Inaba Ch.* The Politics of Subversion... P. 78.

⁵⁵ *Ibidem.*

12 февраля Акаши направил телеграмму на имя начальника Генерального штаба Я. Аритомо, в которой просил выделить 440 000—450 000 иен на помощь революционным партиям. Во второй половине апреля деньги из Токио были получены⁵⁶. В беседе, состоявшейся 2 мая в Париже, Акаши указал Деканозишвили на то, что разложение русской армии и революционная пропаганда в России достигли значительного уровня. По его мнению, «если бы суметь организовать сотысячную вооруженную толпу, то с уверенностью можно бы сказать, что при содействии общества эта вооруженная сила одержала бы победу над деморализованными солдатами»⁵⁷.

Деканозишвили регулярно передавал Акаши информацию о событиях на Кавказе. Так, 7 мая, несколько дней спустя после упомянутой встречи, Акаши направил в Токио под грифом «Совершенно секретно» телеграмму, содержащую следующие сведения: «Хаотическое состояние на Кавказе продолжается. Крестьяне громят государственные хозяйства и не платят налогов. Убийства продолжаются. Правительство не может каким-либо существенным образом предотвратить анархию. Единственной мерой остаются восстания. Польша следует за Кавказом... Каждая партия приступила к покупке оружия в Швейцарии, Гамбурге и других местах. Ожидаем, что сможем купить старые ружья по цене 7 иен за ствол. Как я сообщал, руководители убеждены, что восстания, намеченные на лето, могут увенчаться успехом. Тем не менее польская партия социалистов, кавказская партия и я беспокоимся относительно перспектив на успех. Пожалуйста, сделайте все для того, чтобы дать им столько оружия, сколько возможно»⁵⁸.

Со своей стороны Деканозишвили и его единомышленники надеялись, что в случае успешного восстания Петербург с целью умиротворения края будет вынужден предоставить Кавказу автономию. Это мнение еще больше укрепилось в нем после встречи в апреле 1905 г. с бывшим священником Георгием Гапоном, по инициативе которого в начале апреля в Женеве состоялась конференция 11 российских революционных партий (как и раньше, от участия в конференции отказались социал-демократы).

⁵⁶ Ibidem. P. 79-81.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1904. Оп. 316. Д. 28. Л. 48 об.

⁵⁸ *Inaba Ch.* Important Japanese Telegrams concerning the Russian Opposition Movement // Akashi Motojiro, Rakka ryūsui. Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War. P. 66—67.

Конференция предложила участвующим в ней грузинским социалистам-федералистам и армянским дашнакам учредить на Кавказе федерацию, включающую в свой состав как Северный, так и Южный Кавказ, связанную федеративными нитями с остальной Россией. Это предложение удовлетворило и грузин, и армян⁵⁹. Выразив свою поддержку деятельности социалистов-федералистов, Гапон сообщил, что опасается того, что в случае успешного восстания на Кавказе царское правительство пойдет на предоставление автономии этому региону, отказав в этом политически более пассивному населению самой России⁶⁰.

С целью подготовить почву на местах весной 1905 г. в Грузию из Парижа был срочно командирован Тэдо Сахокиа, один из руководителей социалистов-федералистов и ближайший соратник Георгия Деканозишвили. В задачи последнего входила организация в черноморских городах Грузии – Батуми, Поты и Сухуми, куда по предварительному плану предполагалось выгрузить оружие, региональных комитетов социалист-федералистской партии. Согласно решению Женевской конференции 1904 г. в упомянутые комитеты были включены также руководители местных социалистов-революционеров и анархистов.

К лету 1905 г. комитеты были созданы, а сам Сахокиа устроился на работу в редакцию батумской газеты «Черноморский вестник»⁶¹. Изгнав старого редактора этой газеты, придерживавшегося, по словам Виллари «ультрареакционных взглядов», революционерам удалось установить над этим изданием своей полный контроль, сменив также состав его редакции⁶². Работа в этой газете давала возможность Сахокиа поддерживать регулярные контакты с Деканозишвили, посылавшего на имя редакции «Черноморского вестника» кодированные письма и телеграммы.

Была создана также подпольная военная организация социалистов-федералистов, руководимая офицерами-грузинами, находящимися на службе в русской армии⁶³. С их помощью грузинам удавалось передавать

⁵⁹ Antti K. The Letters of Colonel Akashi and His Aide Major Nagao, preserved in Finland and Sweden // Ibidem. P. 157.

⁶⁰ Тузуши М. События и дела прошедших лет // Кавкасион (Париж). № IX. С. 119 (на груз. яз.)

⁶¹ Т. Сахокиа – Г. Деканозишвили, 3. 4. и 28. 6. 1905 (на груз. яз.) // CHAN. Fonds Georges Dekanozichvili. 345AP/1.

⁶² Villari L. Op. cit. P. 55.

⁶³ Т. Сахокиа – Г. Деканозишвили, 9. 5. 1905 (на груз. яз.) // CHAN. Fonds Georges Dekanozichvili. 345AP/1.

Деканозишвили информацию военного характера, которую тот незамедлительно сообщил Акаши⁶⁴.

С мая 1905 г. социалисты-федералисты приступили к непосредственной подготовке к операции по приему оружия. Согласно договору, заключенному Акаши с Деканозишвили, японцы брали на себя финансирование покупки оружия и судна, на котором планировалось доставить и выгрузить оружие в один из портовых городов Грузии, так же как и оплату расходов по найму корабельного экипажа. Грузины должны были практически осуществить данное мероприятие, что, помимо всего прочего, включало в себя соглашение с властями Османской империи, через территориальные воды которой корабль с оружием только и мог быть направлен к черноморским берегам Кавказа.

По первоначальным замыслам повстанцев территория Турции должна была служить также временной промежуточной базой для переброски оружия в Грузию. Планировалось договориться с османскими властями не только о беспрепятственном проходе корабля через Босфор и Дарданеллы, но и о том, чтобы корабль был разгружен в турецких территориальных водах, вне радиуса действий российских военных кораблей. В частности, выгрузить оружие планировалось в районе турецкого приграничного города Хопа, в 25 милях от берега. Выгруженное на турецкий берег оружие должно было быть спрятано в заранее подготовленные склады и лишь после этого отдельными партиями перекинуто на грузинскую территорию. Для того чтобы облегчить повстанцам осуществление их задач, планировалось завернуть свертки с ружьями в водонепроницаемый брезент, дающий возможность в случае необходимости закопать их в землю. Каждый сверток должен был весить не больше двух-трех фунтов, что давало возможность одному человеку переносить их на значительные расстояния. По расчетам грузинских офицеров, входящих в боевую организацию социалистов-федералистов, к каждому ружью должно было быть придано около 300 патронов⁶⁵. С целью заключить договор с турецкой стороной в конце июня из Грузии в Турцию выехал князь Мехмед Абашидзе, один из лидеров мусульман-аджарцев, проживавших по обе стороны грузино-

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1904. Оп. 316. Д. 28. Л 48 об.

⁶⁵ Т. Сахокиа – Г. Деканозишвили, 19. 6., 28. 6., 15. 9. и 21. 9. 1905 (на груз. яз) // CHAN. Fonds Georges Dekanozichvili. 345AP/1.

турецкой границы, обладавший связями в правящих кругах Османской империи⁶⁶. Судя по всему, до завершения Русско-японской войны турки склонялись к тому, чтобы согласиться на просьбы повстанцев.

В июле по указанию Деканозишвили в Грузию из Парижа тайно выехали находящиеся во Франции и в свое время подписавшие Женевский пакт грузинских политических партий руководители анархистов, эсеров и социалистов-федералистов, получивших задание сконцентрировать свои усилия на пропагандистской деятельности на местах. Один из эмиссаров, наборщик газеты «Грузия» Михаил Кикнадзе, вез руководителям Тифлисского комитета социалистов-федералистов тайное письмо, в котором, наряду с прочим, содержался план организации вооруженного восстания, разработанный Деканозишвили на основе консультаций с Акаши. После выгрузки на черноморском побережье купленного в Швейцарии оружия, последнее должно было быть тайно переправлено в Тифлис с целью организации в подходящее время всеобщего восстания в Грузии, которое затем должно было распространиться на весь Кавказ. В самом Тифлисе должна была быть организована подпольная лаборатория по изготовлению бомб⁶⁷. Как впоследствии вспоминал Г. Ласхишвили, летом 1905 г. военной организацией социалистов-федералистов было составлено специальное «Положение о военной организации и план ведения партизанской войны»⁶⁸.

Со своей стороны лихорадочную деятельность развил в Европе и сам Деканозишвили. Понимая, что в организационном отношении позиции социал-демократов в Грузии были сильнее позиций социалистов-федералистов, он предпринял еще одну попытку по созданию единого фронта грузинских партий. В сентябре он получил из Тифлиса мандат на ведение переговоров с социал-демократами. Соглашаясь поделиться с социал-демократами оружием, посылаемым на Кавказ, он, однако, требовал того, чтобы они внесли в свою программу пункт о будущем созыве учредительного собрания в Грузии, став, таким образом, на позицию территориальной автономии по финскому и польскому образцу⁶⁹. Будучи сторонника-

⁶⁶ Т. Сахокиа – Г. Деканозишвили, 15. 9. 1905 (на груз. яз.) // Там же.

⁶⁷ М. Кикнадзе – Г. Деканозишвили, 3. 8. 1905 // Там же.

⁶⁸ Ласхишвили Г. Указ. соч. С. 213.

⁶⁹ Г. Ласхишвили – Г. Деканозишвили, 26. 8. 1905 (на груз. яз.) // CHAN. Fonds Georges Dekanozichvili. 345AP/1.

ми централизма, социал-демократы отказались от подобного соглашения. Как впоследствии писал в Париж Ласхишвили, «с социал-демократами договор не прошел, так как они хотят от нас все, ничего не давая нам при этом взамен: дайте, мол, нам деньги и палки (т.е. ружья. — Г. М.), — и дело сделаем мы»⁷⁰.

Франко-русский альянс в действии. Манасевич-Мануйлов и русская полиция в Париже

Подпольная деятельность Деканоцишвили протекала в контексте ожесточенной схватки секретных служб России и Японии. Особенно явно это противостояние давало о себе знать во Франции, где сосредоточилось наибольшее количество русских политических эмигрантов и их организаций, являвшихся объектами пристального внимания спецслужб империи еще до Русско-японской войны. Дело в том, что после заключения в 1891 г. франко-русского альянса, поразившего всех союзом «наиболее демократической страны мира» и царского самодержавия, спецслужбы России в лице Заграничной агентуры Департамента полиции Министерства внутренних дел, являвшегося прямым наследником пресловутого Охранного отделения, получили право на полную свободу действий во Франции. При этом компетенция руководителей Заграничной агентуры Департамента полиции распространялась не только на Францию, но и на Европу в целом. П. Рачковский и Л. Ратаев, занимавшие этот пост соответственно в 1885-1902 и 1902-1905 гг., были награждены французским правительством орденом Почетного легиона.

О теснейших связях французской и русской полиции свидетельствует и тот факт, что сотрудниками Заграничной агентуры в Париже набирались как бывшие, так и все еще состоящие на французской государственной службе сотрудники французской полиции. Если верить сведениям, просочившимся во французскую прессу в 1909 г., сотрудниками русской Заграничной агентуры были не только бывшие и настоящие рядовые французские полицейские-филеры, осуществлявшие наружное наблюдение за революционерами-эмигрантами, но и офицеры полиции, включая инспекторов и даже комиссаров. Излюбленным методом действий этих агентов

⁷⁰ Г. Ласхишвили — Г. Деканоцишвили, 21. 10. 1905 (на груз. яз.) // Там же.

было не только ведение наружного наблюдения за своими жертвами, но и перехват их писем и прочей корреспонденции. Пользуясь удостоверениями чиновников французской полиции, которые к тому же, как правило, были подлинными, агенты вымогали у консьержей и консьержек домов, где жили эмигранты, их корреспонденцию, копируя ее с помощью копирки в ближайшем кафе. Была даже установлена негласная такса: по 3 франка за вскрытое письмо. Проводились и тайные обыски вещей эмигрантов, особенно в отелях, где имела агентура среди обслуживающего персонала. В случае провала агентов они, как правило, отделялись всего лишь легкими штрафами, на уровне нескольких сотен франков⁷¹.

Разумеется, как Акаши, так и Деканозишвили были в курсе опасности, угрожавшей их тайной деятельности во Франции. Вероятно, именно поэтому Акаши, занимая должность японского военного атташе в Стокгольме и координируя при этом деятельность революционеров-эмигрантов во всей Европе, находился, по данным источников, в основном в Англии. Так как в политическом отношении — Великобритания в ту эпоху поддерживала Токио — деятельность русской агентуры в этой стране была относительно затруднена⁷². Бывая во Франции лишь наездами, ограничивающимися, как правило, всего лишь несколькими днями, Акаши пытался встречаться со своими собеседниками на вокзалах или на улице, где существовала возможность избежать агентурного наблюдения⁷³. Это, впрочем, далеко не всегда спасало его от глаз и ушей русских агентов или их французских коллег.

Понимал то, что является объектом пристального внимания, и Деканозишвили. С целью максимально обезопасить себя от русских агентов и их французских союзников он сделал ставку на работу с европейскими деятелями и организациями левого толка. В этом деле бесценную помощь ему оказал В. Черкезишвили (Черкезов), один из признанных лидеров европейских анархистов, связавший его, а через него и Акаши с соответствующими лицами во всей Европе. В результате этого в своей нелегальной деятельности Деканозишвили мог рассчитывать на помощь целого ряда анархистских организаций, разбросанных от Голландии до Южной Франции.

⁷¹ Подробно о русской агентуре в Париже и ее сотрудничестве с французской полицией см.: Archives de la préfecture de la police de Paris. BA. Carton 1693. Dossier «Police russe à Paris (1913)».

⁷² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1904. Оп. 316. Д. 28. Л. 39, 150, 156. 164.

⁷³ Там же. Л. 71–72, 74, 156.

Особую ценность в деле обеспечения посылки в Грузию мелких партий оружия, взрывчатки и пропагандистских материалов представляла возглавляемая неким Р. Коломбо организация анархистов, действующая в Марселе, откуда в черноморские порты Грузии и Кавказа регулярно отправлялись пассажирские пароходы, среди команды которых анархисты имели своих людей⁷⁴. Хотя Департамент полиции обладал в таких портовых городах Европы, как Гамбург, Кенигсберг, Лондон, Ливерпуль, Шербур и Марсель специальной агентурой⁷⁵, ей, судя по всему, было нелегко проникнуть в тщательно законспирированные организации анархистов.

Георгий Деканозишвили и Тэдо Сахокиа. Париж. 1905 г.

Впервые Деканозишвили попал в поле зрения российской Заграничной агентуры в октябре 1904 г., когда ее начальник П. Рачковский поручил И. Манасевичу-Мануйлову⁷⁶, чиновнику особых поручений Министерства внутренних дел, являвшемуся в то время одним из русских резидентов в Париже, установить за ним негласное наблюдение. Правда, три пись-

⁷⁴ Там же. Л. 78, 94-95, 125-125 об., 133-133 об., 162-162 об., 190. См. также: Т. Сахокиа – Г. Деканозишвили, 28. 6., 15. 7. и 23. 8. 1905 (на груз. яз) // СНАН. Fonds Georges Dekanozichvili. 345AP/1.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1904. Оп. 316. Д. 28. Л. 70.

⁷⁶ Подробно о деятельности И. Манасевича-Мануйлова в этот период см.: Павлов Д., Петров С. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. М., 1993.

ма Акаши в адрес Деканозишвили, перехваченные агентурой Мануйлова, содержали лишь второстепенную информацию (в двух из них Акаши предлагал своему собеседнику обратиться в связи с их общим делом к японским дипломатическим представителям в Париже, а в одном — поздравлял с Новым годом). В результате этого в январе 1905 г. Петербург приказал Мануйлову прекратить слежку и сосредоточиться на более срочных делах⁷⁷.

Возможно, тем бы и завершилось это дело, если бы не новые неожиданные обстоятельства. Так, 8 февраля А. Нелидов, русский посол в Париже, получил письмо от некоей Масон, горничной международного отеля «Иена». То ли по собственной инициативе, то ли по тайному наущению французских спецслужб Масон извещала посла о том, что «наш японец г-н Акаши», обычно останавливающийся в этой гостинице, поддерживает связь с русскими революционерами. В качестве доказательства фигурировали две телеграммы, неосмотрительно брошенные Акаши в разорванном виде в корзину с мусором, откуда их и извлекла Масон. В одной из них некто Емпиллов (как впоследствии выяснили агенты, под этой фамилией скрывался Деканозишвили) сообщал Акаши, что К. Циллиакус придет в Париж с минуты на минуту. В заключение письма Масон предлагала послу свои услуги в деле получения информации о деятельности Акаши, его переписке и связях во время пребывания последнего в отеле⁷⁸.

По приказу посла Мануйлов взял дело на личный контроль и, выплатив Масон вознаграждение, поручил ей сообщать его агентам все сведения, которые ей в будущем удастся добыть об Акаши. Заблаговременно предупрежденные о прибытии Акаши, 30 апреля российские агенты сняли в отеле комнату, примыкающую к комнате полковника. Комнаты соединялись друг с другом с помощью двойных дверей, одна из которых была агентами открыта. 2 мая Мануйлову удалось подслушать разговор Акаши с Деканозишвили, во время которого Акаши передал своему собеседнику сумму в 125 000 франков, предназначенную для поддержки революционно-повстанческого движения на Кавказе⁷⁹.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1904. Оп. 316. Д. 28. Л. 203–204 об.

⁷⁸ Там же. Л. 205–206.

⁷⁹ Как писал в своем отчете Мануйлов, «разговор между Деканози и Акаши, шедший на французском языке, был тут же в точности записан моим сотрудником, бывшим комиссаром французской политической полиции. На вопрос мой, признал ли бы он возможным в случае надобности подтвердить перед русскими компетентными властями все слышанное и записанное им, сотрудник мой выразил на сие полную готовность».

Воспользовавшись отлучкой полковника, 3 и 4 мая агенты вскрыли дорожный чемоданчик Акаши и скопировали наиболее интересные из находящихся там документов. В их числе оказалась записка Циллиакуса, содержащая в себе данные относительно количества ружей, предназначенных для революционных организаций в России, а также сумм, необходимых для их приобретения. Кроме этого в записке значились также расходы на яхту и ее экипаж, с помощью которых оружие должно было быть переброшено в Россию. Хотя записка и носила характер проекта (грузинам, согласно этому документу, планировалось передать 5000 ружей), Мануйлову тут же стала ясна исключительная важность данного предприятия. Позднее (4 и 7 мая) Акаши встретился в своем номере и с Циллиакусом, хотя на сей раз по техническим причинам агентам так и не удалось подслушать их разговор⁸⁰.

После того как 11 мая Акаши выехал в Лондон, вся находящаяся в распоряжении Мануйлова агентура была брошена на наблюдение за Деканозишвили и перехват его корреспонденции⁸¹. Узнав из перехваченных писем Циллиакуса и Акаши к Деканозишвили о том, что все трое собираются в конце месяца встретиться в Германии, в Гамбурге, Мануйлов отправил туда группу агентов-французов. Экспедицию, по словам Мануйлова, возглавлял тот же самый «наш сотрудник, бывший комиссар французской политической полиции»⁸², который всего несколько дней назад подслушал разговор Деканозишвили с Акаши и который оставил о результатах этой поездки подробные отчеты на французском языке⁸³. Как следует из этих документов, Мануйлов и его начальники были в курсе намерения Циллиакуса перебросить оружие в Финляндию на пароходе «Каликто Гарсия» («Calixto Garcia»). Фотография последнего была снята и препровождена в Петербург, однако точная дата отправки груза и другие детали, необходимые для успешного предотвращения операции, были им неизвестны.

После злополучного пребывания в отеле «Иена» японский военный атташе стал более осмотрительным и, приехав в конце мая на короткое

См. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1904. Оп. 316. Д. 28. Л. 51 об.

⁸⁰ Там же. Л. 206–211.

⁸¹ Там же. Л. 85–88, 94–97, 211–214.

⁸² Там же. Л. 140.

⁸³ Там же. Л. 142–147.

время в Париж, встретился с Деканозишвили в другом отеле («New Hotel»), где беседовал с ним несколько часов⁸⁴. Именно во время этого визита в Париж с Акаши случилась история, вполне достойная страниц шпионского романа.

Как и в случае с Манасевичем-Мануйловым, в дело так же была замешана женщина. На сей раз это была бывшая жена-француженка одного из русских агентов Мануйлова, находящаяся в курсе занятий своего мужа и представившаяся Акаши как мадам Роланд. Попросив в качестве вознаграждения 400 фунтов стерлингов, она сообщила Акаши, что он находится под постоянным наблюдением со стороны агентов Мануйлова. Известно охранке и о тесных связях, поддерживаемых Акаши с Циблиакусом, Деканозишвили и другими «нигилистами», как и о том, что они заняты покупкой оружия в Гамбурге для его тайной отправки в Россию. Русским агентам удалось перехватить и вскрыть письмо, написанное Акаши под псевдонимом Жорж Деканозишвили. Информировав Акаши, что японский шифрованный код был также взломан русскими, француженка посоветовала ему быть крайне осторожным при покупке оружия, дав японскому военному атташе на прощание целый ряд практических советов. Вероятно, будучи в курсе злоключений Акаши в отеле «Йена», мадам Роланд посоветовала японцу не пользоваться своим именем при снятии гостиничных номеров и, в частности, останавливаться лишь в больших отелях, так как в них по сравнению с небольшими гостиницами русской тайной полиции было бы труднее организовать за ним наблюдение⁸⁵.

Апогей противостояния. Кавказская эпопея «Сириуса»

В конце июня при помощи Деканозишвили Циблиакусу удалось закупить в Швейцарии 16 тыс. ружей и 3 миллиона патронов для своего предприятия⁸⁶. Покончив с этим делом, Деканозишвили сосредоточился на приобретении ружей для грузинских социалистов-федералистов. Понимая, что агенты русских спецслужб буквально дышат ему в спину,

⁸⁴ Там же. Л. 213 об.

⁸⁵ *Inaba Ch.* The Politics of Subversion... P. 48–49.

⁸⁶ *Ibidem.* P. 46. По данным Тугуши, Циблиакусом было закуплено 15 000 ружей. См.: Тугуши М. События и дела прошедших лет. С. 120.

16 августа, находясь в Швейцарии, под Лозанной, Деканозишвили сделал в своем дневнике следующую запись: «Русские агенты окружают меня со всех сторон. Подкупают здешних почтальонов, здешних разносчиков телеграмм, пытаюсь таким образом все узнать. Но и я не сплю, пытаюсь дать им другие адреса. Пытаюсь сделать так, чтобы на мое имя не пришло ничего, хотя это и очень затрудняет дело. У меня нет помощников, у них же целый штат сотрудников, находящийся в действии»⁸⁷.

Еще 20 мая Циллиакус писал Деканозишвили, что он мог бы получить от японцев сумму на большее по сравнению с первоначальными замыслами количество оружия для грузин, лишь бы только он смог организовать его успешную посылку и прием на Кавказе⁸⁸. 30 мая Акаши со своей стороны подгонял Деканозишвили: «Работайте энергично. Найдите способ для отправки. Надо кончить в скором времени»⁸⁹.

К августу при посредничестве Евгения Бо, швейцарского анархиста, по данным русских спецслужб ранее работавшего корреспондентом одной из французских газет в Петербурге⁹⁰, Деканозишвили удалось закупить в швейцарском оружейном арсенале 8500 ружей и полтора миллиона патронов, заплатив за них 70 000 франков⁹¹.

В августе 1905 г. ситуация на Кавказе вполне способствовала успешному проведению операции. Хотя в самом Тифлисе к этому времени было введено военное положение, столица Кавказа отнюдь не находилась под надежным контролем имперского правительства. По словам одного из очевидцев, несмотря на то что улицы Тифлиса были наводнены солдатами

⁸⁷ Там же. С. 121.

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1904. Оп. 316. Д. 28. Л. 212 об.

⁸⁹ Там же. Л. 150.

⁹⁰ По сведениям, предоставленным Мануйлову его французскими коллегами, «означенный Бо пользуется крайне сомнительной репутацией. Его постоянные путешествия в Англию, Германию и Швейцарию и конспиративные сношения с разными лицами дают повод французской полиции подозревать в нем международного шпиона». См.: ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1904. Оп. 316. Д. 28. Л. 130–130 об. Эти сведения, однако, оказались одними из последних, переданных Мануйловым в Департамент полиции. В августе он был отозван из Парижа, а через год вообще уволен из департамента. См.: Павлов Д., Петров С. Указ. соч. По данным Акаши, Евгений Бо являлся богатым швейцарским анархистом и владельцем магазина автомашин. Именно Бо удалось заключить контракт на покупку ружей «с одним из своих бывших однокашников», который в то время занимал пост полковника в швейцарском артиллерийском арсенале. См.: *Inaba Ch. The Politics of Subversion...* P. 32–45.

⁹¹ *Ibidem*. P. 46–47; Тугуши М. События и дела прошедших лет. С. 119.

и казаками, проводящими тотальные обыски местного населения, нападения на них были столь часты, что солдаты были вынуждены ходить по улицам города не строем, а «беспорядочно и рассеянно», с целью свести до минимума ущерб, наносимый им бомбистами. К тому времени руководство военной организации социалистов-федералистов разработало план захвата Тифлиса, подробности которого, однако, остались неизвестными. В интересах конспирации он так и не был переслан в Париж⁹².

В начале августа Акаши прибыл из Лондона в Париж специально для консультаций с представителями кавказских партий. Было решено начать восстание сразу же после того, как оно разразится в балтийских провинциях, куда к этому времени уже были посланы крупные партии оружия⁹³.

6 сентября, на следующий день после заключения Портсмутского мирного договора между Россией и Японией, Деканозишвили удалось приобрести в Амстердаме за 2900 фунтов стерлингов корабль «Сириус». Экипаж судна состоял из голландцев-анархистов и французских матросов. Последние, в отличие от голландцев, не имели ни малейшего представления о подлинной цели будущего путешествия⁹⁴. С целью обмануть бдительность агентов русских спецслужб оружие на корабль загружалось в ящиках из-под кофе⁹⁵. Отныне все расходы по транспортировке груза несли исключительно сами грузины, так как после окончания Русско-японской войны Токио более не был заинтересован в материальном обеспечении данного предприятия.

24 сентября «Сириус» вышел из Амстердама, взяв курс на Гибралтар⁹⁶. Маршрут корабля отражал как объективную сложность путешествия, так и желание максимально запутать свои следы в глазах русских агентов. Судя по всему, русские спецслужбы так и не смогли установить день выхода в море, маршрут, место назначения и время прибытия «Сириуса» на Кавказ. Лео Кереселидзе, один из руководителей военной организации социалистов-федералистов, который сопровождал «Сириус» по маршруту Амстердам – Константинополь, впоследствии вспоминал, что с

⁹² См. М. Кикнадзе – Г. Деканозишвили, 3. 8 1905 (на груз. яз) // CHAN. Fonds Georges Dekanozichvili. 345AP/1.

⁹³ *Inaba Ch.* The Politics of Subversion... P. 50.

⁹⁴ Тугушви М. Георгий Деканозишвили (жизнь и деятельность). С. 137–138.

⁹⁵ *Armstrong H.C.* Unending Battle. New York and London, 1934. P. 36.

⁹⁶ *Stoom-Journaal van het Stoomschip Sirius, gevoerd door Kapitein W. van Oppen.* P. 2 // CHAN. Fonds Georges Dekanozichvili. 345AP/2.

целью дезориентировать русских агентов им была подкинута последней дезинформация о том, что пароход зайдет в один из английских портов⁹⁷.

Пароход «Сириус». Амстердам. 1906 г.

Уловка сработала. Уже 9 сентября министр иностранных дел В. Ламсдорф сообщал из Петербурга царскому наместнику на Кавказе И. Воронцову, что, по сведениям российского посланника в Голландии, в тот же день «из Амстердама в Лондон ушел пароход “Сириус” с грузом оружия и взрывчатых веществ, можно подозревать, что дальнейшее назначение — Финляндия или Кавказ. Послу в Лондоне поручено следить за “Сириусом” и о добытых им сведениях сообщу дополнительно»⁹⁸.

По данным судового журнала «Сириуса», 11 октября корабль прибыл в столицу Мальты, г. Валетту⁹⁹, где экспедиция неожиданно столкнулась с очередной проблемой. Догадавшись об истинной цели предприятия, капитан В. ван Оппен струсил и, наотрез отказавшись продолжать путешествие, повернул корабль в обратную сторону, намереваясь возвратиться в

⁹⁷ *Armstrong H.C.* Op. cit. P. 39, 47.

⁹⁸ ЦГИАГ. Ф. 13. Оп. 29. Д. 54. Л. 1—2.

⁹⁹ *Stoom-Journaal van het Stoomschip Sirius, gevoerd door Kapitein W. van Oppen.* P. 3.

Амстердам. Однако Кереселидзе удалось склонить на свою сторону первого помощника капитана Л. Грюндийка, который, в свою очередь, увлек за собой всю команду. В результате этого ван Оппен был арестован, а функции капитана принял на себя Грюндийк, которому, как, впрочем, и всем остальным членам команды, было обещано щедрое вознаграждение¹⁰⁰.

Сведения о прибытии «Сириуса» на Мальту оказались последними данными, полученными Акаши о судьбе корабля¹⁰¹. 11 сентября он получил приказ срочно возвращаться в Японию. Судя по всему, Генеральный штаб посчитал, что его пребывание в европейских столицах могло помешать нормализации будущих японо-русских взаимоотношений. Акаши покинул Европу 18 ноября, прибыв 28 декабря в Токио¹⁰².

24 октября, когда судно находилось уже в районе Гибралтара, Деканозишвили послал телеграмму Грюндийку, прося его зайти во французский город Сет, на побережье Лионского залива¹⁰³, куда «Сириус» прибыл 28 октября¹⁰⁴. В Сете к экипажу присоединился племянник супруги В. Черкезишвили, голландский анархист Христиан Корнелиссен, взявший на себя общее командование экспедицией и, возможно, в качестве аванса раздавший членам экипажа определенную сумму денег, в спешке добытую Деканозишвили¹⁰⁵. 1 ноября Грюндийк был официально назначен на пост капитана, а ван Оппен и последовавший за ним первый машинист покинули команду корабля. На места первого помощника и первого машиниста были взяты два голландца¹⁰⁶, вероятно прибывшие в Сет вместе с Корнелиссеном. 2 ноября корабль бросил якорь в порту г. Марселя¹⁰⁷, где на него было погружено дополнительное оружие и нелегальная литература¹⁰⁸. 6 ноября «Сириус» покинул Марсель, зайдя 12 ноября в бухту Св. Николая маленького греческого острова Кея, недалеко от Афин¹⁰⁹.

¹⁰⁰ *Armstrong H.C. Op. cit. P. 48–52.*

¹⁰¹ *Inaba Ch. The Politics of Subversion... P. 53.*

¹⁰² *Inaba Ch. Akashi's Career... P. 18.*

¹⁰³ *Тугуши М. События и дела прошедших лет. С. 121.*

¹⁰⁴ *Stoom-Journaal van het Stoomschip Sirius, gevoerd door Kapitein W. van Oppen. P. 4.*

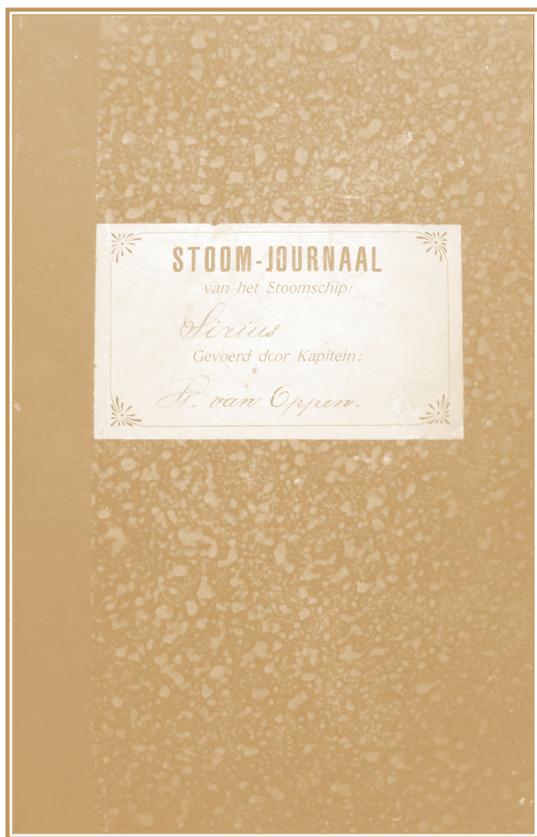
¹⁰⁵ *Тугуши М. События и дела прошедших лет. С. 121–122.*

¹⁰⁶ *Stoom-Journaal van het Stoomschip Sirius, gevoerd door Kapitein W. van Oppen. P. 4.*

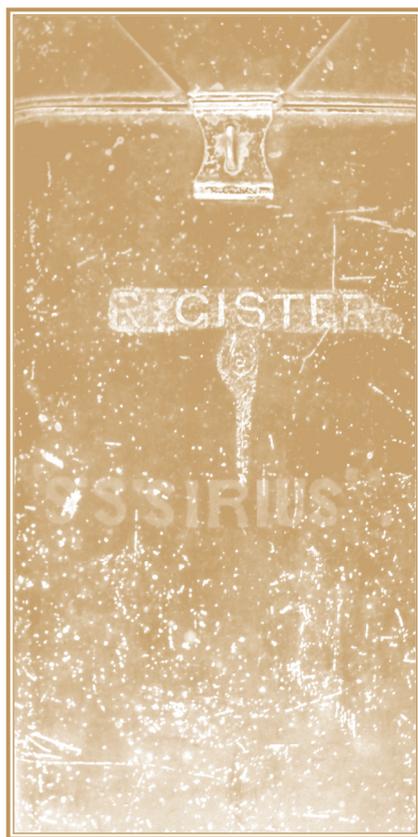
¹⁰⁷ *Ibidem. P. 5.*

¹⁰⁸ *Ibidem. Ср.: Тугуши М. Георгий Деканозишвили (жизнь и деятельность). С. 142.*

¹⁰⁹ *Тугуши М. События и дела прошедших лет. С. 123.*

Судовой журнал парохода «Сириус»

Жестяной контейнер для регистрационных бумаг парохода «Сириус»

Окончание Русско-японской войны было встречено в кругах кавказских революционеров с тревогой. Так, 16 сентября Сахокиа сообщал Деканозишвили, что по данным социалистов-федералистов, имперское правительство, воспользовавшись возможностью перебросить свежие силы против повстанцев, намеревалось «вновь завоевать Кавказ». Было принято решение о посылке в регион 90 000 дополнительных войск, усиленных артиллерией¹¹⁰. 11 сентября в Тифлисе произошли события, в полной мере подтверждающие точку зрения Сахокиа и со всей наглядностью свидетельствующие, что имперское правительство приняло решение продемонстрировать своим противникам решимость идти до конца. В этот день, воспользовавшись фактом проведения грузинскими социал-

¹¹⁰ Т. Сахокиа – Г. Деканозишвили, 16. 9. 1905 (на груз. яз) // CHAN. Fonds Georges Dekanozichvili. 345AP/1.

демократами нелегального собрания в здании городской управы, казаки расстреляли на месте около 100 человек, ранив около 200 участников собрания¹¹¹. Тем не менее, по словам очевидца этих событий, «несмотря на принятые репрессивные меры, слабость и бессилие правительства с каждым днем становились все более очевидными»¹¹².

24 сентября руководители ЦК социалистов-федералистов получили телеграмму Деканозишвили о том, что судно с оружием отправлено по назначению. Опасаясь, что в условиях резкого увеличения количества русских войск в Закавказье повстанцам будет трудно осуществить успешную выгрузку такого количества оружия и боеприпасов, Сахокиа высказал мнение о целесообразности временной отмены операции, послав по этому поводу Деканозишвили следующее кодированное письмо: «Огромное количество войск напирает со всех сторон. Хранение и продажа становится, к сожалению, невозможным. Войска ведут себя беспардонно. Если узнают, что у тебя что-то есть, — отнимают, а в случае сопротивления, — убивают. У них есть приказ не щадить никого. Вчера из Тифлиса приехал один наш знакомый, очень опытный в торговле. Он также разделяет это мое мнение. Мы решили каким-нибудь образом временно приостановить посылку. Вчера же он вернулся, сообщил компаньонам свое мнение, и, если и они согласятся, что нужно приостановить, — сообщу тебе об этом. Если постановят принять, тогда я согласен подчинится общему решению. Боюсь только, что все у нас отнимут. Получили они и твою депешу, где ты пишешь о том, что остановка невозможна. Если сможешь как-нибудь остановить, это будет временно, до выяснения ситуации. Не забудь и то, что в самой России торговля очень упала и там большое банкротство. Ты ведь знаешь, что наша торговля может подать свой голос лишь тогда, когда она расцветает в России»¹¹³. Вероятно, на сомнения Сахокиа оказало влияние и изменение позиции турок, которые после окончания Русско-японской войны и увеличения количества русских войск на Кавказе стали проявлять колебания по поводу целесообразности оказания помощи операции. Согласившись в конечном итоге на пропуск «Сириуса» в Черное море, турки тем не менее отказали грузинам в праве на выгрузку оружия на турецкой территории с целью его последующей переброски в Грузию

¹¹¹ Villari L. Op. cit. P. 123–125.

¹¹² Ibidem. P. 126.

¹¹³ Т. Сахокиа — Г. Деканозишвили, 26. 9. 1905 (на груз. яз.) // CHAN. Fonds Georges Dekanozichvili. 345AP/1.

через границу. В результате повстанцами было принято решение организовать прием оружия в одном из грузинских портов.

С середины октября, однако, положение повстанцев стало стремительно меняться к лучшему. Начатая 13 октября всероссийская политическая стачка привела к резкому взлету революционного движения по всей империи, достигнув своего пика в декабре. Манифест 17 октября, в котором Николай II вынужден был обещать населению России введение основных гражданских свобод, был расценен повстанцами в качестве слабости центральных властей. 19 октября в результате объявленной амнистии из метехского замка было освобождено много местных революционеров, в том числе социалистов-федералистов.

Наряду с прочим в Тифлисе манифест привел к резкому росту противоречий между пришлым русским населением и грузинами. Понимая, что империя начинает трещать по швам, русские колонисты и чиновники, служащие в Закавказье, решили проявить демонстративную лояльность Петербургу. 21 октября в Тифлисе состоялась «верноподданно-патриотическая» манифестация, к проведению которой черносотенцам удалось привлечь и часть русских железнодорожных рабочих. Для того чтобы продемонстрировать свою силу, правительство выделило для охраны манифестации, шедшей к центральному Головинскому проспекту с портретами императора и пением «Боже царя храни», усиленные наряды драгун, казаков и солдат. Несмотря на усилия социалистов-федералистов и социал-демократов не допустить столкновения, из зданий, мимо которых шла манифестация, вероятно в целях провокации раздались выстрелы, а затем были брошены бомбы. Солдаты открыли беспорядочный огонь и по зданиям, и по прохожим, находящимся на улицах. Было убито около 70 человек, и более 100 получило ранения¹¹⁴.

Ситуация в Закавказье стала неуправляемой. С 29 октября Западная Грузия была отрезана от Тифлиса в результате подрыва повстанцами железнодорожного полотна. Не работала ни почта, ни телеграф. Как впоследствии писал Николаю II Воронцов-Дашков, «под влиянием общей почтово-телеграфной и железнодорожной забастовки Кутаисская губерния оказалась совершенно отрезанной от Тифлиса; все железнодорожные

¹¹⁴ Ласхишвили Г. Указ. соч. С. 220–221.

станции в пределах ее были захвачены вооруженными революционерами; Сурамский туннель был забит двумя пушенными в него навстречу друг другу паровозами с целью задержать движение войск из Тифлиса»¹¹⁵.

В этих условиях социалисты-федералисты снова могли надеяться на успешную выгрузку оружия в Грузии. «Волнения полностью охватили нашу страну. Не нужна даже агитация. Несчастье заключается в том, что у нас нет палок (т.е. ружей. — Г.М.). Это правда, что обстоятельства меняются. Пригнали десятки тысяч войск и посылают еще. Тем не менее работа не прекращается. Посмотрим, что будет», — сообщал Ласхишвили в Париж Деканозишвили¹¹⁶. «Сейчас дело обстоит гораздо лучше, чем раньше. Условия также изменились. Покупателей товара много, и мы продадим его с выгодой... Объявление конституции¹¹⁷ в целом всех нас обрадовало, но мы этим не удовлетворяемся. Пока не заставим их ввести демократическую республику, — не сдадимся»¹¹⁸, — с энтузиазмом писал Сахокиа Деканозишвили.

Благодаря взятке, данной турецким чиновникам, 17 ноября «Сириус» вошел в Черное море и, успешно избежав встречи с кораблями береговой охраны, взял курс на кавказское побережье. В тот же день Деканозишвили отправил в Тифлис и Батуми телеграммы относительно того, что корабль следует ожидать с 21 по 24 ноября. Так как в городе Батуми размещался крупный гарнизон русских войск, было решено осуществить

¹¹⁵ Всеподданнейшая записка по управлению кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. С. 32.

¹¹⁶ Г. Ласхишвили — Г. Деканозишвили, 21. 10. 1905 (на груз. яз) // CHAN. Fonds Georges Dekanozichvili. 345AP/1. Будучи опытным подпольщиком, Деканозишвили в своей переписке с находящимися в Грузии социалистами-федералистами ни разу не упомянул об источнике денежных средств, с помощью которых была осуществлена закупка оружия и его отправка на Кавказ. Единственный след его связей с японцами обнаружен нами в письме М. Кикнадзе, направленном им Деканозишвили уже после своего возвращения в Грузию. Так, в письме от 3 августа 1905 г. Кикнадзе информировал Деканозишвили, что он сообщил руководителям Тифлисского комитета социалистов-федералистов «о размере палок (т.е. ружей) и обо всем другом, а также о Максимове и решении посольства». См. М. Кикнадзе — Г. Деканозишвили, 3. 8 1905 (на груз. яз) // CHAN. Fonds Georges Dekanozichvili. 345AP/1. В данном случае имеется в виду упомянутая нами встреча Акаши и Деканозишвили 2 мая 1905 г. в парижском отеле «Йена», во время которой Акаши поручил своему собеседнику собрать сведения о некоем Максимове, предложившем свои услуги посольству Японии в Лондоне.

¹¹⁷ Имеется в виду царский манифест от 17 октября 1905 г.

¹¹⁸ Т. Сахокиа — Г. Деканозишвили, 15. 11. 1905 (на груз. яз) // CHAN. Fonds Georges Dekanozichvili. 345AP/1.

выгрузку в районе города Поти. Будучи, в отличие от капитана «Сириуса», в курсе революционных событий в Крыму, Деканозишвили знал, что в это время весь находившийся на грани восстания Черноморский флот был сосредоточен в Севастополе. По расчетам Деканозишвили отсутствие телеграфной и почтовой связи также давало преимущество повстанцам, так как лишало правительственные учреждения возможности поддерживать связь друг с другом. Кроме того, основные правительственные войска были выведены из Поти и брошены на подавление революционных выступлений в других городах Закавказья¹¹⁹.

22 ноября «Сириус», подойдя к Поти на расстояние в 40 миль, остановился. Дождавшись ночи, корабль, подойдя к условленному месту, зажег фонари, дав тем самым сигнал повстанцам о своем прибытии. Согласно первоначальному плану грузины должны были перегрузить оружие на баркасы и на них выгрузить его в разных местах черноморского побережья Грузии¹²⁰. Лишь через два дня, 24 ноября, повстанцам удалось обнаружить «Сириус». Забрав с корабля на три баркаса 226 ящиков с оружием и 330 ящиков патронов, повстанцы попросили капитана подождать на месте до 27 ноября. В случае если к этому времени социалистам-федералистам не удастся подвести к кораблю новые пустые баркасы, капитан имел право, выбросив оружие за борт, возвращаться обратно¹²¹. События, однако, внесли свои изменения в этот первоначальный план.

Вечером 25 ноября один из груженых оружием баркасов был заброшен штормом в потийскую бухту, в результате чего было принято решение осуществить разгрузку на месте. В результате потасовки, возникшей между социалистами-федералистами и социал-демократами, также желавшими захватить свою долю оружия, часть ящиков была тут же вскрыта. По словам очевидца тех событий, обнаруженные в ящиках ружья голландской системы вызвали некоторое замешательство повстанцев, знакомых лишь с оружием русского образца. Один из рабочих, раньше служивший в армии, зарядив ружье, по ошибке произвел выстрел. Власти города, догадавшись в чем дело, вызвали на помощь войска¹²². Завязалась перестрелка, в результате чего ночью 27-го солдатам потийского отряда черноморской бригады пограничной стражи удалось захватить в порту и

¹¹⁹ Тугуши М. События и дела прошедших лет. С. 124–125, 127.

¹²⁰ Там же. С. 130-131.

¹²¹ Тугуши М. Георгий Деканозишвили (жизнь и деятельность). С. 147–148.

¹²² Тугуши М. События и дела прошедших лет. С. 146.

в самом городе около 700 ружей. Часть из них, впрочем, была выкуплена у солдат повстанцами, вероятно во время перевозки конфискованного оружия в глубь страны, в Ново-Сенаки. Еще 700 ружей было расхвачено находящимся на месте населением¹²³.

Узнав о том, что повстанцы планируют выгрузить два других баркаса на территории Абхазии, в Очамчирском и Сухумском районах, власти усилили меры безопасности¹²⁴. К делу даже была подключена канонерка, которой в тот же день удалось задержать в море еще один баркас, «полный оружием»¹²⁵. По данным повстанцев, на нем находилось 1200 ружей и боеприпасов к ним¹²⁶. Третьему баркасу, однако, удалось с успехом уйти от преследования. Боеприпасы и 1600 ружей были выгружены под Гаграми и спрятаны в имении абхазского князя Александра Иналишвили (Инал-ипа), в деревне Алахадзы¹²⁷. Там оружие было разделено и отдельными партиями переброшено в Западную Грузию¹²⁸, где, по словам одного из очевидцев той эпохи, «сыграло значительную роль в восстаниях 1905 г.»¹²⁹.

Остальное оставшееся на «Сириусе» оружие было выброшено за борт экипажем, когда стало ясно, что повстанцы не в состоянии выгрузить его на берег. (По свидетельству Корнелиссена, судно курсировало вокруг Поти пять дней, прежде чем его экипажем было принято такое решение.) К концу ноября «Сириус» находился в порту болгарского города Варны, откуда в декабре 1905 г. отправился в обратный путь в Амстердам.

24 декабря, уже после своего возвращения в Японию, Акаши получил от руководителя одной из революционных политических групп (возможно, Циллиакуса) анонимную телеграмму следующего содержания: «Наше движение имеет блестящее будущее. Нам не удалось свергнуть русское правительство одним ударом, но мы попытаемся сделать это постепенно.

¹²³ ЦГИАГ. Ф. 13. Оп. 29. Д. 5. Л. 2. См. также: Тугуши М. События и дела прошедших лет. С. 146

¹²⁴ ЦГИАГ. Ф. 13. Оп. 29. Д. 5. Л. 3.

¹²⁵ Там же. Л. 6.

¹²⁶ Тугуши М. События и дела прошедших лет. С. 146.

¹²⁷ Сахокиа Т. В Сибири. Воспоминания из времен революции 1905 года. Тбилиси, 2012. С. 28–29, 38 (на груз. яз.).

¹²⁸ Ласхишвили Г. Указ. соч. С. 206.

¹²⁹ Keresslidzé G. Lettre à Monsieur le Directeur du ministère des Affaires étrangères de la RFA, 25. 3. 1958, P. 1 // Archives familiales de N. Badual-Keresslidzé (Aix-en-Provence, France).

Никто не сомневается, что власть и правительство царя падут. Оружие, посланное в Черное море, прибыло туда в целости и сохранности. Нам удалось выкупить назад оружие, конфискованное броненосным крейсером «Азия». Их число равняется 8400 стволам»¹³⁰.

Таким образом, процесс формирования на Кавказе, и в частности в Грузии, местных политических партий и организаций, совпавший по времени с Русско-японской войной 1904–1905 гг., оказал существенное влияние на позицию представителей японской разведки. Последние предпочитали иметь дело с теми из грузинских политических деятелей, которые, выступая за федеративное устройство Российской империи, рассматривали эту меру в качестве первого шага на пути государственной независимости Грузии и Кавказа в целом. Несомненно, в Токио отдавали себе отчет в том, что Кавказ, так же как и Польша с Финляндией, являлся своего рода ахиллесовой пятой Российской империи. Тем не менее действия кавказских революционеров-повстанцев могли быть успешными лишь в том случае, если были скоординированы с освободительно-революционной борьбой других народов империи.

Наряду с этим японцы стремились направить антиимперскую борьбу грузин в русло общенационального сотрудничества. Пытались внушить повстанцам мысль о необходимости совершения революционных актов лишь против представителей имперской администрации и бюрократических учреждений, а не в отношении представителей местных имущих классов, которые, по их мнению, также являлись союзниками повстанцев в их освободительной борьбе.

Несомненно, все это встречало полное понимание у грузинских социалистов-федералистов, которые были в то время единственной политической партией с ярко выраженной национальной программой и пытались по мере возможностей перевести на эту платформу и грузинских социал-демократов, стоявших на позициях централизма и национального нигилизма.

¹³⁰ *Inaba Ch.* The Politics of Subversion... P. 53. Последний пассаж телеграммы имеет в виду купленное при японской финансовой помощи и предназначенное для финских повстанцев и эсеров оружие, захваченное русским крейсером «Азия» после того, как пароход «Джон Графтон», на котором оно перевозилось, в сентябре 1905 г. налетел на мель и потерпел крушение у финских берегов. Судя по тексту полученной Акаши телеграммы, как и в случае с оружием, захваченным в г. Потти, руководителям повстанцев удалось выкупить часть оружия у охраняющих его солдат.

Подрывные акции, подобно посылке оружия и революционной литературы на Кавказ, оказали влияние на ход революции 1905 г., внося свою лепту в то, что, несмотря на ее подавление, русское самодержавие было вынуждено пойти на значительные уступки, в свою очередь приведшие в движение важнейшие необратимые процессы, оказавшие влияние на падение монархии в феврале 1917 г.

Японо-кавказская смычка 1904–1905 гг., выходя за рамки сугубо технических подрывных акций, несла в себе значительные элементы политического сотрудничества, являясь интегральной, хотя и незаслуженно забытой частью национально-освободительной борьбы народов Кавказа.

Georges Mamoulia

HOW THE SAMURAI BECAME THE ALLY OF PROMETHEUS: JAPANESE-CAUCASIAN COOPERATION IN THE PERIOD OF THE RUSSO-JAPANESE WAR (1904—1905)

The article describes a little known area of cooperation between representatives of the Georgian revolutionary Socialist-Federalist Party and Japanese intelligence during the Russo-Japanese war (1904-1905).

The formation process of political parties and organizations in the Caucasus, and especially in Georgia, that coincided with the war between Russia and Japan, turned out to have a significant influence on members of Japanese intelligence. They chose to cooperate with those Georgian political activists who, while opting for a federal system in the Russian empire, perceived it only as a first step on Georgia's – and indeed the whole Caucasus' – path to independence. Undoubtedly, Tokyo realized the fact that the Caucasus region, as well as Poland and Finland, constituted a sort of "Achilles' heel" of the Russian empire. Nevertheless, the activities of Caucasian revolutionaries and insurgents could only be successful if coordinated with the liberation-revolution struggle of different nations of the empire.

Simultaneously, the Japanese attempted to direct the Georgian's anti-imperial struggle towards a national solidarity. They tried to suggest to the insurgents that they conduct their revolutionary actions solely against representatives of the imperial administration and bureaucratic institutions and not against representatives of the propertied class among the local population – who, in their opinion, were also the insurgent's allies in their struggle for liberation.

All this was met with understanding from the Georgian Socialist-Federalists, who at that time were the only political party with a clear national program. Within the limits of their possibilities, they strived to persuade the Georgian Social-Democrats to also adopt this platform of action. At the time, the Social-Democrats had opted for centralism and national nihilism.

From a historical point of view, diversionary actions – like sending arms and revolutionary literature to the Caucasus – played a positive role in the course of the 1905 revolution. They were a significant contribution because, despite the fact that the revolution was defeated, the Tsarist autocracy was forced to make extensive concessions which started the irreversible processes, ending in the final fall of the monarchy in February 1917. These actions had an important influence on those events.

Japanese-Caucasian cooperation in 1904-1905, was not limited to strictly technical diversionary activity; it shows significant elements of political cooperation, becoming an integral – though undeservedly forgotten – part of the national-liberation struggle of the nations of the Caucasus.

Мамулия Георгий

PhD, Высшая школа общественных наук (Франция, Париж)

О.А. Сухова

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ФАКТЫ

В последние десятилетия проблема терроризма приобретает все более выраженные черты зловеще-пугающего элемента повседневности, что провоцирует рефлексию как обыденного, так и научного сознания. Поиск ответов на вопросы об истоках и своеобразии террористической деятельности неизбежно формирует определенный этноконфессиональный подтекст, а память о XX веке, можно предположить, что в историографии терроризма российскому следу уготовано стать ключевым объектом внимания. Вряд ли случайным можно назвать тот факт, что «Народная воля» именуется сегодня первой в современном мире террористической организацией¹. Болезненная актуальность проблемы терроризма длительное время препятствовала ее концептуализации, но ведь если пренебрегать анализом исторических корней (экономических, политических, социокультурных, мировоззренческих, психологических), уходящих глубоко в прошлое, общество не излечить от вируса терроризма, и нет гарантии повторения прежних ошибок.

¹ Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917 / Пер. с англ. М., 1997. С. 13.

Уже первое знакомство с проблемой революционного терроризма в российской истории заставляет задуматься о дефиниции природы самого явления. Современные словари фиксируют внимание читателя на синонимичности понятий «террор» и «физическое насилие, вплоть до убийства»². В этом отношении любые формы насилия, подпадающие под широкое определение революционного террора (бомбометания, экссы, покушения, погромы и пр.), по своему размаху и разрушительному влиянию на общество будут позиционироваться как уникальный в своем роде социальный феномен, породивший новый тип революционера³. В этом случае имеет смысл говорить и о стихийном (без явно выраженной идеологической окраски) терроре толпы⁴. Продолжая эту линию, можно согласиться с М. Мерло-Понти в том, что по большому счету история сама является террором и революционеры действуют по соображению, что «непредсказуемость будущего и роль человеческих отношений в истории делают политические расхождения неустранимыми, а хитрость, обман и насилие неизбежными». Поэтому в случае, когда террор становится рациональной стратегией, уместно говорить о терроризме как технологии умышенного порождения страха и манипуляции им для достижения определенных целей, что осуществляется посредством использования насилия или угрозы его применения⁵.

Рассмотрев терроризм в информационно-семиотическом контексте, В.Б. Петухов приходит к выводу о том, что предназначение теракта есть передача некоего послания, направленного властной элите, определенным общественным кругам или социуму в целом и отражающего миро-

² Ожегов С.И. Словарь русского языка: 53 000 слов М., 2005. С. 1041.

³ В историографии русского терроризма замечание П.Б. Струве о рождении нового героя, об освобождении революционной психики от всяких нравственных сдержек (См.: Струве П.Б. Преступление и жертва // Русская мысль. 1911. Кн. 10) поддержали О.В. Будницкий и А. Гейфман. Сегодня тезис об уникальности русского террора воспринимается исследователями в качестве аксиомы. См.: Габрин Д.А. Генерал В. Ф. фон-дер Лауниц и революционный террор в России в начале XX века // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2009. № 6. С. 154.

⁴ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 448.

⁵ Холмс Р. Терроризм, жестокость и ненасилие // Метафизические исследования. Вып. 216. Этника: Альманах Лаборатории метафизических исследований. СПб., 2005. С. 349-369 // <http://ec-dejavu.ru/t-2/Terrorism-3.html> (дата обращения: 5.10.2012).

воззренческие позиции адресатов⁶. Подобное толкование имеет определенное сходство с ритуальной концепцией бунта, а следовательно, наделяет признаками массового терроризма погромные выступления и иные формы социального протеста в периоды русских революций. В частности, в одной из своих работ Д.И. Люкшин описывает «классическую» модель, сценарий крестьянского беспорядка, трактуемый автором как «приглашение к диалогу», социальное действие, сигнализировавшее верховным властям о дисфункции основ моральной экономики. Как отмечает автор, в рамках традиционного общества существовали определенные правила, освященные традицией крестьянско-властной коммуникации, выполнение которых создавало некие гарантии стабильности системы патриархальных отношений. Первой реакцией крестьянства на нарушение «условий договора» являлась демонстрация негодования; при обострении ситуации речь шла уже о мелких нарушениях; в случае если и при этом землевладелец продолжал наступление на крестьянский сегмент системы, происходили собственно беспорядки, «призванные информировать о «несправедливости» высшие органы власти»; после чего следовало применение карательных санкций, а затем урегулирование ситуации⁷. С другой стороны, О.В. Будницкий считает некорректным механическое объединение терактов, осуществленных в период революции 1905–1907 гг., когда насилие стало массовым, с «точечными» ударами Боевой организации⁸.

Столь широкое толкование термина серьезно усложняет возможность его классификации. Действительно, под определение террора попадают насильственные действия индивидуального (неорганизованного) и коллективного (организованного) характера, устрашение своих противников по религиозному, национальному, политическому, идеологическому (социальному) признаку и т.д. Еще одним критерием классификации могут выступать масштабы применения террористических действий, и тогда мы говорим об индивидуальном или массовом терроре, направленном как против политических институтов, так и конкретной социальной общности. Применение насилия государственными структурами в

⁶ Петухов В.Б. Терроризм в информационно-семиотическом и мифологическом контексте // *Общественные науки и современность*. 2008. № 3. С. 92.

⁷ Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006. С. 88.

⁸ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000. С. 342 // <http://www.kouzdra.ru/page/texts/budnicky/final.html> (дата обращения: 05.10.2012).

значительных масштабах и во внесудебном порядке тоже может рассматриваться как террор. И наконец, насильственные действия в отношении революционеров или государства в контексте борьбы с правящим режимом и ответная реакция властей также трактуются как террор, в свою очередь, революционный или правительственный.

Оценивая проявления терроризма, Р.Г. Апресян считает необходимым выделять прямые карательные террористические акции, направленные непосредственно против исполнителей определенной политики или против тех, кто принимал определенные политические решения, которые воспринимаются террористами как несправедливые и враждебные; косвенные карательные акции, направленные против тех, кто в глазах террористов связан с авторами или исполнителями враждебной политики; и, наконец, акции, направленные на достижение определенных политических целей и не связанные с убийством людей или причинением им чрезмерного ущерба. В связи с этим нужно дифференцировать уголовный терроризм и терроризм политический, а в последнем в свою очередь различать бунтарский, повстанческий и государственный терроризм⁹.

Остается открытым и вопрос о времени возникновения и периодизации терроризма. Синонимичность понятий «террор» и «политические убийства» все же не позволяет проецировать истоки происхождения данного явления, скажем, на эпоху античности. Появление терроризма в современном понимании этого слова как качественно нового явления стало возможным лишь в результате технического прогресса, связанного с изобретениями, которые многократно усилили его эффективность и пропагандистский эффект. Его повитухами можно назвать динамит и телеграф. Достаточно обоснованным представляется мнение О.В. Будницкого, обозначившего в качестве начального периода превращения терроризма в систему последнюю треть XIX столетия¹⁰.

В силу вышесказанного следует признать, что и историография революционного терроризма в России находится пока в стадии своего формирования, когда процессы постановки ключевых сюжетов концепции еще не обрели надежного фактического обоснования. Этот факт позволил А. Гейфман в начале 1990-х гг. констатировать отсутствие монографических исследований волны террора в период правления Николая II (1894–1917)¹¹.

⁹ Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 16.

¹⁰ Будницкий О.В. Терроризм... С. 11–12.

¹¹ Гейфман А. Указ. соч. С. 14.

Убийство В.К. Плеве. 1904 г.

Нет нужды говорить о том, что террористические аспекты были широко представлены в историографии освободительного движения в России в советскую эпоху, но именно как сопутствующие моменты в критических рассуждениях о мелкобуржуазной сущности тактики террора. Подобный парадокс историографической ситуации, когда при обилии работ по революционному движению в России история терроризма как самостоятельная исследовательская проблема начала изучаться сравнительно недавно, исследователи объясняют сохранившимся влиянием марксистского подхода в российской историографии, а в западной — тем, что в ней главенствующая роль отводится социальному фактору¹².

В начале 1990-х гг. над концепцией «русского террора» начинает работать О.В. Будницкий. В своих работах автор последовательно выстраивает концепцию философских, этических и психологических основ терроризма в русском освободительном движении второй половины XIX — начала XX века¹³. Стоит отметить, что в историографии 1990-х гг. четко прослеживается стремление вписать феномен революционного терро-

¹² Там же. С. 15.

¹³ Будницкий О.В. Кровь по совести: терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX века) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 203-208; История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996; Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 2000 и др.

ризма в систему либеральных ценностей, базирующуюся на идеях свободы личности и гражданского достоинства и, следовательно, осуждающую любые проявления политического насилия. Эта тенденция отчасти сохранилась и в последующие годы. Вместе с тем в последнее десятилетие исследователи зафиксировали новую тенденцию, выраженную в попытках интерпретации террористической деятельности с позиции державных приоритетов¹⁴.

Переходом на следующий рубеж осмысления данного феномена можно назвать появление серьезных исследований по историографии российского революционного терроризма, выполненных на уровне докторских диссертаций. В частности, в своем исследовании А.А. Бакаев на основе анализа широкого круга источников (мемуарной и научной литературы) приходит к выводу, что в идеологическом, организационном и техническом отношении две террористические волны российского революционного движения существенно различаются. Корректно вести разговор лишь о некоторой степени духовного родства между террористами народовольческой и эсеровской генераций. Максималисты и анархисты представляли совершенно иной тип боевика по сравнению с «Народной волей»¹⁵.

Среди наиболее перспективных исследований истории политического террора в России в начале XXI века следует особенно отметить историко-культурологический анализ моделей поведения различных групп населения, в той или иной степени причастных к подготовке или проведению террористических актов, изучение особенностей восприятия политического терроризма различными группами населения¹⁶. Следует согласиться с мнением В.Э. Багдасаряна и А.А. Бакаева о необходимости разработки «лишь сформулированной в западной историографии проблемы религиозных истоков русского революционного терроризма»¹⁷.

¹⁴ См.: Бакаев А.А. Историография российского революционного терроризма конца XIX — начала XX века: Дисс ... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 337.

¹⁵ Там же. С. 339.

¹⁶ Сибиряков И.В. История политического террора в России в начале XXI века в отечественной постсоветской историографии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2010. № 28 (204). С. 69.

¹⁷ Багдасарян В.А., Бакаев А.А. Российский революционный терроризм через призму исторической и общественно-политической мысли. М., 2004. С. 117.

В этом отношении весьма продуктивной представляется концепция аберрации религиозности¹⁸. Хронологически начало этого процесса следует отнести к 1860-м гг. Питательной средой для возникновения искаженного сознания в российском обществе станет распространение нигилистических представлений. Позднее призыв к переоценке традиционных духовно-нравственных устоев получит более широкий и глубокий смысл в творчестве Ф. Ницше¹⁹. Он первым заговорил о нигилизме как о глобальном социокультурном процессе, переживаемом западно-христианской культурой с эпохи Возрождения и представляющим по своей природе мировоззренческий переворот, трансформацию духовного фундамента традиционного общества. Но утрата веры в сверхъестественное и отказ от прежней картины мира по определению не может произойти автоматически и одновременно в силу укорененности и устойчивости религиозных ментальных структур, что и порождает переходные формы неполного нигилизма, когда место прежнего идеала занимают иные духовные устремления, исподволь прораставшие в квазирелигиозность, в которой место Абсолюта замещается социально-политическими представлениями (возникает, по меткому выражению Л.А. Тихомирова, «социальная религиозность»). Социалистические идеи, появившиеся в ходе разложения христианской культуры Европы, обрели в эпоху Великих реформ благодатную почву в России, превратившись в материалистическую сотериологию и эсхатологию народничества²⁰.

Леворадикальная интеллигенция стала носителем религиозного суррогата, уверовав в народ как высшую ценность. В свою очередь, «народопоклонство» (Н.А. Бердяев), опираясь на христианскую этику, на представления о жертвенности и любви к ближнему, вызвало к жизни такие абсолютные нравственные установки, как самоотречение до полного растворения личности в идее служения общественному благу и прогрессу. Не случайно Э. Хоффер в числе первых призывников революции, помимо бедняков, неудачников, меньшинств, подростков, честолюбцев и скучающих, называет грешников. Самоотречение, по его словам, выступает жертвой

¹⁸ См., например: Чудинов С.И. Феномен аберрационной совести в народническом терроризме // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2010. № 1 (1812). С. 120–124.

¹⁹ Ницше Ф. Воля к власти. М.; Харьков, 2003.

²⁰ Чудинов С.И. Указ. соч. С. 121.

во имя искупления, но последнее невозможно без осознания собственной греховности: «Всякое массовое движение культивирует идею греха. Оно изображает человеческое «я» не только как бесплодное и бесполезное, но и как низменное и подлое»²¹.

Воспроизводство подобных императивов неосознанно подмечалось уже современниками. Так, солдаты-конвоиры, препровождавшие Н.Г. Чернышевского в Сибирь, испытали настоящее потрясение от встречи с государственным преступником: «...нам говорили, что мы будем охранять страшного злодея-преступника, а это святой»²². Следует заметить, что формирование квазирелигиозного культа революционных мучеников²³, хотя и было растиражировано в публикациях официальной прессы, публиковавшей сведения о ходе судебных процессов над народниками, отнюдь не исчерпывалось представлениями одной лишь экзальтированной молодежи. Процессы секуляризации общественного сознания и дехристианизации повседневной жизни и поведенческих практик в пореформенную эпоху охватили все российское общество. Вряд ли можно предположить, что в России со столь прочными основаниями традиционной культуры трансформация мировоззренческих ориентаций будет соразмерной по темпам социально-экономическому прогрессу и не подвергнется деформации. В данном случае, рассуждая об истоках и характере русского терроризма, следует учитывать влияние внешнего фактора: для молодого российского нигилизма модные направления европейской философии оказались слишком серьезным испытанием. Разгул фанатизма и насилия начала XX века был прямым следствием в том числе и десинхронизации этапов цивилизационного развития.

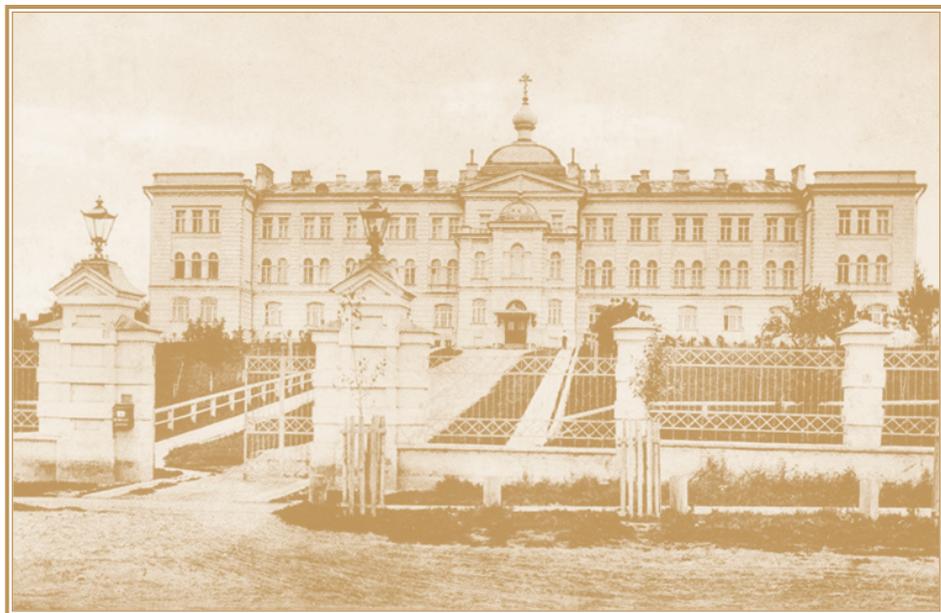
Во второй половине XIX столетия отпадение народа от церкви становится очевидным и принимает пугающие власть и руководство РПЦ масштабы. Более того, процессы деконструкции православного сознания захватывают и духовное сословие. Так, несмотря на все возможные охранительные по отношению в РПЦ меры, прирост населения и массовое строительство храмов и открытие церковно-приходских школ за период

²¹ Хоффер Э. Истинноверующий: Мысли о природе массовых движений. Перевод по изд. Нью-Йорк, 1962 г. Мн., 2001. С. 72–73 // <http://evolkov.net/cult/books/Hoffer.E> (дата обращения: 17.10.2012).

²² Цит. по: Андреева Л.А. Процесс дехристианизации в России и возникновение квазирелигиозности в XX веке // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 91.

²³ Андреева Л.А. Указ. соч. С. 91.

с 1867 по 1891 год число желающих обучаться в духовных учебных заведениях сократилось с 53,5 тыс. до 49,9 тыс. человек. Отмечается неутолимая тяга семинаристов к поступлению в университеты: в 1863 г. учащимся духовных семинарий разрешили поступать в университеты, и уже к 1875 г. семинаристы составили 64 % от общего количества студентов²⁴. В свою очередь, отмена этого разрешения в 1879 г. предопределила в последующем участие семинаристов в революционном движении.

Здание Пензенской духовной семинарии

Так, фактически эпицентром протестной активности в г. Пензе в годы Первой русской революции становится духовная семинария. Согласно рапорту пензенского полицмейстера, «6 октября [1905 г.] воспитанники 6-го класса Пензенской Духовной семинарии Милов и Архангельский подали петицию о. ректору семинарии и затем заявили ему вместе с собравшимися в саду при семинарии воспитанниками из других классов о нежелании учиться впредь до разрешения их петиции Святейшим Синодом... воспитанники семинарии до сего времени не учатся, а толпами ходят по улицам города и без всякой надобности врываются в здание семинарии и там безобразничают».

²⁴ Там же. С. 93.

В своем обращении к церковным властям семинаристы требовали возвращения права доступа в высшие учебные заведения, отмены экзаменов, кроме приемных и выпускных, реорганизации учебных программ с целью расширения преподавания естественных и общественных наук, уничтожения оценок по поведению, свободы постороннего заработка, свободы посещения всех общественных собраний, а также разрешения устройства собраний, спектаклей, библиотек, касс взаимопомощи. Для подтверждения решимости своих намерений семинаристы отказались «от всякого повиновения и подчинения училищному начальству и школьному режиму». Для прекращения беспорядков и ареста зачинщиков 9 октября здания семинарии были оцеплены ротой солдат²⁵. Занятия в семинарии были прекращены, а учащиеся – распущены по домам на неопределенное время. Однако после рождественских праздников петиционная кампания была продолжена. В феврале администрация принимает постановление о ходатайстве перед высшей властью «об исключении из семинарии без права поступления в другое высшее учебное заведение учеников, являвшихся представителями, как во время октябрьской забастовки, так и в настоящее время, а равно и проявивших себя подстрекателями других учеников...». Ответной мерой революционно настроенной молодежи стала демонстрация протеста 16 марта, когда во время педагогического собрания были выбиты окна в правлении²⁶. Семинаристов всерьез подозревали в организации серии взрывов у здания полицейского управления и в сквере у губернаторского дома 11-13 апреля 1907 г.²⁷. А в августе на ректора семинарии архимандрита Николу (П.А. Позднева) было совершено покушение, чуть не стоившее ему жизни: «26 августа около 10 часов вечера близ ворот семинарии в идущего после экзаменов домой ректора семинарии неизвестным было произведено 4 выстрела»²⁸. Завершилась революция пензенских семинаристов убийством ректора духовного учебного заведения архимандрита Николая (Н.В. Орлова) 18 мая 1907 г.²⁹.

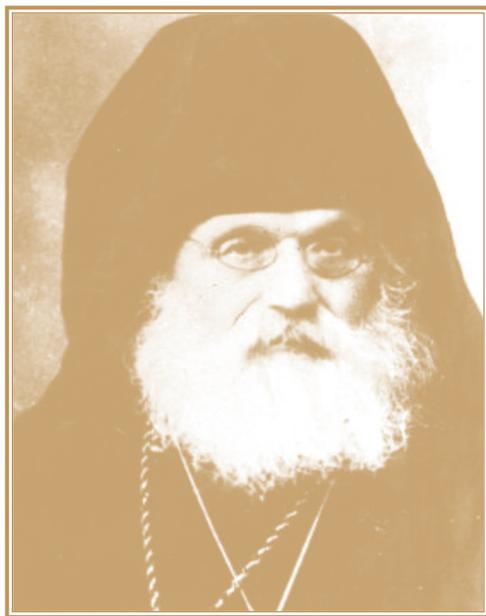
²⁵ Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 7585. Л. 7-9.

²⁶ Перестрой (Пенза). 1906. 12 октября.

²⁷ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7665. Л. 3.

²⁸ Перестрой (Пенза). 1906. 28 августа.

²⁹ Должность ректора архимандрит Николай (Н.В. Орлов) занял 26 декабря 1906 г. // Пензенские губернские ведомости. 1907. № 110. 22 мая.

Архимандрит Никола (Позднев). В 1894–1906 гг. —
ректор Пензенской духовной семинарии

Пугающим примером процесса дехристианизации при сохранении мировоззренческой ориентации на сверхъестественное можно назвать путь в революцию Егора Сергеевича Созонова, эпистолярное наследие которого сохранилось и доступно для анализа. Он родился 26 мая 1879 г. в селе Петровском Уржумского уезда Вятской губернии в семье крестьянина-старообрядца. Отец нажил капитал на торговле лесом. «По своему духовному складу это был человек «старого закала», религиозно и верно-подданнически настроенный». Этим определялась и вся система образования в семье: «Тот дух, которым я был пропитан, пока находился всецело и единственно под влиянием семьи, — писал Е.С. Созонов в своей автобиографии, — был в высшей степени враждебен какому-либо протесту или недовольству строем жизни русской. Царские портреты наравне с иконами украшают комнаты в доме моего отца»³⁰.

Впоследствии в письме к родным, датированном 1906 г., определяя степень своего нравственного падения, он напишет нарочито подчеркну-

³⁰ Цит. по: Козьмин Б.Е. С. Созонов и его письма к родным // Созонов Е.С. Письма Егора Созонова к родным. 1895–1910 гг. М., 1925. С. 9–11. // <http://bibliophika.shpl.ru/book.php?book=5212> (дата обращения: 13.10.2012).

Е.С. Сазонов

то: «Я совершил величайший грех, возможный для человека, два убийства, запятнал себя кровью...

...Вы часто упрекали, что я, вкушивши науки, позабыл о боге. Дорогие мои! Земной мой поклон вам и мое вечное спасибо за то, что вы научили меня свято относиться к вопросам совести. Ведь потому-то я совершил дело, что чувствовал, что моя совесть, моя религия, мое евангелие, мой бог — требовали этого от меня. Мог ли я ослушаться?.. Да, родные мои, мои революционные и социалистические верования слились воедино с моею религиею... Я считаю, что мы, социалисты, продолжаем дело Христа, который проповедовал братскую любовь между людьми, призывал к себе всех трудящихся и обремененных и умер, как политический преступник, за людей...»³¹

Предметом поклонения, центральной идеей нового культа Созонов считал служение народу и делу. Так, в письме к отцу от 28 апреля 1906 г. он напишет: «Для меня уже нет иной жизни, иной деятельности, как жить и работать для народа». Спустя годы, уже в 1909 г., эта идея по-прежнему определяла смысл его существования в Зерентуйской тюрьме: в письме от

³¹ Созонов Е.С. Письма Егора Созонова к родным. 1895–1910 гг. М., 1925. С. 84. // <http://bibliophika.shpl.ru/book.php?book=5212> (дата обращения: 13.10.2012).

И.П. Каляев

24 ноября в своем обращении к отцу он вновь заговорил о смысле существования, словно оправдываясь за разрушенные надежды: «Я всецело отдался делу, которое считаю первым, и для родных, а также для самого себя у меня ничего не осталось. Я всего себя отдал в жертву дела, и, если получу возможность еще раз отдаться, я не задумаюсь отдаться вторично...»³²

Предельно-критического состояния идея жертвенного служения, экзальтированного представления о сверхчеловеке, когда вершиной человеческого духа признается добровольное восшествие на эшафот, достигает в образе И.П. Каляева, поэта и террориста, убившего по решению БО ПСР великого князя Сергея Александровича: «Есть счастье еще выше, чем смерть во время акта, — умереть на эшафоте. Смерть во время акта как будто оставляет что-то незаконченным. Между делом и эшафотом еще целая вечность — может, самое великое для человека. Только тут узнаешь, почувствуешь всю красоту, всю силу идеи. Весь развернешься, расцветешь и умрешь в полном цвете... как колос созревший»³³. Обратной

³² Там же. С. 299.

³³ Цит. по: Баранов А.С. Образ террориста в русской культуре конца XIX — начала XX века (С. Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савинков) // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 188.

стороной медали выступает стремление доказать собственное значение, уравновесить роль личности и силу идеи: «Фанатик жертвует жизнью, чтобы доказать свою ценность»³⁴.

Ценный человеческий материал для рекрутирования террористов поставляли неудачники, не нашедшие себе места в жизни. Яркий пример подобного психологического типа представлен в книге Б. Савинкова, в описании Покотилова: «...я с трудом узнал его. Вместо типичного женева-эмигранта я увидел богатого русского барина с бледным лицом и длинной кудрявой золотистой бородой... В этот вечер он рассказал мне свою биографию:

– Знаете, я хотел убить Боголепова, Карпович предупредил меня... Потом – Балмашев... Я сказал, что я больше ждать не могу, что первое покушение – мне. Приезжал в Полтаву Гершуни. Было решено: Оболенского я убью. Я и готовился к этому... Вдруг я узнаю, что не я, а Качура – рабочий, ему отдали предпочтение. Он стрелял, а не я... Вот теперь Плеве. Я не уступлю никому. Первая бомба – мне. Я ждал слишком долго. Я имею на это право...»³⁵.

Решение исследовательской проблемы о различиях и генетической общности двух волн революционного терроризма в России зависит от рассмотрения социальных или даже социокультурных корней этого феномена. В этом отношении можно согласиться с мнением Т.А. Нестик о маргинальной природе носителей идеи террора вне зависимости от их финансового или интеллектуального, культурного капитала. С социально-психологической точки зрения основой терроризма будет выступать утрата веры в возможность повышения своего статуса через индивидуальные усилия, оставаясь при этом членом своей группы, сохраняя социальную идентичность³⁶. Особенно очевидным это становится в отношении представителей национальных меньшинств, принявших самое активное участие в террористической деятельности. Причем, как замечает Э. Хоффер, в случае ассимиляции личность противостоит гораздо большим угрозам маргинализации, сталкиваясь с предрассудками и многочисленными проявлениями дискриминации, поэтому, скажем, «ортодоксальный

³⁴ Хоффер Э. Указ. соч. С. 102.

³⁵ Савинков Б.В. Воспоминания террориста. Раздел III // http://az.lib.ru/s/sawinkow_b_w/text_0010shtm (дата обращения: 17.10.2012).

³⁶ Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 16.

Пензенский губернатор, генерал-майор С.В. Александровский

еврей чувствует себя меньше неудовлетворенным, чем эмансипированный еврей»³⁷. Ограничения в экономических правах, в продвижении по социальной лестнице, провокации антисемитских выступлений в купе с распространенностью идей о мессианском предназначении еврейского народа становятся мощными факторами столь масштабной вовлеченности еврейской молодежи в революционное движение. В годы революции 1905–1907 гг. в обыденном сознании национальная принадлежность нередко выступала синонимом революционного терроризма. Так, после убийства пензенского губернатора С.В. Александровского местная печать еще до выяснения личности исполнителя теракта констатировала его еврейское происхождение, а следом на страницах «Губернских ведомостей» развернулась целая дискуссия о том, можно ли крещеного еврея называть евреем и т.д.; «...не знаем, ведется ли статистика по национальностям участников в террористических преступлениях, — размышляли в редакции, — но, несомненно, общее впечатление от всех сообщений таково, что процент евреев весьма значительный»³⁸.

По данным, приведенным в работе А. Гейфман, в начале XX в. из почти 130-миллионного населения Российской империи евреи составляли

³⁷ Хоффер Э. Указ. соч. С. 72–73.

³⁸ Пензенские губернские ведомости. 1907. 31 января.

всего 7 миллионов человек. В то же время среди членов революционных партий удельный вес представителей данной национальности составлял почти 50 %, что весьма существенно отличалось от ситуации 1870-х гг., когда пропорциональное соотношение в большей степени отражало национальную структуру страны. Важно отметить, что в значительной степени действие упомянутых факторов сказывалось и на женских судьбах: до 30% женщин-членов партии социалистов-революционеров составляли еврейки³⁹.

В этих условиях можно было ожидать и резкого роста террористических выступлений на окраинах империи, и прежде всего на Кавказе и в Царстве Польском. Доступные сегодня статистические данные не позволяют точно измерить разгул терроризма в данных регионах. Часто статистические данные приводились без разделения на политические и уголовные преступления, произвольно занижались или завышались. Однако вне всяких сомнений, с началом революции антироссийская направленность деятельности революционных организаций станет одним из важнейших стимулов рекрутирования в армию террора⁴⁰. Новые технологии в деле организации политических убийств и экспроприаций не исключали, а, напротив, провоцировали масштабность применения традиционных форм насилия, включая похищение людей и кровную месть.

В Царстве Польском жажда мщения в ответ на политику русификации и насаждения дискриминационного законодательства имперской администрации получила мощнейшую подпитку со стороны оскорбленного национального чувства поляков, испытывавших ненависть к русским и страх за будущее нации. К страху примешивалось и ощущение национального превосходства, замешанного на противопоставлении польской (т.е. западнохристианской) цивилизации российскому деспотизму. Итогом тиражирования подобных настроений становится мощный всплеск насилия в период революции 1905-1907 гг. В общей сложности, по данным Н.Д. Постникова, за время революции на территории Царства Польского было совершено 3166 боевых акций. Террористические акты были совершены в 1108 населенных пунктах. Число убитых и умерших от ран воинских чинов, жандармов, полицейских за 1905 – первую половину 1906 г. составило 127 человек. Боевиками революционных организаций было совершено 443 экспроприации и нападения на государственные

³⁹ Гейфман А. Указ. соч. С. 19, 47.

⁴⁰ Там же. С. 35.

и частные учреждения⁴¹. А. Гейфман приводит данные о гибели от рук террористов в 1905-1906 гг. 790 военных, жандармских и полицейских офицеров⁴².

Эскалацией терроризма была отмечена и ситуация в Прибалтике, где наряду с индивидуальным политическим террором широкое распространение получила организация военизированных бандитских формирований, широко применявших массовый террор в отношении не только представителей власти, но и в целом всего населения. Следует признать, что далеко не все авторы склонны рассматривать эти выступления в рамках революционного движения в России. Так, по мнению О.В. Будницкого, это терроризм иного типа, выросший на национально-освободительной основе, а стало быть, вызванный другими идеологическими, политическими и психологическими причинами⁴³.

Многие исследователи отмечают решительные изменения в социальном составе террористов к концу 1906 г., когда вследствие маргинализации и архаизации политических представлений террор все более деполитизируется, вырождаясь в бандитско-уголовные экссы⁴⁴. Здесь необходимо учитывать и тот факт, что ряд политических течений (прежде всего в анархистском движении в России) изначально делал ставку на безработных и люмпен-пролетариев, из которых и планировалось создавать повстанческие отряды для борьбы с буржуазией и государством. Так, уже весной 1905 г. возникает течение анархистов-коммунистов-«безначальцев», полностью отказавшееся от легальных форм борьбы и пропагандировавшее беспощадный террор и экспроприации. Осенью 1906 г. оформилось течение анархистов-коммунистов-«чернознаменцев», одна из фракций которого особенно рьяно ратовала за «безмотивный антибуржуазный террор» («безмотивники»). Своей социальной базой последние считали преимущественно рабочий класс, ремесленников и крестьян.

Идею «рабочего заговора», нацеленного против буржуазии и нарождавшегося нового класса эксплуататоров — интеллигенции, выдвигали и

⁴¹ Постников Н.Д. Террор польских партий против представителей русской администрации в 1905–1907 гг. // Индивидуальный политический террор в России XIX – начало XX в. Материалы научной конференции (Москва, 24–25 марта 1995 г.). М., 1996. С. 117.

⁴² Гейфман А. Указ. соч. С. 38.

⁴³ Будницкий О.В. Терроризм... С. 13.

⁴⁴ См., например: Постников Н.Д. Указ. соч. С. 115 и др. Весьма показательным, что появление «нового типа террористов» было одинаково характерным как для губерний Европейской России, так и для Королевства Польского.

так называемые махаевцы, примыкавшие к анархистскому движению в России и появившиеся в конце 1890-х гг.⁴⁵ Следовательно, не только и не столько привычка к насилию и превращение терроризма в некий фон повседневной действительности, но и трансформация отношения организующего начала (политических течений) к легальным формам политической борьбы, отказ, скажем, социалистов-революционеров от террористических методов, будет способствовать изменению «лица» терроризма.

Идея отрицания всякой власти как принуждения стала прочной основой для оправдания террористической деятельности в анархистском движении. Кроме того, известно, что представители социальных низов доминировали среди участников анархистского движения. Так, по данным В.Д. Ермакова, по выборке из 300 человек, причислявших себя к анархистам в период революции 1905–1907 гг., рабочие различных категорий (в основном неквалифицированные) составляли 63 %, служащие — 11 %, учащиеся — 17 %. И лишь 3 % принадлежали к интеллигенции⁴⁶. Этот факт тем более впечатляет, что влияние анархистских идей среди творческой интеллигенции в начале XX века было довольно существенным. Наиболее известными среди них были «мистические анархисты» (в том числе А.А. Блок, Я.В. Брюсов, И.А. Бунин и др.). Отдельные элементы анархистского мировоззрения сами анархисты отмечали в работах разочаровавшихся в марксизме философов (Н.А. Бердяева и др.). К анархизму были близки идеи ряда произведений М.А. Волошина, Ф.К. Сологуба, литературных манифестов эгофутуристов. Но вся эта увлеченность имела мало общего с деятельностью находившихся в подполье политических организаций. Как пишет Д.И. Рублев, для большинства «богемных анархистов» интерес к антиэтатистским организациям носил кратковременный характер⁴⁷. К чему можно добавить, что природа подобного внимания может быть определена интуитивной потребностью к аккумуляции представлений о всех крайних мировоззренческих ориентациях, в основе которой лежали эсхатологические настроения. И настроения эти не были уделом одиночек. Еще в 1898 г. В.О. Ключевский запишет: «Р[оссия] на краю пропасти, каждая минута дорога. Все это чувствуют и задают вопросы: что делать? Ответа нет»⁴⁸.

⁴⁵ Рублев Д.И. Диктатура интеллектуалов? Проблема «Интеллигенция и революция» в российской анархистской публицистике конца XIX — начала XX веков. М., 2010. С. 103–106.

⁴⁶ Приводится по: Рублев Д.И. Указ. соч. С. 107.

⁴⁷ Рублев Д.И. Указ. соч. С. 111–112, 117.

⁴⁸ Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. IX. М., 1990. С. 417.

Культ динамита и револьвера, романтический ореол мучеников за свободу особое воздействие оказывали на подростков и молодежь, вовлекая последних в непримиримую борьбу с властью. По данным А. Гейфман, около 22 % всех террористов-эсеров относились к возрастной группе от 15 до 19 лет, а 45 % — от 20 до 24. В Белостоке в 1905 г. был создан боевой отряд школьников — членов ПСР. Среди анархистов несовершеннолетние, некоторым из которых было не больше 14, встречались еще чаще⁴⁹. Трудно провести грань, отделяющую фанатичных приверженцев идеи от хулиганствующих элементов, но нельзя отрицать того факта, что стихийный террор толпы часто провоцировало именно молодое поколение. Так, интересную характеристику половозрастного состава «погромщиков» зафиксировал в свое время А. Матов: «— Как у вас это началось? — И не говори! Ребятишки, пацата да рекруты. Пришли к барской конторе утро-сь и начали хлестать окошки. Ну, из конторы все разбежались. Откуда ни возьмись рекрута и давай тащить. У Маркова где-то нашли немного вина и вылакали его. Ох, у нас рекрута, головорезы! Нам не дают проходу... — Мужики у нас смирные. Только вот эти пацата больно озорники, просто никакого сладу нет; что ведь делают: в лавках на базаре из подвалов все варенья растащили! Такие охальники, такие бесстыжие — и сказать нельзя!»⁵⁰

На угрозы («сожжем») и «озорное» поведение новобранцев, подозреваемых в поджоге имений Эйнем и Тизель при с. Любятине Пензенского уезда в ноябре 1905 г., указывают в своих показаниях свидетели, проходившие по этому делу (возраст рекрутов 21–22 года). «Крестьяне были в возбужденном настроении, много, особенно молодые рекруты, были пьяны, кричали: «Да здравствует свобода». «У одного из новобранцев В. Карпеева в руках была гармония». По рассказам очевидцев, во время пожара на усадьбе Эйнем можно было наблюдать толпу в несколько сотен человек. «Больше это все были парни да девки»⁵¹.

Образ «бунтующей молодежи» превратился в своего рода стереотипизированное клише, прочно ассоциировавшееся в представлениях крестьянства с непосредственной организацией «забастовок». Характеризуя настроение революционной деревни, А.И. Фаресов приводит любопытное свидетельство существования подобных трактовок: «В забастовку мальцы с девками ходили, — слышу я, говорят они непринужденно между собой.

⁴⁹ Гейфман А. Указ. соч. С. 240–241.

⁵⁰ Матов А. Деревенские настроения // Самарская газета. 1905. 3 декабря. С. 2.

⁵¹ ГАПО. Ф. 42. Оп. 9. Д. 43. Л. 186 об., 245 об., 340.

– Куда? – переспросил я.

– В грабиловку, барин... Теперь гулящие дни. Все равно не работают на заводе. У нас тутотка, около Барлаевской дачи, стеклянный завод у еврея»⁵².

В современной историографии достаточно широко обсуждается проблема деконструкции политико-идеологического (политико-мировоззренческого) содержания террористической деятельности, низведение последней исключительно к уголовной обусловленности. Так, цель своей монографии, посвященной русскому терроризму, А. Гейфман определяет как попытку демифологизации и деромантизации революционного движения, самой революции и ее участников⁵³. Характеризуя ситуацию 1905 г., О.В. Будницкий отмечает, что в условиях массовизации террора на смену Желябову и Перовской, Созонову и Каляеву, задававших вопросы о целесообразности насилия, о личной ответственности, о жертве и искуплении, пришли люди с иррациональной мотивацией применения насилия: «...у меня был наган, и я чувствовал, что сейчас же с оружием в руках можно начать борьбу за социализм»⁵⁴. В современных исследованиях ощущается стремление уйти от упрощенной схемы подмены содержания понятия тривиальной уголовщиной, так как это не позволяет полностью раскрыть смысловое содержание терроризма, выявить его социально-политическую природу⁵⁵.

Гораздо больше смысла в трактовке терроризма как следствия архаической политизации⁵⁶, высвобождения древнего мерила определения друзей и врагов. В этом же контексте можно рассматривать и насаждение культа возмездия в процессе роста психолого-политической нестабильности общества, спровоцированного факторами системного порядка. Политический террор и уголовные преступления роднила возможность использования ритуала как способа психологической стимуляции противоправного деяния. Как отмечал Э. Хоффер, «Умирать и убивать легче, когда это часть ритуала, церемонии, драматического представления или игры»⁵⁷. И наконец, нельзя не признать, что подобные изменения в

⁵² Фаресов А.И. Настроение современной деревни // Исторический вестник. 1906. № 3. С. 927.

⁵³ Гейфман А. Указ. соч. С. 16.

⁵⁴ Будницкий О.В. Кровь по совести... С. 208.

⁵⁵ Петухов В.Б. Указ. соч. С. 98.

⁵⁶ Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа... С. 14.

⁵⁷ Хоффер Э. Указ. соч. С. 72–73.

мотивации поведенческих реакций суть результаты сознательного и планомерного тиражирования представлений о сущности и эффективности терроризма в общественном сознании, а следовательно, можно говорить о массовизации или, другими словами, демократизации ритуальной практики терроризма. Заимствование новых технологий и поведенческих стереотипов происходило на основе формального соответствия под воздействием иной культурной среды и (или) условий возникновения массовой агрессии, что не могло не вызвать определенной трансформации исходных мировоззренческих установок.

Жесткая типизация этого процесса была представлена уже в трудах современников. Так, Б.И. Горев, характеризуя «анархистские типы» эпохи революции, выделяет не идеологические, а скорее социально-психологические критерии: «...три главных русских анархизма — Белосток, Екатеринослав и Одесса создали и три наиболее распространенных типа русских анархистов: еврейского ремесленника, по большей части почти мальчика, нередко искреннего идеалиста и смелого террориста; заводского рабочего-боевика, непосредственную натуру, который, как екатеринославец Федосий Зубов, «ни одной книги не прочел, но в душе — анархист», ненавидевший всякую власть «до боевого стачечного комитета включительно», и, наконец, одесского «налетчика» — прожигателя жизни». К ним Горев добавляет еще и «интеллигента, обыкновенно бывшего с.-д. или с.-р., оратора и демагога, а также крестьянина... поджигавшего помещичьи усадьбы или вступившего в шайку «лесных братьев»⁵⁸.

Попытки же деромантизации терроризма, ограничения его содержания лишь уголовным началом предпринимались и в начале XX века, в официальной прессе, в публичных выступлениях консервативных политиков. Однако борьба не с терроризмом, а с террористами, т.е. не с причиной, а со следствием, не принесла ожидаемого эффекта. И сегодня эта проблема отличается таким же драматизмом, как и сто лет назад. Игнорировать существование определенных аналогий не приходится. Так, социопсихолог из университета Пенсильвании М. Сейджмен на основе изучения более 500 биографий террористов пришел к выводу о вполне нормальном психическом состоянии подавляющего большинства исследованных им личностей. Созданный им портрет современного террориста оказался очень похожим на революционеров конца XIX — начала XX вв.:

⁵⁸ Цит. по: Будницкий О.В. Терроризм... С. 261–262.

образованный, космополитично настроенный, романтический борец за справедливость и правду⁵⁹.

С другой стороны, нельзя не заметить очевидного: на героизацию образа террориста влиял масштаб и статус выбранной жертвы. Даже по формально-юридическим признакам цареубийство, покушения на министра внутренних дел, председателя совета министров не были событиями рядового порядка. На страницах прессы в искаженном пространстве слухового поля разворачивалась информационная война за сознание обывателя. О.В. Будницкий определяет ее проявление как «воспитательное» воздействие терроризма. Революционный террор оказался не только эффективен — он был эффектен⁶⁰. Ведомая страхом официальная печать исподволь становилась средством пропаганды и трансляции идеи насилия, публикуя материалы судебных процессов над народовольцами и т.п. С другой стороны, по мнению Д.А. Гаврина, индивидуальный политический террор начала XX века, несмотря на громкие убийства, не оправдал надежд его вдохновителей в полной мере и остался лишь памятным жутким историческим феноменом⁶¹.

Используя метод исторической ретроспекции, мы сможем подтвердить тезис о высокой степени воздействия террора на массовое сознание. Согласно современным исследованиям Левада-Центра, 78-86 % респондентов постоянно опасаются того, что они сами или их близкие окажутся жертвами теракта. Треть респондентов боится терактов очень сильно, а в экстремальные периоды интенсивность психологической реакции способна достигнуть панических настроений⁶².

А. Гейфман пишет о том, что эскалация индивидуального террора расшатывала политические и социопсихологические основы российской власти, особенно в период после 1905 г. Террористы работали на подрыв государственной системы убийствами не только крупных государственных деятелей, но и тысяч низших военных и гражданских чинов, надломив волю правительственного аппарата. Этим и объясняется паралич власти в марте 1917 г.⁶³. Однако вряд ли революционный террор исчерпывает собой все содержание системного кризиса, не всегда всплеск террористической активности исключительно по причине масштабности насилия

⁵⁹ Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа... С. 6.

⁶⁰ Будницкий О.В. Терроризм... С. 354.

⁶¹ Гаврин Д.А. Указ. соч. С. 157.

⁶² См.: Петухов В.Б. Указ. соч. С. 96–97.

⁶³ Гейфман А. Указ. соч. С. 345.

провоцирует панику, граничащую с распадом государственности. Необходимо отыскать особый вектор террора, превративший насилие в имманентную характеристику российской истории XX в.

Весьма показательно, что в условиях массовизации террора официальная печать выработала весьма действенные методы разрушения ореола мученичества. Террористический акт обезличивался: в публикациях довольно явно прослеживается сознательный уход от описания террориста, нет ни имени, не национальности, все характеристики носят уничтожительно-уголовный оттенок. В то же время все внимание — именам пострадавших от теракта, подробно с мельчайшими деталями описываются мучения случайных жертв. Так, освещая события, связанные с убийством пензенского губернатора С.В. Александровского, «Пензенские губернские ведомости» 27 января 1907 г. сообщали: «Увидев себя в безвыходном положении, убийца, прижавшись между печкою и стеною на лестнице, выстрелил себе в голову, пуля прошла насквозь. ... О личности убитого ничего не известно. Несомненно одно, что он приезжий. По типу лица подозревают еврейское или восточное происхождение, он молодой человек 22-25 лет». И здесь же: «Бросившийся, чтобы схватить убийцу, декоратор Румянцев получил пулю в живот, которая засела в поясницу, положение жертвы безнадежное». Внимание читающей публики концентрировалось на жертвенности иного рода: газета сообщала о гибели людей, пытавшихся воспрепятствовать убийствам. Покушение произошло 25 января в театре после окончания представления. В толчее спешивших к выходу людей подозрительного человека с браунингом никто не заметил: он выстрелил практически в упор. Следом за губернатором погиб помощник полицеймейстера М.Я. Зарин, пытавшийся остановить террориста, и городской М.А. Саблин. Похороны жертв теракта состоялись 28 января на Мироносицком кладбище г. Пензы: «Процессию сопровождали тысячи народа».

С другой стороны, это не исключало рефлексии по поводу причин гибели чиновников высшего ранга. Приводимые характеристики четко фокусировали внимание читателя на укорененности идеи насилия, мнимой коррупционной составляющей и пр., но главным обвинительным мотивом (с точки зрения террористов) было непосредственное участие того или иного представителя власти в подавлении оппозиционного движения в империи. Террор прикрывался идеей возмездия. Так, относительно причин гибели ректора пензенской духовной семинарии архимандрита Николая (Н.В. Орлов) в «Пензенских губернских ведомостях» 31 мая 1907 г. сообщалось: «...террористическое настроение, которое мы переживаем, или прежняя его служба». В 1903—1905 гг. он занимал должность ректора

Минской семинарии, где произошли крупные беспорядки и было исключено около 200 семинаристов. После применения столь непопулярных мер он вынужден перебраться в Кострому, а затем – в Пензу.

Градоначальник Санкт-Петербурга, генерал-майор В. Ф. фон-дер Лауниц

Бескомпромиссная жесткая борьба с революционной анархией стоила жизни тамбовскому губернатору, а впоследствии градоначальнику Санкт-Петербурга В.Ф. фон-дер Лауницу. Выдержав 15 покушений на свою жизнь, Лауниц был убит 21 декабря 1906 г. во время освящения храма в санкт-петербургском институте экспериментальной медицины⁶⁴. Были и случайные жертвы. Так, пензенский губернатор С.А. Хвостов погиб 12 августа 1906 г. во время взрыва дачи П.А. Столыпина в Петербурге, в ходе которого пострадало более 100 человек (27 из них погибли на месте).

Размышляя о мотивах террористических актов, В.В. Розанов в очерках, посвященных гибели П.А. Столыпина, последовательно проводит мысль о том, что основное содержание современной идейной борьбы – это противодействие русского национализма космополитизму, породившему ре-

⁶⁴ Гаврин Д.А. Указ. соч. С. 155–156.

волюцию и стремлению определенных сил к захвату власти; «...та непрерывная злоба, в которой воспитывается общество против «правительства», и это воспитание почему-то называют газетной «политикою» и «тактикою партий», — вопрошает автор, — неужели это не есть именно тот гнилой и пунцовый туман, из которого сами собою выползают жабы террора»⁶⁵.

Уникальность российского варианта революционного насилия А. Гейфман видит в систематическом и частом его применении. Российский радикализм, по ее мнению, власть провоцировала своей политикой «нерешительной беспощадности — либо слишком жесткими, либо недостаточными мерами», что только вызывало недовольство общества, не избавляясь при этом от оппозиции⁶⁶. Действительно, в своей автобиографии Е.С. Созонов напишет, что его участие в студенческих волнениях (в виде протеста против отдачи петербургских и киевских студентов в солдаты) было стихийным порывом против несправедливости. Сам он в тот момент не имел малейшего представления ни о революции, ни о социализме. Его революционным университетом стала Бутырка, за которой последовали высылка из Москвы и снова арест за хранение запрещенной литературы. «Да, правительство сделало из меня революционера, — напишет Созонов, — оно само объявило меня вне закона, само толкнуло меня в революционные ряды... Когда я бежал из Сибири, я чувствовал, что за моей спиной стояли кровавые призраки, не оставлявшие меня ни днем, ни ночью, шептавшие мне: ты должен, ты должен пойти на Плевэ. Когда я узнал, что творится министрами в России, я чувствовал себя не вправе пользоваться благодеянием и мирным житием. Мирная деятельность лично для меня уже невозможна»⁶⁷.

Арест и ссылка (часто только по факту обнаружения нелегальной литературы) самым решительным образом ломали мировоззрение вчерашних студентов, пополнявших теперь ряды непримиримых и бескомпромиссных борцов с властью. Анализируя путь в революцию М. И. Швейцера, сына смоленского купца-банкира, ставшего одним из руководителей Петербургского боевого отряда ПСР в 1903 г., и Г. А. Ривкина, сына врача-дантиста, участника декабрьского вооруженного восстания в Москве, нала-

⁶⁵ Розанов В.В. Преступная атмосфера // Розанов В.В. Собрание сочинений. Террор против русского национализма (Статьи и очерки 1911 г.). М., 2011. С. 226.

⁶⁶ Гейфман А. Указ. соч. С. 348–350.

⁶⁷ Цит. по: Козьмин Б.Е. С. Созонов и его письма к родным... С. 14.

Пензенский губернатор С.А. Хвостов

дившего производство взрывчатки для повстанцев, этот факт убедительно доказывает И.А. Кипров⁶⁸.

Подобные заключения не противоречат выводам современных исследователей. В частности, О.В. Будницкий отмечает, что возникновению и живучести терроризма в России способствовала в значительной степени сама власть: «...власть изначально придавала революционерам чрезмерное значение, возвышая их тем самым и в собственных глазах, и в глазах общества. Власть рассматривала террористов как, по существу, равную сторону, ей противостоящую»⁶⁹. Такие оценки политики противодействия террору активизировали усилия исследователей в деле изучения нормативно-правовой базы, организационной структуры и деятельности правоохранительных органов дореволюционной России⁷⁰.

⁶⁸ Кипров И.А. Политический террор в провинции: штрихи к портретам видных террористов накануне и в период революции 1905–1907 гг. (на материалах Смоленской губернии) // Индивидуальный политический террор в России XIX — начало XX в. Материалы научной конференции (Москва, 24–25 марта 1995 г.). М., 1996. С. 100–103.

⁶⁹ Будницкий О.В. Терроризм... С. 339.

⁷⁰ См.: Суворов А.И. Борьба с терроризмом в России в XIX — начале XX века. (Историко-правовое исследование антитеррористической деятельности правоохранительных органов дореволюционной России). М., 2002.

Выводы авторов, мягко сказать, неутешительны. Политика по совершенствованию следственно-розыскной и судебной деятельности, ужесточению карательных мер по отношению к террористам носила откровенно реактивный характер. Каждый этап реформирования системы можно уверенно просчитать по террористическим актам. Так, после покушения Каракозова появилось первое сыскное секретно-розыскное отделение при канцелярии петербургского градоначальника. После покушения на царя, совершенного Соловьевым в апреле 1879 г., страну разделили на шесть временных генерал-губернаторств. После убийства главноуправляющего III Отделением и шефа корпуса жандармов генерала Н.В. Мезенцова (август 1878 г.) рассмотрение дел по обвинению лиц в вооруженном сопротивлении властям или нападении на чинов войска и полиции было передано в военные суды, что предполагало ускоренную и упрощенную процедуру прохождения. Взрыв в Зимнем дворце в феврале 1880 г. с большим числом жертв привел к созданию Верховной распорядительной комиссии и соподчинение ей всех правоохранительных органов, а затем упразднение III Отделения с передачей всех охранительных функций вместе с Корпусом жандармов Министерству внутренних дел⁷¹.

По мнению С.А. Кокорина, Россия в XIX и в начале XX в. допустила непопустительную медлительность в деле совершенствования уголовно-правовых мер по борьбе с терроризмом, что послужило дополнительным фактором, провоцировавшим рост масштабов данного феномена. Автор отмечает, что даже в формулировках принятого 22 марта 1903 г. Уголовного Уложения законодатель явно избегал использования терминов «террористический акт», «террор» или «терроризм», произвольно маркируя их как уличные неологизмы, что косвенно свидетельствовало о запоздалой реакции на изменение социально-политической обстановки в стране. Более того, в статьях главы 3 не указывалось иных объектов «посягательства на жизнь, здоровье, свободу, неприкосновенность», кроме особы императора и членов его семьи, хотя в «террористической войне» народников с правительством погибло множество государственных деятелей высшего эшелона, чиновников среднего звена и рядовых граждан государства⁷².

Более адекватным менявшимся реалиям было содержание ст. 126 Уголовного Уложения, которая устанавливала ответственность за участие

⁷¹ Суворов А.И. Антитеррористическая деятельность в дореволюционной России // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 101–102.

⁷² Кокорин С.А. Меры уголовно-правовой борьбы с терроризмом в России в начале XX в. // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2011. № 1. С. 64.

в сообществе, заведомо ставившем своей целью ниспровержение существующего в государстве общественного строя посредством взрывчатых веществ или снарядов⁷³.

Показательно, что ст. 126 устанавливала ответственность за отложенный умысел. Преступление считалось оконченным с момента вхождения лица в такое сообщество, независимо от того, сделаны ли уже какие-то приготовления или тем более покушения и предполагало наступление ответственности в виде каторги на срок до восьми лет или ссылки на поселение⁷⁴.

Борьба за наведение порядка имела своим результатом более 10 000 смертных приговоров только в трехлетие с 1905 по 1908 г., в то время как за период с 1866 по 1900 г. в России, по официальным данным, было казнено 420 человек. Николай II стал первым царем из династии Романовых, при котором произошел расстрел мирного населения. По далеко не полным данным, только за 1905 г. в России в ходе столкновений с войсками и полицией погибло более 14 000 человек, и это не считая погибших во время черносотенных погромов в десятках городов. Только в Одессе 18–22 октября 1905 г. погибло более 1000 человек, в том числе 400 евреев⁷⁵. Не гнушались тактики террора и монархические организации. Наиболее шумевшими террористическими актами черносотенцев были убийства двух членов ЦК кадетской партии — М.Я. Герценштейна и Г.Б. Иоллоса, бывших депутатов мятежной Государственной думы, 18 июля 1906 г. и 14 марта 1907 г. Как отмечает С. А. Степанов, боевые дружины черносотенцев по своему социальному составу мало чем отличались от анархистских и формировались из обитателей городского дна и уголовных элементов⁷⁶.

Неоднозначным выглядит и процесс трансформации социального восприятия феномена революционного терроризма. На мой взгляд, героизацию насилия в общественном сознании необходимо изучать в том числе и в контексте распространения либерализма в России. В этом отношении в народовольческо-эсеровском терроре мы встретим «приглашение общества к сотрудничеству и безусловное желание найти союзника в лице либералов, тех

⁷³ Там же. С. 65.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ *Пушкарева И.М.* Российское общество начала XX в. и индивидуальный политический террор // Индивидуальный политический террор в России XIX — начало XX в. Материалы научной конференции (Москва, 24–25 марта 1995 г.). М., 1996. С. 45–46.

⁷⁶ *Степанов С.А.* Черносотенный террор 1905–1907 гг. // Индивидуальный политический террор в России XIX — начало XX в.: Материалы научной конференции (Москва, 24–25 марта 1995 г.). М., 1996. С. 123.

либералов, которые оправдали Засулич⁷⁷. Шагом вперед: от отторжения и неприятия убийства до понимания всей неоднозначности проблемы можно рассматривать противоречивое отношение к террористам позднего Достоевского: «Наказание неуместно», — сказал автор «Бесов» Г. Градовскому в зале суда над Засулич в ожидании вынесения вердикта присяжных⁷⁸. Известно, что с просьбой о помиловании цареубийц к Александру III обращался Л.Н. Толстой, к тому же призывал в своих публичных выступлениях и Вл. Соловьев. Следующим шагом стала трансляция либеральных идей и их укоренение в сознании масс. Не стоит забывать, что ценности, имеющие своим основанием требование защиты прав и свобод каждого человека, оказались восприняты носителями традиционных представлений о социальной справедливости и правопорядке. Не лишним здесь будет напомнить один из базовых принципов обычного права — принцип талиона: «око за око».

Обыденную реакцию на тиражирование подобных представлений мы встречаем в описании поездки отца Е.С. Созонова в Петербург на процесс по делу сына, записанного со слов защитника подсудимого, Н.П. Карабчевского: «Думал, до Питера благополучно доеду... не пришлось. В вагон стала публика заходить... посмотрят, постоят и уйдут. Потом и заговаривать стали. Поздравляют, руки пожимают... вы, говорят, стало быть, отец!.. Я просто диву дался, думал, сквозь землю надо провалиться, и вдруг на... Какой-то офицер с компанией в буфете с бокалом даже подходил; за здоровье, объявляет, ваше выпьем... Я просто опасаться стал, не задержали бы на какой станции. Ну нет! Жандармы посматривают вслед, а трогать не трогают...»⁷⁹

Подобную и даже более эмоциональную реакцию вызвала распространение письма М.А. Спиридоновой. Во время ее этапирования весной 1906 г. недалеко от станции Зима, как вспоминала А.А. Измайлович, «перед нашими окнами как из-под земли вырастает группа возбужденных, радостных рабочих», которые собрали состав и приехали на встречу: «Привет Марии Александровне! Привет другим товарищам! Мы посланы от рабочих станции Зима. Нас 100 человек...»⁸⁰ В своих воспоминаниях Александра Измайлович отмечает, что более всего ее затронул «молчаливый приветственный поклон»

⁷⁷ Баранов А.С. Образ террориста в русской культуре конца XIX — начала XX века (С. Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савинков) // *Общественные науки и современность*. 1998. № 2. С. 185.

⁷⁸ Цит. по: Баранов А.С. Указ. соч. С. 185.

⁷⁹ Цит. по: Козьмин Б.Е. С. Созонов и его письма к родным... С. 9.

⁸⁰ Цит. по: Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. М., 1997. С. 135.

крестьян. В Сызрани поезд встречал солдатский гарнизон: «в их глазах, самым популярным актом было, конечно, убийство Сахарова, поэтому Биценко они встречали долгим несмолкаемым «ура». В Кургане рабочими был устроен грандиозный митинг в честь Спиридоновой... в окна то и дело просовывались руки с бумажками: «Напишите, пожалуйста... напишите, напишите...»⁸¹.

М.А. Спиридонова

Показательно, что появление волн террора в российской истории было напрямую связано как с утверждением теории оправданного терроризма в общественном сознании, с одобрением и героизацией революционного насилия, так и с желанием соотечественников жертвовать на центральные террористические акты, с притоком финансовых средств. Так, известно, что спад интереса к терроризму в обществе к середине 1880-х гг. практически свел на нет все формы поддержки революционеров. Г.А. Лопатин, прибыв в Россию в 1883 г., не смог найти себе достойного

⁸¹ Измайлович А.А. Из прошлого // Женщины-террористки в России. Ростов н/Д., 1996. С. 388, 400–403.

пристанища⁸². В силу этих обстоятельств на рубеже веков среди социалистов-революционеров было много влиятельных противников террора, и даже его адепты не рассчитывали на применение последнего в обозримом будущем из-за неприятия террора простым народом и обществом.

В начале XX века ситуация изменилась: убийство П.В. Карповичем министра просвещения Н.П. Боголепова 4 февраля 1901 г. вызвало одобрение у либерально настроенной интеллигенции и студенчества, послание, приглашение к соучастию было услышано. Началом эсеровского террора становится убийство министра внутренних дел Д.С. Сипягина.

После Сипягина жертвами эсеровского террора стали харьковский и уфимский губернаторы Оболенский и Богданович, а 15 июля 1904 г. бомбой, брошенной Егором Созоновым, в Петербурге был убит министр внутренних дел В.К. Плеве. Либеральная публика ликовала. Теперь финансовая поддержка терроризма была обеспечена. М.И. Леонов приводит разговор К.М. Панкеева, одного из богатейших людей Херсонщины, издателя «Южных записок» и видного одесского эсера Н. Осипова: «На днях вы просили у меня денег на всякие там дела. Я сказал — подумаю. Ну а теперь вот скажу: могу дать до тридцати тысяч, но исключительно на центральный террор»⁸³. Подобные переговоры стали повседневностью революционного времени.

Впоследствии количество покушений возрастает в десятки раз: по уточненным данным установлено в 1905 г. — 59 покушения, в 1906 г. — 93, в 1907 г. — 81. Показательно, что Боевая организация за все годы своего существования совершила 11 покушений (менее 5 % общего числа). Начиная с 1908 г. фиксируется резкий спад интенсивности покушений: в 1908 г. — 3, в 1909 г. — 2, в 1910 г. — 1, в 1911 г. — 2 покушения⁸⁴. Общее же число государственных чиновников, убитых и покалеченных террористами, по данным А. Гейфман, достигло к концу 1907 г. почти 4500. Если к этому числу добавить 2180 убитых и 2530 раненых частных лиц, то общее число жертв в 1905-1907 гг. составит 9000 человек⁸⁵. Охлаждение либеральной общественности к революционерам и террору явственно проступает со второй половины 1907 г., когда сокращаются, а затем и вовсе прекращаются денежные пожертвования.

⁸² Леонов М.И. Указ. соч. С. 127.

⁸³ Цит. по: Там же. С. 133.

⁸⁴ Там же. С. 128.

⁸⁵ По мнению автора, общее количество жертв революционного террора, включая период до 1916 г. составило около 17 000 человек. См.: Гейфман А. Указ. соч. С. 31–32.

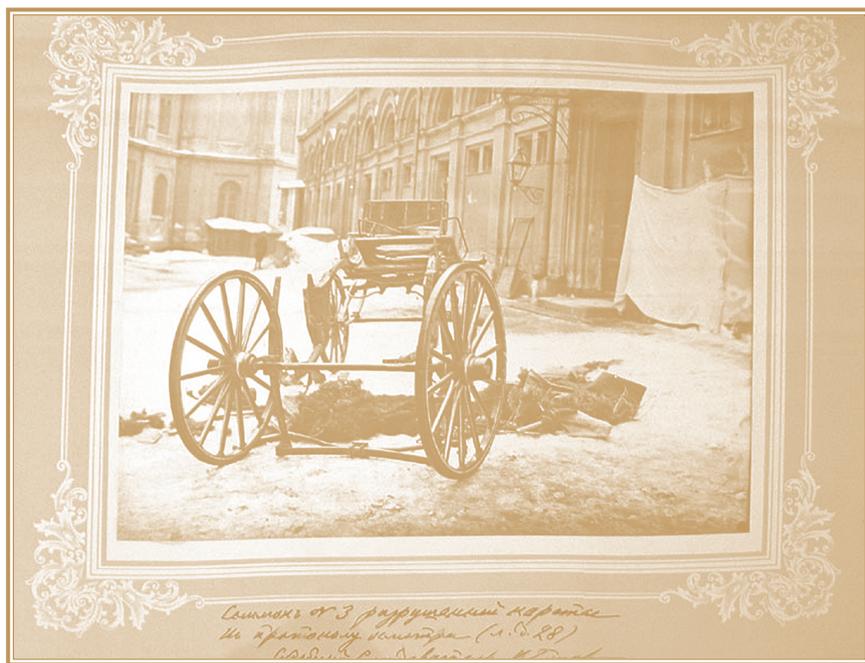
Российское общество пожинало плоды своей эмансипации. Пробуждение личности и стремление отстоять свое достоинство, развитие частной инициативы и предприимчивости расширяли рамки вседозволенности и способствовали развитию отклоняющегося поведения, в том числе и в криминальной форме, что, в свою очередь, способствовало количественному росту мелкой преступности⁸⁶. Ничего удивительного, что привычной нормой революционного времени для обывателей станет вещное выражение терроризма: огнестрельное оружие и бомба. В официальной хронике это выльется в появление специального раздела, посвященного самой актуальной проблематике: «Грабежи, убийства, бомбы». Так, 4 января 1907 г. «Пензенские губернские ведомости» сообщили: «В Пензе вчера найдена на одной квартире целая фабрика бомб и взрывчатых веществ. Владелец квартиры и соучастники арестованы». А. Гейфман констатировала, что мастерские по изготовлению бомб действовали практически во всех городах империи⁸⁷.

Зловещими символами революции 1905–1907 гг., значение которых прочитывалось в представлениях крестьянского сознания как предвестников катастрофических разрушений привычного бытия, а в более конкретном, приближенном к повседневной практике выражении как угроза существованию и человека, и общества, являлись образы «оружия» и, как ни странно, «студента». Угроза применения насилия выступала поводом для распространения панических настроений. Ключевыми словами стали: «бомба», «стреляют» и т.д. Так, «Симбирские вести» 15 июля 1906 г. сообщили о «беспорядках», произошедших во время ярмарки в с. Новодевичьем: «...В балагане представляли «Русско-японскую войну». Шла стрельба из ружей, тонули «корабли» и «броненосцы». Вдруг кто-то крикнул: «Стреляют!.. Бегите». И толпа хлынула. Сначала двинулась немного, а через миг шарахнулась вся ярмарка. — Бомбы!.. Забастовка... Жгут!.. — кричали около балагана».

Новые смыслы стали проникать и в традиционные формы социального протеста. Испытал на себе воздействие образов революции и ритуал крестьянского бунта. Размеренный ход патриархальной сельской жизни нарушала не только информация о террористических актах, поступавшая в деревню по традиционным каналам коммуникации, но и непосредственно вакханалия грабежей, представленных в виде экспроприаций на дело революции. Летом — осенью 1906 г. на территории Пензенской губернии с завидной регулярностью совершались ограбления казенных винных

⁸⁶ Миронов Б.Н. Преступность в России в XIX — начало XX в. // Отечественная история. 1998. № 1. С. 38.

⁸⁷ Гейфман А. Указ. соч. С. 24.

Карета великого князя Сергея Александровича после покушения. 1905 г.

лавок, почты и пр. Описание революционеров-грабителей (объявление о своей партийной принадлежности и констатация, что деньги изымаются на нужды революции, превратилось в определенный поведенческий стереотип: «В дневной книге расписались «1906 г. 30 августа получено в пользу партии Соц. Рев. Все потребности сообщатся в Управ. Акцыз») исподволь формировало демонический образ студента: «Все трое были в форме с белыми пуговицами и с зелеными кантами на тужурках и фуражках, вооружены были револьверами и кинжалами; услышав выстрелы, они тотчас же бросились в то же окно и убежали, ничего не захватив из лавки». Два грабителя «совершенно молодые без усов и бороды»; «красные рубахи и белые платки» либо «черные блузы, подпоясанные черным кушаком, черные фуражки с бархатным околышком», «черные пиджаки и поддевки»⁸⁸. Заработала и имитация угрозы террора. Летом 1906 г. крестьяне с. Старой Толковки Нижнеломовского уезда Пензенской губернии предприняли попытку погрома экономии Э.Ф. Гартмана. Многие из почти 300 участников мятежа, по их собственным заявлениям, сделанным в ходе дознания, были своего рода «бунтовщиками поневоле», отправившихся в имение под угро-

⁸⁸ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7676. Л. 42–51; Д. 7776. Л. 8, 24.

зами побоев или поджогов со стороны «зачинщиков». По свидетельским показаниям, один из вождей движения И. Косматов «ходил по селу в форменной фуражке и очках, которые раньше не носил».

В повседневной жизни российского крестьянства слухи о возможном появлении в селах студентов и тем более их деятельности могли вызвать распространение панических настроений, т.к. образ этот весьма тесно переплетался с понятием насилия. Этому имелись серьезные основания. В частности, как следует из докладной записки чиновника по особым поручениям Герасимова, летом 1906 г. проживавшего в с. Сычовка Буинского уезда Симбирской губ., в с. Астрадамовке «агитаторами» усиленно распространялись слухи о готовившемся будто бы в июле-августе выступлении «нескольких тысяч единомышленников» в районе Буинска и Алатыря с тем, чтобы двинуться на Симбирск, вовлекая в движение сочувствовавшие воинские части и крестьян: «По дороге толпа будет захватывать волостные правления, винные лавки и заставлять всех жителей к ним присоединяться; деревни, которые окажут сопротивление, будут сжигаться». Крестьяне с. Бессоновки Пензенского уезда той же губернии в 1906 г. после неоднократных поджогов движимого и недвижимого имущества самостоятельно арестовали 40 человек известных им «по выражению крестьян» «студентов»-революционеров и потребовали созвать сход для составления приговора «об удалении из своей среды всех арестованных «студентов»⁸⁹.

Можно ли при этом характеризовать погромные выступления российской деревни как аграрный стихийный или массовый террор? Действительно, вне зависимости от разрозненных данных о количестве выступлений нельзя не признать, что наиболее радикальные формы крестьянское сопротивление обретет осенью-зимой 1905 г. под воздействием роста социально-политической напряженности в империи и отдельных мероприятий правительства, традиционно воспринимаемых в качестве стимула социальной активности (Манифесты 17 октября и 3 ноября). В частности, как указывает В.М. Гохлернер, за первое полугодие 1905 г. в Саратовской губ. подверглось разгрому 93 экономии, в то время как за осенние месяцы было уничтожено 200 усадеб⁹⁰.

⁸⁹ Сухова О.А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007. С. 109.

⁹⁰ Гохлернер В.М. Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции // Исторические записки. 1955. Т. 52. С. 230. В статье Т.М. Микстера приводятся данные о 272 разгромленных поместьях из 300 за 1905 г. См.: Микстер Т.М. (США) Крестьянские выступления в Саратовской губернии в 1905–1907 гг. // Постигая прошлое и настоящее.: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Саратов, 1994. С. 36.

Подобные же сведения встречаем и у Ф.Я. Водоватова. Пик «погромной» активности крестьянства пришелся в Самарской губернии на ноябрь-декабрь 1905 г., когда разгрому подверглось 67 частновладельческих имений⁹¹. «Почти все разгромы экономий, — пишет Н.Н. Сперанский, — в Самарской губернии начались в промежутки между 19-28 ноября, причем большинство из них имело место между 22-25 числами месяца»⁹². Как считает А.З. Кузьмин, из общего количества крестьянских выступлений в Пензенской губ. за 1905 г. (710) 327 составляли разгромы и поджоги помещичьих усадеб, причем из числа разгромленных экономий 63 были уничтожены полностью. Интенсивность выступлений здесь, по мнению автора, также резко возрастает в ноябре-декабре 1905 г.⁹³. В Симбирской губ. за эти месяцы в ходе погромного движения подверглось нападению крестьян 104 владельческих экономии из 120, разгромленных за все годы революции⁹⁴. В целом же современные исследователи насчитывают до 700 случаев разгрома или поджога частновладельческих усадеб в Среднем Поволжье за 1905—1907 гг.⁹⁵

Осенью 1905 г. провинциальная пресса рисовала образы жуткого разгрома, превратившегося к этому времени в суровую повседневность: «Вдоль линии железной дороги на пространстве почти от Кирсанова до ближайших к Саратову станций не осталось ни одной усадьбы. Строения сожжены, имущество разграблено. Все сельские дороги усеяны обломками награбленного добра и хлебными зернами»; «Необузданность толпы превосходила все до сих пор виденное и слышанное. При погромах иногда разыгрывались чисто каннибальские оргии. Опьяненные вином, озверевшие крестьяне плясали под звуки гармоник на награбленном добре в лужах крови бесцельно перерезанного экономического скота. Очевидцы говорят, что грабители ели сырое мясо убитых животных»⁹⁶. Однако все тот же «Саратовский листок» 3 ноября 1905 г. сообщал, что случаи физического насилия по отношению к владельцам и служащим экономии носили единичный характер.

⁹¹ Водоватов Ф.Я. Крестьянское движение в Самарской губернии в период революции 1905—1907 гг. Куйбышев, 1957. С. 109.

⁹² Сперанский Н.Н. Крестьянское движение в Самарской губернии в годы первой русской революции // 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925. С. 389.

⁹³ Кузьмин А.З. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905—1907 гг. Пенза, 1955. С.152.

⁹⁴ Шмыгин И. Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905—1907 гг. // Ученые записки УГПИ. Вып. VII. Ульяновск, 1955. С. 25, 46.

⁹⁵ Сенчакова Л.Т. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1989. С. 32.

⁹⁶ Саратовский листок. 1905. 2 ноября. С. 3.

Главное требование, предъявляемое к помещикам, заключалось тем самым в стремлении крестьян заставить своего основного противника «уволиться с насиженных мест». Уничтожение барской усадьбы и построек в координатах родового сознания выступало гарантией, что помещики не вернуться и земля останется крестьянам. Так, газета «Приволжский край» сообщала 8 ноября 1905 г.: «Рассказывают, что крестьяне свои действия объясняют так: «Земля и хлеб наши, движимость ваша, постройки же нужны нам, и мы их принесем в жертву своим предкам, из которых вы пили кровь».

Таким образом, если следовать определению террора, то погромы помещичьих усадеб подпадают под определение по критерию применения насилия или угрозы такового. Но вот только изменилась ли природа крестьянского бунта, можно ли его вписать в пространство революционного террора, а самих участников погромов назвать террористами? В ходе анализа не одного десятка крестьянских выступлений подобного рода явно прослеживается наличие определенной последовательности действий, некоего ритуала, технологии запуска массовой агрессии. Сценарий драмы при ближайшем рассмотрении включает в себя несколько основных фаз в саморазвитии погромного выступления: «согласование» переживаний через звуковые символы, зрительные образы, силу примера и т.д.; формирование образа объекта агрессии; принесение мнимой жертвы или выдвижение заведомо невыполнимых требований, т.е. провокационные действия толпы; превращение в массу, дающую анонимность действий, чувство силы и вседозволенности и, напротив, подавляющее чувство ответственности; удовлетворение потребности в регуляции сверхсильных эмоциональных состояний (в оценках мифологизированного сознания — удовлетворение свершившимся возмездием, наказанием сил зла); распад или самораспад массы. А при сравнении с крестьянскими восстаниями предыдущих эпох мы легко обнаружим совпадение алгоритма насильственных действий. Тем самым не срабатывает тезис о терроризме как системном явлении нового порядка, появившегося только в конце XIX столетия. Не решена на сегодняшний день и проблема вовлеченности крестьянства в революционную борьбу на стороне того или иного политического течения, выявления роли агитаторско-прокламационного вектора в массовых выступлениях. Архивные данные не позволяют точно высчитать удельный вес распропагандированного крестьянства в структуре бунтующей деревни⁹⁷. Скорее можно констатировать лишь то, что разгул

⁹⁷ Сухова О.А. Указ. соч. С. 110–111.

террористической деятельности выступал фактором, провоцировавшим традиционные формы крестьянского протеста, но существенно не менявшим содержание и направленность выступлений.

Новый тип крестьянина-террориста появится в 1917 г., когда в условиях черного передела и слабости репрессивной функции государства деревня перестанет соблюдать «правила», ритуальную практику бунта и погромы превратятся в массовые, нередко немотивированные акты насилия.

Как же в таком случае можно оценивать политические убийства, совершенные «всем обществом», «скопом», «толпой»? Так, в начале августа 1906 г. в с. Каменка Нижнеомовского уезда Пензенской губернии вспыхнуло стихийное восстание крестьян окрестных деревень (Кувака, Головинщина, Варежка, Студенец и др.), спровоцированное арестом бывшего депутата Государственной Думы В.Ф. Врагова. При попытке созвать сход по требованию вице-губернатора местный исправник Петров (виновник ареста депутата) подвергся неожиданному нападению около 300 крестьян: «...толпа сбила его с ног и начала зверски бить. Били чем попало, били бабы, нося в передниках камни и кирпичи, били и дети. Натешились вволюшку эти люди-звери. Даже один из них плясал вокруг трупа». Равнодушие к человеческой жизни поражает. Крестьянка П.М. Волова показала, что она вторично приходила поглядеть на убитого исправника. Он в это время был еще жив и тяжело стонал. Толпа по-прежнему не расходилась, но к раненому исправнику никто не подошел. Стоявшая крестьянка А.И. Данилушкина со злобой сказала: «...черт с ним, так ему и нужно»⁹⁸.

Таким образом, характеризуя наиболее дискуссионные проблемы революционного терроризма, следует отметить, что происхождение доброй половины из них связано с отсутствием целостной концепции, выстроенной с учетом новейших достижений в сфере методологии истории. Очевидно, что красной нитью через большинство сюжетов, представленных в данной статье, проходит главный конфликт рассматриваемой эпохи: между задачами либерализации, с одной стороны, и чрезвычайно устойчивой традиционной основой общества и своеобразием политического режима, с другой.

⁹⁸ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7664. Л. 88.

Сухова О.А.

REVOLUTIONARY TERROR IN RUSSIA: HISTORIOGRAPHY, METHODOLOGY AND FACTS

ased on Russian origin materials dated to the late 19th and beginning of the 20th centuries, the article touches upon the question of the origins and appearance of revolutionary terrorism in Russia. The author provides the essence and analyzes the explanations outlined by the scientific community. The author pays attention to the difficulty in dating the beginning and further stages of political terror in Russia, and depicting regional specificities, pointing out the importance of developing a historical-anthropological concept of terrorism. One of the key aspects of the historical-anthropological research is the study of the religious roots of Russian revolutionary terror. Analyzing this question, the author proves efficiency of the aberration concept of religiosity.

To define similarities and distinguishing features of the two waves of terror in Russia, the author turns to the social and socio-cultural background of the phenomena, showing the marginal nature of terror ideas follows.

The author states that it is important to avoid the scheme of defining terroristic actions simply as criminally liable ones-such perspective does not allow us to fully see the meanings and socio-political nature. According to the article, terror was rooted in the consequences of archaic polarization. The main conflict of the epoch can be seen in most of the cases highlighted in the article: the conflict between liberalization issues on one hand, and the extremely sustainable traditional background of society, and the specific political regime on the other.

Сухова Ольга Александровна

доктор исторических наук,
Пензенский государственный университет

НА СЛУЖБЕ ЗАГРАНИЧНОЙ АГЕНТУРЕ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ МВД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ростом революционной эмиграции перед органами политического сыска встала задача создания эффективной службы наблюдения за деятельностью российских революционеров в странах Европы и США¹. Заграничная организация российской политической полиции возникла в начале 80-х гг. XIX в. Общее руководство и наблюдение за организацией политического сыска во Франции сначала было возложено на русского посланника в Париже князя Н.А. Орлова². Ему было поручено вести борьбу с многочисленными революционерами, которые перебрались из России в Западную Европу и продолжали свою деятельность, организовывая заговоры и обличая самодержавие в прессе.

¹ См.: Лемке М. Наш заграничный сыск (1881–1883 гг.) // Красная летопись. 1923. № 5; Агафонов В.К. Заграничная охранка. Пг., 1918; Заграничная агентура Департамента полиции (Записки С. Сватикова и документы Заграничной агентуры). М., 1941; Перегудова З.И. Политический сыск в России (1880-1917 гг.). М., 2000.

² Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 180.

Однако наладить эту службу было крайне непросто. После убийства императора Александра II группа монархистов из высокопоставленных лиц, не надеясь на возможности государственной полиции, организовала свою службу, которая вошла в историю как «Священная дружина» (или «Священная лига»)³. Организация имела свою агентуру за рубежом. Однако представители «Священной лиги» часто не столько помогали полиции, сколько ей мешали. Они активно занимались провокационной деятельностью, поэтому полиция вела за ними наблюдение. Обе службы только мешали друг другу и друг друга дезориентировали⁴.

Началом истории Парижского бюро Заграничной агентуры – специального подразделения Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи принято считать 1883 год, когда для организации политического сыска за границей во Францию был направлен надворный советник П.В. Корвин-Круковский⁵. С созданием Заграничной агентуры Департамента полиции выявились все неудобства существования за рубежом «Священной дружины». Поэтому данная организация была расформирована, а часть ее агентов были приняты во вновь образованную службу. По данным А.Т. Сенчаковой, П.В. Корвин-Круковский в период 1881–1882 гг. являлся активным членом «Священной дружины», что во многом способствовало его успешной полицейской карьере на начальном этапе⁶.

³ «Священная дружина» («Священная лига») – тайная организация, созданная придворной аристократией в России летом 1881 г. для борьбы с революционным движением. Основана после покушения народолюбцев на царя Александра II. Ее деятельностью руководил центральный комитет, находившийся в Петербурге, во главе с П.П. Шуваловым. В руководство входили великие князья, министры и генералы. Организация имела разветвленную сеть шпионов и провокаторов, двойную конспирацию – не только от революционеров, но и от полиции. Участники «Священной дружины» громили подпольные типографии, пытались организовать политический сыск. Была создана обширная заграничная агентура, в Женеве издавались газеты «Вольное слово» и «Правда». В конце 1882 г. ее деятельность была прекращена. (См.: Сенчакова А. Т. «Священная дружина» и ее состав // Вестник МГУ. Серия 9. История. 1967. № 2)

⁴ См.: Перегудова З.И. Политический сыск России (1880-1917 гг.). М., 2000. С. 141.

⁵ См.: Колпакиди А. Спецслужбы Российской империи. Уникальная энциклопедия. М., 2010. С. 277; Перегудова З.И. Указ. соч. С. 141.

⁶ Сенчакова А.Т. Священная дружина и ее состав // Вестник МГУ. 1967. Серия 9. История. № 2. С. 77.

Внутри ведомства новая агентура была подчинена 3-му делопроизводству, а с 1898 г. — Особому отделу⁷ и финансировалась из казны⁸. В разное время у руля Заграничной агентуры стояли: П.В. Корвин-Круковский (июль 1883 г. — лето 1884 г.), П.И. Рачковский (лето 1884 г. — июнь 1902 г.), Л.А. Ратаев (июнь 1902 г. — август 1905 г.), А.М. Гартинг (август 1905 г. — февраль 1909 г.), В.И. Андреев, В.М. Долгов (февраль — ноябрь 1909 г.) и А.А. Красильников (ноябрь 1909 г. — 1917 г.).

Заведующий Заграничной агентурой Департамента полиции в 1884—1902 гг.
П.И. Рачковский

Оперативная деятельность Заграничной агентуры распространялась на страны Западной Европы (Австро-Венгрию, Англию, Бельгию,

⁷ Колпакиди А. Указ. соч. С. 277. Функции Департамента полиции распределялись по делопроизводствам, число которых постоянно менялось. К 1917 г. их насчитывалось 10: 1-9-е делопроизводства и Особый отдел. 3-е делопроизводство (1880—1917 г.) с момента организации и до 1898 г. носило название «секретное». Здесь были сосредоточены сведения, доставлявшиеся губернскими гражданскими и жандармскими начальниками обо всех возникавших в губерниях происшествиях, слухах, случаях, имевших политический характер. В 1898 г. из 3-го делопроизводства в качестве самостоятельной структуры был выделен Особый отдел, после чего оно потеряло характер секретности (См.: Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. Т. 2. СПб., 2001. С. 67—69).

⁸ Рууд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993. С. 119.

Германию, Голландию, Италию, Францию, Швейцарию), Скандинавию, США и Канаду.

Применявшиеся охранкой методы сбора и обработки информации требовали создания определенной справочной системы, а ее подход к сбору информации обуславливал использование в качестве агентов как российских, так и иностранных граждан⁹. В частности, наружным наблюдением Заграничной агентуры заведовали французы: Жан Генрих Бинт, оказывавший услуги русской полиции с 1881 г., Марсель Биттар-Монен и Альберт-Исидор Самбен¹⁰. Самостоятельных решений они не принимали, так как статус организации и поступающие из центра директивы лишали Парижское бюро каких-либо руководящих функций. Исключение составляли лишь те функции, которые относились к выполнению ею достаточно узкого круга задач, заключавшихся в сборе и доведении до вышестоящей инстанции сведений о деятельности оппозиционеров, революционно настроенных эмигрантов и их сторонниках за рубежом¹¹. О Заграничной агентуре в период деятельности А.А. Красильникова профессор В.К. Агафонов¹² писал: «...центром тяжести деятельности секретных сотрудников являлось «освещение». Заграничная агентура поставила себе целью знать все, что происходит не только в партийных организациях, но и в жизни каждого более или менее видного эмигранта, в его не только общественной, но и личной жизни»¹³.

Первые исследования по истории Заграничной агентуры с использованием ее архива связаны с именами В.К. Агафонова и комиссара Временного правительства С.Г. Сватикова. В течение нескольких месяцев они с другими членами Чрезвычайной следственной комиссии¹⁴ во главе с Е.И. Раппом разбирали и исследовали материалы Заграничной агентуры. В

⁹ См.: ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 1. Предисловие. С. 30.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 1. Carton 2. Reel 11.

¹¹ См.: ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 1. Предисловие. С. 27.

¹² Агафонов Валериан Константинович – председатель Парижского комитета по отправке политических эмигрантов в Россию, после февраля 1917 г. сотрудник уполномоченного председателя ЧСК по заведованию архивом Заграничной агентуры в Париже.

¹³ Агафонов В.К. Указ. соч. С. 129.

¹⁴ Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц (ЧСК) – образована при Министерстве юстиции постановлением Временного правительства от 4 марта 1917 г. В ее задачи входило расследование противозаконных по должности действий бывших высших чинов гражданского, военного и морского ведомств. Действовала до марта 1918 г.

1918 г. комиссия прекратила работу, а архив остался в распоряжении последнего российского посла в Париже В.А. Маклакова¹⁵.

В 1926 г. В.А. Маклаков тайно вывез документы в США и передал их на хранение в Стэнфордский университет. При сдаче документов были оговорены специальные условия передачи и хранения материалов. Согласно контракту, подписанному с Гуверовским институтом¹⁶ В.А. Маклаков передавал материалы в 16 опечатанных деревянных ящиках. Их можно было вскрыть и сделать достоянием гласности только спустя три месяца после его смерти¹⁷. Что и было сделано в июле 1957 г.¹⁸

В 1992 г. Роскомархив, Гуверовский институт войны, революции и мира при Стенфордском университете и английская издательская компания Чедвик-Хили (Кембридж) заключили договор об обмене микрофотокопиями. В соответствии с договорами 1993 и 1995 гг. в Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) поступило 4628 рулонов микрофильмов Гуверовского института на позитивной пленке (774 картона). Принятые на хранение в ГА РФ документы получили статус коллекции, приравненной к фонду¹⁹.

История Заграничной агентуры Департамента полиции недостаточно изучена. Кадровый вопрос оставался одним из наиболее уязвимых мест этой спецслужбы. На сегодняшний день в историографии нет точной информации о составе и численности людей, работавших на Заграничную агентуру с момента ее учреждения и до ликвидации в марте 1917 г. Поэтому публикуемый ниже список (96 фамилий) секретных сотрудников, осведомителей, а также лиц, предлагавших агентурные услуги Департаменту полиции МВД Российской империи, представляет собой ценный исторический источник.

¹⁵ Маклаков Василий Алексеевич (1869-1957) — один из лидеров кадетов, адвокат. Депутат Государственной думы II, III и IV созывов. Во время Февральской революции 1917 г. комиссар Временного комитета Государственной думы в Министерстве юстиции. В 1917 г. посол во Франции. Эмигрант.

¹⁶ Гуверовский институт войны, революции и мира — политический исследовательский центр в США, входящий в систему Стэнфордского университета. Библиотека Гуверовского института — одно из крупнейших зарубежных хранилищ по истории России периода Первой мировой войны и революции 1917 г.

¹⁷ См.: ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 1. Предисловие к описи. С. 28.

¹⁸ См.: *Перегудова З.И.* Указ. соч. С. 143; Ульяницкий К.Б. Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира в ГАРФ // *Россия в США: Сборник статей.* М., 2001. С. 309-323. (Материалы к истории русской политической эмиграции; вып. 7). Научная сеть: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187340&s=>

¹⁹ ГА РФ. Ф. 10003; *Ульяницкий К.Б.* Указ. соч.

Секретные сотрудники Заграничной агентыры Департамента полиции МВД Российской империи

1 октября 1917 г.

Париж

В Бюро Исполнительного комитета Парижского совета представителей политических организаций²⁰ поступил для опубликования от комиссии, занимавшейся, по уполномочию Чрезвычайной следственной комиссии, разбором архива Парижского бюро Заграничной розыскной агентыры Департамента полиции, нижеследующий документ:

...В настоящее время выяснены личности всех секретных сотрудников, состоявших на службе в Заграничной агентыре, в момент ее ликвидации; установлены также и многие из тех, которые ранее состояли за границей осведомителями охраны, или предлагали ей свои услуги. Все их имена публикуются ниже...

АБРАМОВ, Исаак Леонтьев[ич] (Лейбов[ич]). По соц[иалистам]-рев[олюционерам]. Секретарь женеvской группы «Призыва». Германия. Швейцария. С давних лет до последнего времени. Агентырная кличка — «Шарпантье». Жил в Женеве: 7, rue Vêrgalone.

АЛЕКСЕЕВ, Алексей Ильи[ч], петербург[ский] мещан[ин]. Доносчик. Париж. 1912 г.

АЛЬБАУМ (Эльбаун), Калман Харимов[ич], сын частного поверенного. По анархистам. Лондон. 1912 г. Получал 75 руб. в месяц. Кличка «Cognulent». Приметы: род[ился] в 1886 г., роста выше среднего, блондин, глаза серые, нос и губы толстые, лицо полное. Получал 250 фр[анков] в месяц. Уехал в Россию.

АНКЕРМАН, Вульф Зельманов[ич], мещ[анин] г. Варшавы, рабочий. По анархистам. Революц[ионная] кличка «Файвишь-токарь». Париж.

²⁰ Исполнительный комитет Парижского совета представителей политических организаций для отправки политэмигрантов в Россию — образован в Париже в марте 1917 г. после объявления в России всеобщей политической амнистии. Для организации работы по отправке политэмигрантов на заседания Совета 13 апреля 1917 г. был избран исполком, в задачи которого входило: установление контактов с эмигрантскими организациями, группами и отдельными лицами, проживавшими в провинциальных городах Франции, Италии и Швейцарии; сбор сведений о количестве лиц, желавших выехать в Россию; составление списков эмигрантов; подготовка групп для выездов и др. Исполком был упразднен 4 сентября 1917 г., поскольку после отъезда большинства эмигрантов сократился объем работы. Однако Совет продолжал еще действовать в течение 1918-1919 гг.

1908-1911 гг. Кличка «Белый». Получал 150 фр[анков] в месяц. Жил: 3, rue de Pressoirs, Paris.

БАЙКОВСКИЙ Николай, редактор журнала «Родина». Освещал мазепинское движение. Сев[ерная] Америка. Кличка «Guichon». Получал 900 фр[анков] в месяц. Жил: Toronto, Ontario, Canada, 235, Scaton Street.

БАТУШАНСКИЙ (он же Барит), Борис Яковлев[ич], дантист. По соц[иал]-дем[ократам]. Париж. 1905-1909 гг. Кличка «Бабаджан». Уехал в Россию.

БЕЙТНЕР, Лев Дмитриев[ич], дворянин. Освещал Бурцева, польских социалистов и пр. Париж. 1893-1908 гг. Клички: «Москвич» и «Крафтов». Получал до 24000 фр[анков] в год.

БЕЙТНЕР, Мария Дмитриевна (она же Мария Львовна Петрова). Сестра провокатора Л.Д. Бейтнера. По с[оциалистам]-р[еволюционерам]. 1911-1912 гг. Париж. Кличка «Жюльета». Получала до 350 фр[анков] в месяц. Вернулась в Россию.

БРОДСКИЙ, Болеслав Болеславов[ич]. Был секр[етным] сотрудником Варшавского и Петербургского охранных отделений. Находясь летом 1910 г. в Париже «раскался» перед Бурцевым. В 1911 г. вступил в связь с Заграничной агентурой, но в 1914 г. Департамент полиции приказал прервать с ним сношения.

БРОНТМАН, Евсей Григорьев[ич] (Овший Гершев[ич]), он же Этер Александр. По соц[иалистам]-рев[олюционерам]. Париж. Кави-ди-Лавания (Италия). Англия. С 1908 г. до последнего времени. Клички «Ниль» и «Пермяк». Получал 700 фр[анков] в месяц. Жил: 14-16, Montagne Street, London W.C. Род[ился] в 1887 г.

БРЯНДИНСКИЙ, Матвей Иванов[ич], бывший учитель; уроженец г. Казани. По с[оциал]-д[емократам]. Франция. Бельгия. 1912-1913 гг. Клички «Вяткин» и «Крапоткин». Получал 400 фр[анков] в месяц. Уехал в Россию.

БАКМАН, Яков Ефимов[ич], мещанин г. Кишинева. Окончил курс Римского университета по юридич[ескому] факультету. По с[оциалистам]-р[еволюционерам]. Италия. С 1906 г. до последнего времени. Получал 600 фр[анков] в месяц. Кличка «Rossini». Живет в Риме: 7, via Margutta. Приметь: родился в 1880 г. (приблизительно), роста среднего, волосы русые с рыжеватым оттенком, бритый, худощавый, начинает заметно лысеть.

ВЕЙСМАН, Симон Моисеев[ич] (Шимон Мовша-Мордков[ич]). Вена. С 1895 г. по 1903 г. Кличка «Орлов». Приметь: род[ился] (приблизительно) в 1870 г., роста среднего, шатен, густые усы.

ВЕРЕЦКИЙ, Николай Николаев[ич], бывший студент, по с[оциалистам]-р[еволюционерам]; освещал Бурцева. Франция. Клички:

«Бернард» и «Осипов». Получал до 500 фр[анков] в месяц. Назывался: Б. Мухин, А.Н. Нилов и Ф.Н. Клячко. 1912-1913 г. Приметы: род[ился в] 1883 г., среднего роста, волосы светло-русые, длинные усы, лицо овальное, худое, нос толстый. Находится в России на военной службе.

ВОСКРЕСЕНСКИЙ Михаил, по соц[иалистам]-рев[олюционерам]. Париж. До 1909 г. Кличка «Попович». Уехал в Россию.

ВЫРОВОЙ, Захар Иванов[ич], столяр. Быв[ший] член Госуд[арственной] думы 1-го созыва. По анархистам. Париж. 1909-1915 г. Клички: «Орлик» и «Копчик». Получал до 400 фр[анков] в месяц. Уехал в Россию.

ГЕЙГЕР Иван; род[ился] в 1885 г. в Виртенберге (Германия); называл себя Перовым. Доносчик. 1913 г. Жил в Париже: 9, rue Gay-Lussac.

ГЕРЦИГ (Герцык), Борис (Борух) Яковлев[ич], был студентом Женевского университета; пользовался паспортом на имя Дмитрия Бекчиева. По соц[иал]-демократам. Кличка «Данчик». Швейцария. 1908 г.

ГЕКЕЛЬМАН, Абрам (он же Ландезен и Гартинг Аркадий Михайлович), злостный провокатор в деле народовольцев (Париж, 1890 г.). Заведывал с 1903 г. по 1909 г. Заграничной агентурой. Живет во Франции.

ГОЛЬДЕНДАХ, Евгений Юльев[ич]; Кличка «Дасс». Доносил на Буржева. Париж 1912 г. Получал 200 фр[анков] в месяц. Служил во французской армии, в Алжире.

ГОНЧАРОВ, Степан Григорьев[ич], крестьянин Старобельского уезда, слоб[оды] Литвиновки; род[ился в] 1888 г., токарь. По анархистам. Париж. С 1913 г. Кличка «Рено». Получал 100 фр[анков] в месяц. Жил: 25, boulevard Auguste-Blanqui, XIII, Paris.

ГОНЧАРОВ, Яков Дементьев[ич]. По анархистам. 1911 г. Франция. Кличка «Иваненко». Приезжал из Одессы.

ГУДИН, Василий Григорьев[ич], сын крестьянина, быв[ший] студент Технологического Института в Петербурге. По соц[иал]-дем[ократам], большевикам. Бельгия. Англия. С давних лет до последнего времени. Кличка «Нэй». Получал 400 фр[анков] в месяц. Жил в Ливерпуле: 15, Cressingham, boulevard Marine Park, New-Brighton. Приметы: род[ился в] 1886 г., высокого роста, блондин, плотного телосложения.

ГУДМАН, Альберт, дезертир (быв[ший] рядовой 4-го стрелк[ового] полка, 1-й стрел[ковой] бригады), торговец; в 1912 г. предлагал свои агентурные услуги; жил в Север[ной]. Америке: Чикаго, 2445, Wentworth Ave.

ГУРАРИ, Лев (Леон), дантист. Общее освещение. Париж. 1902-1910 гг. Получал до 600 фр[анков] в месяц.

ГУТМАН, Моисей, по соц[иалистам]-рев[олюционерам]. Париж. 1908 г. Кличка «Турок». В 1908 г. уехал в Южную Германию.

ДЕМЕТРАШВИЛЛИ, Андрей Гаврилов[ич], крест[ьянин] Горийско-го уезда Тифлисской губ. По с[оциалистам]-р[еволюционерам]. Париж. С 1909 г. до последнего времени. Клички «Малоросс» и «Скосс». Получал до 500 фр[анков] в месяц. Приметы: родился в 1886 г., среднего роста, брюнет, носит усы, плотного телосложения. По ходатайству Департамента полиции освобожден от воинской повинности.

ДИЖУР, Аврум-Шлиона Мееров-Залманов[ич]; родился в 1882 г. в м[естечке] Звенигородке. Назывался ДЕНГАРТ. Живя за границей, предлагал в 1906 г. выдать главарей железнодорожного союза.

ДЛИКМАН (Гликман и Глюкман), Мовша Мордков[ич], рязан[ский] мещан[ин], род[ился в] 1880 г. По соц[иалистам]-рев[олюционерам]. Париж. 1911 г. Клички «Ангарцев» и «Ballet». Получал 250 фр[анков] в месяц. Живет в Париже.

ДОЛИН, Вениамин Мошков[ич]. По анархистам. Швейцария. С давних лет до последнего времени. (Застрелился в 1917 г. в Одессе). Кличка «Шарль». Получал до 600 фр[анков] в месяц. Жил под фамилией «Полонский».

ДОРОЖКО, Федор Матвеев[ич], крест[ьянин] Гродн[енской] г[убернии], кожевник; по соц[иалистам]-рев[олюционерам] — максималистам. Париж. 1906-1910 гг. Клички: «Мольер» и «Клернон». Получал до 600 фр[анков]. Уехал в Сев[ерную] Америку.

ЕВАЛЕНКО, Александр Марков[ич]. Книготорговец в Нью-Йорке. Общее освещение. С восьмидесятых годов. Клички: «Кузнецов», «Сурин» и «Сергеев». Живет в Нью-Йорке.

ЕРОФЕЕВ, Леонид Михайлов[ич]. Шлиссельбург[ский] мещанин. Авантюрист. Болгария. Париж. По соц[иалистам]-рев[олюционерам]. 1908-1912 гг. Кличка «Фальстаф». Назывался «Островский» и «Сергеев».

ЖИТОМИРСКИЙ Яков Абрамов[ич], доктор. По с[оциал]-д[емократам] — большевикам. Германия. Франция. С 1902 г. до последнего времени. Клички «Додэ», «Андре» и «Ростовцев». Получал до 2000 фр[анков] в месяц. Находится во Франции.

ЗАГОРСКАЯ, Мария Алексеевна. По соц[иалистам]-рев[олюционерам]. Клички «Шальной» и «Шарни». Франция. С 1909 г. до последнего времени. Получала до 3500 фр[анков] в месяц. Живет теперь на юге Франции.

ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, Шимон Людовиков[ич]. По Бунду; кличка «Алекс». 1906-1907 г. Лемберг, Варшава. Вернулся в Россию.

ЗИНОВЬЕВ, Александр (он же Золотаренко), свободный художник. По соц[иалистам]-рев[олюционерам]. Освещал Бурцева. Париж. Клички: «Матиссэ» и «Сенатор». Получал 500 фр[анков] в месяц. Находится во Франции.

КАВТАРАДЗЕ, Виктор Иванов[ич], дворянин, житель с. Торджала, Шаропанского уезда. Состоя слушателем Женевского университета, в 1913 г. изъявлял готовность оказывать агентурные услуги.

КАГАН, Аврум Перцев[ич], уманский мещанин. По соц[иалистам]-рев[олюционерам]. Нью-Йорк. С 1916 г. Кличка «Анастасьев».

КАМИНЧАН, Гавриил Спиридонов[ич], мещанин г. Кишинева. По соц[иалистам]-рев[олюционерам]. Швейцария. 1910-1911 гг. Кличка «Инженер». Уехал в Россию.

КАПЛУН, Борис Борисов[ич], сын делопроизводителя туркестанского военного губернатора. По соц[иал]-дем[ократам]. Женева. 1907 г. Кличка «Петр». Получал 300 фр[анков] в месяц. Вернулся в Россию.

КЕНСИЦКИЙ, Мечислав Александров[ич], бывший служащий Варшавского магистрата; по соц[иалистам]-рев[олюционерам]—максималистам. Париж 1906-1908 гг. Революционные клички: «Метек», «Феликс» и «Ипполит».

КОГАН, Борис Вениаминов[ич]. По Бунду. Кличка «Генерал». Торонто (Канада) и Стокгольм (под фамилией Андерсен Андрей). С 1909 г. до последнего времени. Получал до 800 фр[анков] в месяц.

КОЗЛОВ, Яков Тимофеев[ич]. По соц[иалистам]-рев[олюционерам]. Франция. С 1912 г. до последнего времени. Кличка «Уярский». Приметы: рост 2 ар[шина] 6 1-4 вер[шка], волосы темно-русые, глаза темно-серые, лицо смуглое, с легкими следами оспы. Жил до последнего времени в Лионе: 50, Bid des Brotteaux.

КОКОЧИНСКИЙ, Игнатий Мошков[ич] (Маврикиев[ич]), запасный унтер-офицер. По Бунду. Польск[ие] соц[иалисты]. Париж. С 1910 г. до последнего времени. Кличка «Гретхен». Получал 1200 фр[анков] в месяц. Живет: 6, rue N che, Chatillion s/Vagneux и 11, rue Marguerin, Paris. Освобожден от воинской повинности по ходатайству Департамента полиции.

КОРНФЕЛЬД, Игнатий Емильев[ич], сын купца, род[ился] в 1860 г. Секретный сотрудник Департам[ента] полиции. Париж. 90-е гг.

КОТОВИЧ, Филимон. Состоял агентом у Манусевича-Мануйлова в Италии, 1903 г. Жил: Рим, via Batlegte-Oscure, 15.

КОФФ, Вальдемар, эстонец, родился в 1882 г., служил по сельскому хозяйству (скотоводом) в имениях Мельниковой (Петроградской губ.) и Ратькова-Рожнова (в Режецком уезде). Предлагал в 1910 г. освещать соц[иалистов]-рев[олюционеров].

КАЧЕВИЧ, Петр, называл себя журналистом. Доносчик. Италия. 1910-1911 гг. Подписывался «Рафаэль». Жил: Villa Berio, Pallanza, Compagna de Madona.

КРЕВИН, Вильгельм Янов[ич], латыш, по анархистам. Бельгия. Сев[ерная] Амер[ика]. 1913-1914 гг. Клички: «Марс» и «Старик». Получал 250 фр[анков] в месяц. Назывался «Рекшан».

КУРАНОВ, Михаил Ф. (он же Высоцкий и Серебряков). По соц[иалистам]-рев[олюционерам]. Париж. Был в Электротехнической школе. С 1912 г. до последнего времени. Кличка «Монт». Получал 350 фр[анков] в м[есяц].

КУРЬЯНСКИЙ, Герман Шлемов[ич] (Георгий Соломонов[ич]) из Белостока. Лондон. 1909-1910 гг. Кличка «Светлицкий». Получал 250 в мес[яц].

КУРЬЯНСКИЙ, Овсей Соломонов[ич] (из Белостока), 1902-1910 гг. Кличка «Карно». Получал 250 фр[анков] в месяц.

МАКАРЕВИЧ, Захарий Викентьев[ич], крестьянин Ошмянского уезда, приказчик, род[ился] в 1883 г. По соц[иал]-дем[ократам]. Вологда. Лондон. 1911 г. Кличка «Волков».

МАСС, Александр Михайлов[ич]. По соц[иалистам]-рев[олюционерам]. Париж. 1912 г. Кличка «Николь». Получал до 1000 франков в месяц. Уехал в Америку.

МИРТОВ, Сергей Васильев[ич], бывший студент Петроградского университета. В октябре 1909 г. предлагал услуги для разоблачения «буржеских розысканий». Жил в Париже: 132 bis, rue de la Tombe Issoire.

МОДЕЛЬ, Арон-Яков Хаимов-Ицков[ич], врач (на русском фронте); по соц[иал]-дем[ократам]. Базель. С 1911 по 1916 гг. Кличка «Мартен». Получал до 300 фр[анков] в месяц. Теперь в России.

НЕЙШТАДТ, Виктор Мордухов[ич], могил[евский] меш[анин]. Базель. 1907 г.

ОРЛОВСКИЙ, Адольф, быв[ший] студент петерб[ургского] Лесного института. Настоящая фамилия может быть ГЕРМАНТ. По анархистам. Брюссель. Голландия. 1913-1917 гг. Кличка «Космополит». Получал до 350 фр[анков] в мес[яц]. Жил: 69, Poldejschtraat, La Hay. Уехал в Россию.

ОРЛОВ, Альберт Михайлов[ич], (он же и Шугерман), уроженец местечка Коссово, Гроднен[ской] губ. Осведомитель по Лондону. С 1913 г. Кличка «Сименс». Получал 400 фр[анков] в месяц. Жил: 39, Vichor road, Cambridge Head, London E.

ПАТРИК, адвокат; по соц[иалистам]-рев[олюционерам]. Париж, потом Нью-Йорк. Клички: «Марго», «Невер» и «Люси». Рев[олюционная] кличка «Жорж». Старый сотрудник. Получал до 1500 фр[анков] в месяц.

ПЕРСИЦ, Исаак (он же Первиц), сын московского домовладельца. Доносчик и аферист. Назывался профессором Лоди, предлагал свои аген-

турные услуги в 1901 г. В 1916 г. осужден в России за мошенничество на каторжные работы. Родился приблизительно в 1883 г., среднего роста, блондин, полное бритое лицо, почти лысый, толстый, с крупным брюшком, говорит на нескольких языках.

ПЕТРОВ, Александр Иванов[ич]. Быв[ший] студент Военно-Медицин[ской] академии в Петербурге. Род[ился] в 1879 г. По соц[иал]-дем[ократам]. Париж. 1912 г. Кличка «Мишло». Рев[олюционная] кличка «Олег».

ПИЛЕНАС, Казимир. Осведомитель по Лондону. 1909-1912 гг. Кличка «Руссель». Получал до 600 фр[анков] в месяц.

ПОЗНАНСКИЙ, Лейба Амшеев[ич], мещанин Кременчуг[ского] уезда. Род[ился] в 1885 г. Доносил о Бурцеове. Париж. 1912 г. Кличка «Кодак». Получал до 200 фр[анков] в месяц. В 1915 г. жил в г. Туре (Франция).

ПОПОВ, Антон Платонов[ич], живет под фамилией Семенов Даниил. По союзу моряков. Англия. С 1912 г. до последнего времени. Кличка «Американец». Получал до 800 фр[анков] в месяц. Жил в Париже: 31, rue Delombre. Находится во Франции.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, Михаил Николаев[ич], быв[ший] студент технического училища в Митвейде (Саксония). Уроженец Екатеринославской губ. По студенческим делам. 1910 г. Потом жил на юге Франции. Кличка «Баун». Приметы: блондин, среднего роста, род[ился] в 1887 г.

РАБИНОВИЧ, Григорий (он же Романович). Доносчик и шантажист. Париж. Женева. Италия. В 1912 г. был выслан из Франции.

РУСИНОВ, Михаил Аркадьев[ич]. Род[ился] в 1887 г. По соц[иалистам]-рев[олюционерам]. Париж. 1910 г. Тогда же застрелился. Кличка «Прево». Получал 500 фр[анков] в месяц. Назывался еще «В. Русин», «Т. Маркин» и «И. Елкин».

РУДЕНКО, Валериан Дмитриев[ич], рабочий; по анархистам. Париж. 1913 г. Кличка «Валериан».

САВЕНКОВ, Алексей Михайлов[ич], ссыльно-поселенец из кр[естьян] Рязан[ской] губ. Париж и с 1914 г. — Италия (Кави ди Ливания). По соц[иалистам]-рев[олюционерам]. С 1913 г. до последнего времени. Кличка «Франсуа». Получал 700 фр[анков] в месяц. Живет во Флоренции. Приметы: родился, приблизительно, в 1875 г.; роста выше среднего; плотного телосложения; светлый блондин; небольшие усы; правая рука парализована.

САНВЕЛОВ, Минас Степанов[ич] (он же Санвельян). По соц[иалистам]-рев[олюционерам]. Заведывал редакцией газеты «Дрошак». С 1913 г. до последнего времени. Кличка «Лебук». Получал 650 фр[анков] в месяц. Родился в 1881 г.

СЕЛИВАНОВ, Николай Петров[ич] (он же Шабельский, называл себя и Виктором Комаровским). Сын мещанина г. Ельца. По соц[иалистам]-рев[олюционерам]. Освещал Бурцева. С 1912 г. до последнего времени. Кличка «Вебер». Получал 450 фр[анков] в месяц. Живет в Лондоне.

СЕГАЛЬ, Меер Иоселев[ич], мещанин г. Бельска, Гродненс[кой] губ.; рев[олюционная] кличка «Мирон». Проживал и по паспорту на имя Карла Осипов[ича] Рихтера. Секр[етный] сотрудник Белостокского охр[анного] отделения, по анархист[ам]. Псевдоним «Владимиров». Париж. Берлин. 1910 г.

СЕМАНЮК, Иван. Состоял агентом у Манусевича-Мануйлова в Италии, 1903 г. Жил: Рим, via Battegte-Oscure, 15.

СЕРАФИМОВ, Михаил, бывший [секретный] сотрудник Елисейского* губ[ернского] жандармс[кого] упр[авления]. Кличка «Мишель». Получал 300 фр[анков] в месяц. По соц[иалистам]-революционерам. Париж 1910-1911 гг.

СТААЛЬ, Алексей Георгиев[ич], уроженец г. Херсона. По Союзу черноморских моряков. 1912-1914 гг. Кличка «Зверев». Получал 100 р[ублей] в месяц. Константинополь. Александрия. Марсель. Париж: служил волонтером во франц[узской] армии. Жил: Nogent sur Marne, 22, Bd de Strasbourg. Находится во Франции. Родился в 1881 г.

СТЕПАНОВ, Василий Яковлев[ич], быв[ший] студент Московского университета (юридический фак[ультет]). Предлагал свои услуги в августе 1908 г. в качестве «тайного агента»; жил тогда в г. Риге, д. 5, Шлонская ул[ица] (у матери).

ТАГИАНОСОВ, Леон Сергеев[ич], бывший прапорщик запаса. Предлагал в 1912 г. свои услуги по освещению «дашнаков». Родился, приблизительно, в 1878 г., рост 1 м[етр] 76 сан[тиметров], волосы темные, глаза карие, носил бороду.

ТЕНЕНБАУН, Меламед Наум[ович]. По соц[иал]-дем[ократам]. Лозания (Швейцария). Секр[етный] сотрудник Одесского охранного отд[еления]; разоблачен в 1908 г.

ТОБИАНСКИЙ, Георгий Альтов[ич] (Georges de Tobiansky d'Altoff), инженер, поляк, бельгийский подданный; в 1902 г. предлагал свои агентурные услуги. Жил: Bruxelles, 70, Bd Charlemagne.

ТУМАРИНСОН, Михаил Борисов[ич], дантист. По анархистам. Париж. 1909 г. Клички: «Механик», «Техник» и «Максаков». Получал 250 фр[анков] в месяц. Уехал в Россию.

УСОВ, Сергей Николаев[ич]. По соц[иалистам]-рев[олюционерам]. Кличка «Вода». Уехал в Россию.

* Так в тексте. Опечатка. Следует: Енисейского.

ФАБР, Георгий Александров[ич], родился в 1865 г., учился в Москве в Петропавловском реальном училище, был преподавателем языков в пражской гимназии в Варшаве; просился на службу в Заграничную агентуру в 1912 г. Жил тогда в г. Ловиче.

ФЛЕЙШМАН, Абрам Симонов[ич], лучинецкий мещан[ин] Подольск[ой] губ. Доносчик. Париж. 1911 г. Кличка «Альма». Получал 200 фр[анков] в месяц.

ЦЕТЛИН, Татьяна Максимов[на] (она же Мария Цихоцкая), состояла секр[етным] сотрудн[иком] Петербургского охр[анного] отд[еления]. По соц[иалистам]-рев[олюционерам]. 1908-1909 гг. Париж. Жила: 18, rue Berthollet. Была разоблачена и уехала в Россию.

ЦЫЦИН, Иван Иванов[ич], из мещан г. Мологи. Состоял секретным сотрудником Петербургского охранного отделения. По соц[иалистам]-рев[олюционерам]. Жил в Париже под фамилией Лисовского. Застрелился в январе 1913 г.

ЧЕКАН, Николай, он же Каган Илья, уроженец Харьков[ской] губ. По соц[иалистам]-рев[олюционерам]. Кличка «Серж». Франция. С 1912 г. до посл[еднего] времени. Получал 250 фр[анков] в мес[яц]. Жил в Париже: 66, rue Vaugoult. Теперь во французской армии.

ЧИЖИКОВ, Борис (Берка) Вульффов[ич] (он же Найдорф, Найденберг и Найдов), мещанин, род[ился] в 1882 г. Рев[олюционная] кличка «Борис Лондонский». Агентурный псевдоним «Иост». По анархистам. Швейцария. Убит 25 мая 1908 г. в Женеве.

ЧИРЬЕВ, Илья Васильев[ич], сын статского советника. По максималистам. Париж. 1910-1911 гг. Кличка «Катя». Получал 250 фр[анков] в месяц. Находится в Париже.

ШАХНОВСКИЙ Натан (Насон) Либерманов[ич]. Быв[ший] студент Высшей технич[еской] баденск[ой] школы в Карлсруэ, 1909 г. Кличка «Южный».

ШВАРЦ, Лев Соломонов[ич], из Одессы. Париж. 1907 г.

ШТАКЕЛЬБЕРГ, Сергей Александров[ич], барон, поручик. По соц[иалистам]-рев[олюционерам]. Клички «Пьер», «Петровский». Революц[ионная] кличка «Бронский». Получал до 1300 фр[анков] в месяц. Париж. 1913-1917 гг. Находится в Париже. Приметы: лет 32-х, средн[его] роста, светлый блондин, худощавый, бритый, носит монокль. До последнего времени служил в русской артиллерийской миссии в Париже.

ШТОККЕР, Арнольд, механик, швейцарский подданный, род[ился] в 1867 г.; предлагал свои агентурные услуги в 1909 г. Имел электротехническую мастерскую в Мюнхене (5, Thierschtrasse).

ШУСТЕР, Иван (Ян) Германов[ич], из крестьян Виндавского уезда; по латыш[ским] соц[иал]-дем[ократам]. Кличка «Поль». С 1910 г. до последнего времени. Получал до 600 фр[анков] в месяц. Жил около Цюриха: 163, Zurichstrasse.

ЯВОРКОВСКИЙ, Вольф, был секр[етным] сотрудником у жандармск[ого] офиц[ера] Грибоедова в Белостоке в 1905 г.; предлагал свои услуги Заграничной агентуре, но не был принят. Жил тогда в Берлине: 125, Linienstr[asse], в квартире Эрмана.

ЯКОБСОН, Г.Н. По соц[иалистам]-рев[олюционерам]. Париж. 1912–1913 гг. Клички: «Корбо» и «Воронов». Назывался «Михневич». Получал 350 фр[анков] в месяц. Уехал в Бразилию, куда ему писали по адресу: Rio Janeiro, 40, Rua de Sao Gabriel, Meyer Cachurbg.

ЯНСОН, Густав Фридрихов[ич], газемпотский мещанин, (по паспорту), латыш. По соц[иал]-дем[ократам]. Антверпен. Копенгаген. 1910 г. Кличка «Панама». Получал 250 фр[анков] в месяц.

ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 1. Carton 2. Reel 11. Опубликовано: Бюллетень Исполнительного комитета Парижского совета представителей политических организаций. 1917. № 7.

ON RUSSIAN EMPIRE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS FOREIGN INTELLIGENCE SERVICE

This article represents a document from the Hoover Institution on War, Revolution and Peace Library (microfilm collection), which is connected to the history of the Russian Empire secret police foreign department undercover work. This nominal list of agents contains the following information: surname, first name and second name, agent's social background, line of work (profession), nickname, time of employment (employment period), payment details (payment rates), place of residence, and sometimes distinguishing features. This document dated October 1, 1917 includes 96 names. It was first published by the Executive Committee of Parisian Council of Political Organizations Representatives as a supplement to Bulletin # 7. However, this list of foreign agents is far from complete. How many employees there were in both the Secret Police and the Foreign Department remains a debatable question.

На службе Заграничной агентуры
Департамента полиции МВД
Российской империи

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии:

Карпова Наталья Аркадьевна,

ведущий специалист Отдела научно-информационной

и справочной работы Государственного архива Российской Федерации

ЖЕРТВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА В РОССИИ (1901—1912)

о различных оценкам в период с 1901 по 1912 год в России в ходе развернувшегося террора было убито и ранено свыше 17 тыс. человек. В 1906—1907 годах «политическое насилие» достигло наибольшего размаха.

По данным полиции, в среднем в день погибало до 18 человек. Гибли по долгу службы не только жандармские приставы и, как тогда принято было говорить, нижние полицейские чины, но и министры, губернаторы и их заместители, генералы и строевые офицеры, священнослужители, врачи, инженеры, изобретатели, купцы и коммерсанты, волостные старосты и простые рабочие. Не избежал этой скорбной участи и известный реформатор, председатель Совета министров Российской империи П.А. Столыпин. Одно из покушений на него — взрыв дачи премьер-министра на Аптекарском острове в Санкт-Петербурге — считается наиболее крупным актом политического террора в России по числу жертв: погибло 30 человек, ранено — 70. Тогда П.А. Столыпин остался жив. Смерть от руки убийцы настигла его 5 лет спустя. Ниже приведены краткие биографии лишь некоторых из тех, кто погиб в этом кровавом безумии.

1901

Боголепов Николай Павлович (1846–1901), министр народного просвещения. Убит 14 февраля 1901 года. Родился в Серпухове в семье квартального надзирателя. Окончил с золотой медалью 1-ю Московскую гимназию. Учился на юридическом факультете Московского университета. Профессор римского права Московского университета. Ректор Императорского Московского университета. С 1895 года — попечитель Московского учебного округа. В 1898 назначен министром народного просвещения. При Боголепове начали строиться общежития при университетах. Одновременно решительно настаивал на подавлении студенческих волнений, прекращение любой политической деятельности в университетах. Оппозиционно настроены преподаватели увольнялись, а студенты, замеченные в беспорядках, отчислялись из университетов и отдавались в солдаты. Боголепов похоронен на Дорогомиловском кладбище в Москве.

Министр народного просвещения был убит членом РСДРП П.В. Карповичем, ранее отчисленным из Дерптского университета за участие в студенческих забастовках. Карпович был арестован и приговорен к 20 годам каторжных работ. Освобожден по амнистии в 1907 году. В дальнейшем присоединился к боевой организации эсеров, входил в группу Б.В. Савинкова. Одно время жил в Лондоне. После Февральской революции 1917 года решил вернуться в Россию. Теплоход, на котором находился П.В. Карпович, был торпедирован немецкой подводной лодкой. П.В. Карпович погиб.

1902

Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902), министр внутренних дел. Убит 15 апреля 1902 года. Из дворян Московской губернии. Окончил Петербургский университет. Назначался московским и курляндским губернатором. Министру внутренних дел был вынесен «смертный приговор» боевой организацией эсеров. В помещение Государственного совета вошел посетитель в офицерской форме, якобы доставивший пакет на имя Сипягина. Когда министр взял пакет в руки, неизвестный произвел пять выстрелов, от которых Сипягин через час скончался. Похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге. Покушавшимся был член боевой организации эсеров, студент Киевского университета С.В. Балмашев. По приговору суда повешен в Шлиссельбургской крепости в 1902 году.

1903

Богданович Николай Модестович (1856–1903), уфимский губернатор, действительный статский советник. Убит 6 мая 1903 года. Родился в семье военного историка, заслуженного профессора, генерал-лейтенанта Модеста Ивановича Богдановича. Окончил Санкт-Петербургский университет. Был Тобольским губернатором. Возглавлял Главное тюремное управление министерства внутрен-

них дел. В 1896 году назначен Уфимским губернатором. Застрелен в Ушаковском парке Уфы. Боевая организация эсеров вынесла Богдановичу «смертный приговор» за его участие в подавлении волнений в Златоусте. Убийство совершил Е.О. Дулебов, который бросил листок к ногам убитого им губернатора с «приговором». С места преступления убийце удалось скрыться. Позже Дулебов был арестован полицией в 1905 году, но отпущен по амнистии в 1907 году. Заболел психическим расстройством и скончался в психиатрической больнице в 1909 году.

1904

Бобриков Николай Иванович (1839—1904), генерал-губернатор Финляндии, член Государственного Совета, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Скончался от полученного ранения 5 июня 1904 года. Родился в Стрельне в семье старшего ординатора Петербургского военно-сухопутного госпиталя Ивана Васильевича Бобрикова.

Получил образование в 1-м кадетском корпусе, после окончания которого был зачислен в лейб-гвардии Уланский полк. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Среди лучших выпускников академии направлен для прохождения службы в Генеральный штаб. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В 1898 года назначен генерал-губернатором Финляндии и командующего войсками Финляндского военного округа. Активно проводил политику русификации Финляндии. Покушение на Бобрикова произошло 3 июня 1904 года в здании Финляндского сената. Генерал-губернатор получил серьезное ранение и через день скончался. Стрелявший произвел несколько выстрелов на лестнице, по которой поднимался Бобриков. Одна из пуль попала в шею, вторая — в живот. Третья отскочила от ордена на груди генерала. Покушавшийся Эйген Шауман, сын финляндского сенатора, застрелился на месте преступления.

Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904), министр внутренних дел, действительный тайный советник. Убит 15 июля 1904 года. Окончил Калужскую Николаевскую гимназию с золотой медалью. Учился на юридическом факультете Московского университета, по окончании которого удостоен степени кандидата права. Руководил Департаментом государственной полиции. Плеве на этом посту осуществил разгром террористической организации «Народная воля». Им была разработана и внедрена система тайной агентурной работы внутри революционных организаций. В мае 1881 года принял участие в работе Комиссии по составлению Положения о государственной охране. В 1885 году занял пост товарища министра внутренних дел. После убийства министра Д.С. Сипягина в 1902 году назначен министром внутренних дел и был одновременно шефом корпуса жандармов. Погиб при взрыве брошенной в его экипаж бомбы.

Убийство Плеве было хорошо спланированной акцией эсеров-боевиков. Непосредственно в покушении участвовало четверо метальщиков бомб, которые должны были завершить покушение в случае промаха одного из них. Министр погиб от бомбы, брошенной Е.С. Сазоновым. Убийца от взрыва также получил ране-

ния и был схвачен на месте преступления. Сазонов покончил с собой в каторжной тюрьме в 1910 году. В его честь в СССР были названы улицы в Уфе и Челябинске.

Алексеев-Вилли Николай Иванович (? — 1904), полковник в отставке. Убит в Варшаве 11 ноября 1904 года. Происходил из семьи плененного при штурме Измаила казаками Платова турецкого солдата, которому приходился внуком. Его отец принимал участие в Отечественной войне 1812 года в составе Войска Донского. Сам Н.И. Алексеев-Вилли участвовал в Русско-турецкой войне 1877—1878 годов в чине сотника. В отставку вышел в 1890 году. Неизвестные ворвались в квартиру отставного начальника, застрелив его и еще одного квартиранта. Находившийся там же зашедший с письмами почтальон был тяжело ранен. Предполагается, что убийцы приняли отставного полковника за его сына, также полковника, принимавшего активное участие в подавлении революционного движения. Убийцам удалось скрыться.

1905

Великий князь Сергей Александрович (1857—1905), московский градоначальник, генерал-губернатор. Убит в Москве 4 февраля 1905 года. Великий князь Сергей Александрович пятый сын императора Александра II. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878. Командир лейб-гвардейского Преображенского полка. С 1891 года московский военный генерал-губернатор; с 1896 года командующий Московским военным округом. Для студентов, приехавших в Москву, Сергей Александрович организовал общежития при Московском университете. При нем завершилось сооружение новой очереди Мытищинского водопровода, в Москве началось регулярное трамвайное движение. 1 января 1905 года великий князь покинул пост Московского генерал-губернатора. Состоял президентом, председателем, членом или благотворителем многих научных обществ и организаций: Московского архитектурного общества, Дамского попечительства о бедных в Москве, Московской духовной академии, Московского филармонического общества, Комитета по устройству при Московском университете Музея изящных искусств имени императора Александра III, Московского археологического общества, а также состоял почетным членом Академии наук, Академии художеств, Общества художников исторической живописи, Московского и Петербургского университетов, Московского археологического общества, Общества сельского хозяйства, Общества любителей естествознания, Русского музыкального общества, Археологического музея в Константинополе и Исторического музея в Москве, а также Московской Духовной Академии, Православного миссионерского общества, Отдела распространения духовно-нравственных книг. Погиб от взрыва брошенной в его карету бомбы. Смертельные ранения получил и кучер. Отпевание князя проходило в соборе Кремлевского кафедрального Чудова монастыря. Единственный из великих князей, скончавшихся в царствование Николая II, который не был похоронен в Петропавловском соборе Петербурга. Его останки были преданы земле в храме-усыпальнице, устроенном под Алексеевским собором Чудова монастыря, снесенном в 1930 году.

В 1995 году при раскопках могила великого князя была обнаружена и перенесена в Новоспасский монастырь. На месте гибели Сергея Александровича в Кремле открыт памятник-крест, который был снесен в 1918 году, причем в сносе памятника принимал участие В. И. Ленин.

Убийство было совершено эсером И.П. Каляевым, до этого уже участвовавшим в покушении на министра внутренних дел В.К. Плеве. Каляев был схвачен полицией и приговору суда повешен в Шлиссельбургской крепости. В своей книге «Конь бледный» Б.В. Савинков, который являлся одним из организаторов покушения на Великого князя, писал и о И.П. Каляеве.

Вдова Сергея Александровича великая княгиня Елизавета Федоровна, старшая сестра императрицы Александры Фёдоровны — супруги Николая II, посетила в тюрьме убийцу своего мужа и простила его, подарив евангелие и маленькую иконку. Она же просила императора Николая II о помиловании убийцы. После гибели мужа продала свои драгоценности и на вырученные деньги купила на Большой Ордынке в Москве усадьбу, где расположилась основанная ею Марфо-Мариинская обитель милосердия. Сестры обители занимались благотворительностью и оказывали медицинскую помощь всем, кто обращался к ним. Елизавета Федоровна была арестована большевиками после Октябрьской революции в 1918 году, а затем убита — сброшена в шахту Новая Селимская в 18 км от Алапаевска вместе с другими членами императорской фамилии. В 1992 году прославлена в лике святых Русской православной церкви. После взятия Алапаевска частями Белой армии гроб с телом великой княгини, как она и просила в своем завещании, был захоронен на Святой земле в Иерусалиме.

Шувалов Павел Павлович (1859—1905), Московский генерал-губернатор, генерал-майор, граф. Убит 28 июня 1905 года. Учился в Пажеском корпусе и в Михайловском артиллерийском училище.

Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 годов. С 1891 адъютант великого князя Сергея Александровича

В 1905 года назначен московским градоначальником. Был убит во время обычного приема посетителей в доме градоначальника на Тверском бульваре несколькими выстрелами из револьвера в упор. В приемной градоначальника находились посетители. Один из них резко открыл дверь кабинета. На вопрос градоначальника «Чем могу служить?» ответом прозвучали выстрелы. Шувалов похоронен в родовой усыпальнице графов Шуваловых в Санкт-Петербургской губернии.

Покушение осуществил член Боевой организации эсеров П.А. Куликовский. Суд приговорил Куликовского к повешению, но после подачи прошения о снисхождении на «высочайшее имя» приговор был смягчен. Смертная казнь была заменена бессрочными каторжными работами. После Февральской революции 1917 года П.А. Куликовский участвовал в политической жизни Якутска. В дальнейшем примкнул к Белому движению. Участник антибольшевистского восстания в Якутии. Был назначен председателем Временного Якутского областного народного управления. В марте 1923 года взят в плен частями Красной армии. Покончил с собой.

Сахаров Виктор Викторович (1848—1905), военный министр, генерал-адъютант. Убит 22 ноября 1905 года. Окончил военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В 1898 году назначен начальником главного штаба. Сахаров был назначен военным министром вместо убитого на театр военных действий во время Русско-японской войны генерал-адъютанта П.А. Куропаткина. 21 июня 1905 года Сахаров оставил свой пост и направлен в командировку для прекращения аграрных беспорядков в Саратовской губернии. 22 ноября 1905 года Сахаров был застрелен в Саратове, в доме губернатора П.А. Столыпина. Был женат, имел 3 детей.

Убийство осуществила эсерка А.А. Биценко (урожденная Камористая). В 1938 году арестована по обвинению в принадлежности к террористической организации. Расстреляна в соответствии с приговором Военной коллегией Верховного суда СССР.

Катерфельд Адольф Германович (1855—1905), вольнопрактикующий врач. Убит в Тукумском уезде Курляндской губернии 25 ноября 1905 года. Родился в Курляндии в семье пастора. Окончил Митавскую гимназию. Учился на математическом факультете Петербургского университета, однако вскоре перевелся на медицинский факультет Дерптского факультета. В 1904 году во время Русско-японской войны в составе летучего санитарного отряда, организованного курляндским дворянством, направляется в качестве врача в Манчжурию на театр военных действий. Участники бунта явились к врачу с требованием выдать оружие, которого у врача не было. Несколько человек ворвались в дом с обыском и обнаружили охотничье ружье, случайно оставленное на чердаке проживающим по соседству лесничим. Ружье было изъято. Однако на следующий день к нему явились представители революционного комитета с заявлением, что Катерфельду вынесен смертный приговор за сокрытие оружия. Самодеятельный «приговор» был приведен в исполнение незамедлительно. Двое из участников расправы впоследствии были приговорены к смертной казни.

Бекман Иосиф Иванович (1855—1905), почтово-телеграфный служащий 1-го разряда, надворный советник. Убит 10 декабря 1905 года в Либаве. Из крестьян Лифляндской губернии. Окончил Дерптское уездное училище. Во время забастовки Бекман отказался подписаться под требованием о проведении забастовки. После окончания смены был застрелен неизвестными у дверей почтового ведомства.

Войлошников Александр Иванович (1868—1905), начальник Московской сыскной полиции. Убит в Москве 14 декабря 1904 года. Родился и вырос в Москве на Пресне. Поступил в полицию после увольнения из армии в чине прапорщика. Дом в Волковом переулке на Пресне, в котором проживал начальник сыскной полиции, во время Декабрьского восстания 1905 года в Москве был окружен вооруженными дружинниками. И хотя сам начальник

сыска не имел дело с «политическими» заключенными, а занимался расследованием исключительно уголовных дел, революционный комитет вынес в его отношении смертный приговор. Чтобы избавить семью от неминуемой расправы, А.И. Войлошников сам вышел навстречу боевикам без оружия. Спустя некоторое время в соседнем дворе раздались выстрелы. Позже на теле Войлошникова было обнаружено 25 огнестрельных ран. После учиненной расправы дружинники вновь пришли на квартиру Войлошникова с «обыском», в ходе которого были изъяты все деньги и другие ценности. Начальник Московского сыска похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве. Руководил бессмысленным убийством «максималист-экспроприатор», как он сам себя называл, 24-летний некий В.В. Мазурин. В марте 1906 года именно им было организовано небывалое по дерзости ограбление Общества взаимного кредита. Тогда было похищено 875 тыс. рублей — невиданная по тем временам сумма. В.В. Мазурин был пойман и по приговору военно-полевого суда повешен в Таганской тюрьме в августе 1906 года.

Миллер Николай Павлович (1848—1905), подполковник 180 Виндавского полка. Убит в Тукумсе 14 декабря 1905 года. Из дворян Кубанской области. Окончил Рижское пехотное юнкерское училище и офицерскую школу. Убит во время нападения на драгунскую команду, направленную в Тукумс для умирения беспорядков.

Богданович Николай Евгеньевич (1870—1905), вице-губернатор Тамбовской губернии. Смертельно ранен в Тамбове. Скончался 17 декабря 1905 года. Родился в Петербурге в семье генерала Евгения Васильевича Богдановича. В десятилетнем возрасте был зачислен в пажи к императору Александру III. Учился в Пажеском корпусе. Окончил Императорский Александровский лицей. Поступил на службу в Министерство внутренних дел. В июне 1905 году получил назначение на пост вице-губернатора Тамбовской губернии. 15 декабря у подъезда губернаторского дома Богдановича остановил человек в крестьянской одежде и протянул какую-то бумагу. Вице губернатор даже не успел рассмотреть очередное прошение, как посетитель вынул из-за пазухи револьвер и выстрелил. Пуля оказалась разрывной. Через 2 дня вице-губернатор скончался.

Вешпер Андрей Андреевич (1863—1905), письмоводитель Венденского уезда. Убит 26 декабря 1905 года. Из крестьян Козенской волости Венденского уезда Лифляндской губернии. Окончил Венденское уездное училище. Служил в 15 резервном кадровом пехотном батальоне в Риге. Уволен в запас фельдфебелем. Убийцы вызвали к себе письмоводителя во время церемонии крещения сына его сослуживца. Был расстрелян на пороге собственного дома.

Шпаков Вавила Никитович (1865—1905), начальник станции «Люблин». Убит 28 декабря 1905 года. Родился в г. Старый Быхов Могилевской губернии. Окончил Полоцкую учительскую семинарию. До 1892 года работал учителем, затем перешел на службу на железную дорогу. Выступил во время революции

1905–1907 годов против забастовки на вверенной ему ж/д станции и организовал бесперебойное движение поездов. Был убит во время церемонии похорон одного из служащих станции, скончавшегося накануне. Убийца задержан.

1906

Белавинцев Михаил Терентьевич (1842–1906), начальник 30-го артиллерийского парка, полковник. Убит 3 января 1906 года в Минске. Участник Русско-турецкой 1877–1878 годов и Русско-японской 1904–1905 годов войн. Застрелен по дороге домой двумя выстрелами, произведенными с близкого расстояния. Убийцы найдены не были. По данным следствия, полковник Белавинцев был убит по ошибке, так как его приняли за председателя Минского военно-полевого суда.

Грязнов Федор Федорович (1855–1906), начальник штаба Кавказского военного округа, генерал-майор. Убит 16 января 1906 года. Окончил Нижегородскую военную гимназию и 2-е Константиновское военное училище. В 1880 году Грязнов окончил Николаевскую академию генерального штаба и поступил в Офицерскую кавалерийскую школу. Был командиром 45-го драгунского Северского полка и лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. В 1903 году назначен начальником Николаевского кавалерийского училища. Преподавал в Николаевской академии генерального штаба курс тактики кавалерии. Написал книгу «Конница». В 1905 году был назначен начальником штаба Кавказского военного округа. Получил смертельное ранение в Тифлисе от взрыва бомбы.

Слепцов Павел Александрович (1862–1906), тверской губернатор, действительный статский советник. Убит 25 марта 1906 года. Из дворян Пензенской губернии. Образование получил в Императорском Александровском лицее, который окончил в числе лучших выпускников. Состоял чиновником Министерства внутренних дел. Занимался продовольственными вопросами в период голода в ряде российских губерний в 90-е годы XIX века. П.А. Слепцов был киевским вице-губернатором, позже становится воронежским губернатором, затем назначается полоцким губернатором. В 1905 году становится тверским губернатором. П.А. Слепцов был убит взрывом бомбы, брошенной под губернаторский экипаж. Тело губернатора было разорвано в клочья.

Покушение совершено эсерами-боевиками. Непосредственным исполнителем был некто В.В. Чекальдин, позднее казненный по приговору суда.

Тронин Василий Аркадьевич (1872–1906), преподаватель Иркутской церковно-учительской семинарии. Убит 20 апреля 1906 года. Происходил из семьи диакона. Окончил Вятскую духовную семинарию. Был миссионером Вятской епархии. По долгу службы часто общался с сектантами, посещал их модельные дома. Выступал с лекциями на тему «Религия и социализм». Его изуродованный труп был обнаружен после нескольких дней поисков пропавшего преподавателя.

Коновницын Сергей Николаевич (1866—1906), начальник охраны генерал-губернатора Москвы, граф. Убит 23 апреля 1906 года. Окончил Московский лицей в память Цесаревича Николая и Тверское кавалерийское училище. Зачислен в 1-й лейб-драгунский Московский полк. Вышел в отставку и жил в своем имении Сапожковского уезда Рязанской губернии. Был земским начальником. Во время Русско-японской войны 1904—1905 годов добровольцем направился в действующую армию. Был ранен. В 1905 году вернулся в Москву для лечения. Во время Декабрьского восстания в Москве по собственной инициативе попросился в охрану генерал-губернатора, адмирала Ф.В.Дубасова. Убит во время покушения на генерал-губернатора.

В коляску Дубасова боевик-революционер Борис Вноровский бросил бомбу, от взрыва которой погиб и сам террорист.

Снесарев Василий Михайлович (1876—1906), мастер Невского судостроительного завода. Убит в Санкт-Петербурге 26 апреля 1906 года. Родился в Тамбове в семье пристава. Работал мастером в снарядной мастерской Берда. Четыре года служил солдатом в Нейшлотском полку. Во время работы агитировал против забастовок и манифестаций. В него неоднократно стреляли, а его дом поджигали. Застрелен по дороге домой. Сиротами остались трое детей.

Кузмич Константин Павлович (1846—1906), командир Санкт-Петербургского порта, вице-адмирал. Убит 1 мая 1906 года. К.П. Кузмич происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии. Окончил Морской кадетский корпус. Служил на флоте. Занимал должность начальника штаба Черноморского флота. Затем был назначен начальником столичного порта. Проявлял заботу о рабочих, которые относились к адмиралу с уважением. Начальник порта погиб во время переговоров с бастовавшими рабочими. Убийца нанес удар заточкой, после которого адмирал через несколько часов скончался. По свидетельству очевидцев, покушавшийся на жизнь адмирала был не из числа портовых рабочих.

Деркачев Павел Павлович (1866—1906), полицмейстер Белостока. Убит 28 мая 1906 года. Уроженец Полтавской губернии. Закончил юнкерское пехотное училище. Служил в Вятском полку, затем был переведен на службу в полицию. Узнав о волнениях в Белостоке, направился без сопровождения жандармов к месту событий. Пролетка полицмейстера была обстреляна. В общей сложности было выпущено 40 пуль. Деркачев скончался на месте.

Максимов Сергей Прокофьевич (1864—1906), старший судовой механик крейсера «Память Азова», подполковник. Убит 19 июня 1906 года. Из дворянской семьи. Окончил Кронштадтское реальное училище и Морское инженерное училище. Лично провел электричество в своей квартире, установил телефон. Многие приборы были сделаны им собственноручно, в т.ч. и действующий рентгеновский аппарат. Застрелен во время бунта на корабле. Перед смертью

старшего механика пытали с помощью напильника. Вся его каюта была залита кровью. Его тело с привязанным на шее камнем было сброшено в море. Убийца был выявлен после подавления бунта и расстрелян.

Чухнин Григорий Павлович (1848–1906), командующий Черноморским флотом, вице-адмирал. Убит 28 июня 1906 в Севастополе. Из дворян Херсонской губернии. Окончил Морской кадетский корпус. Служил на кораблях военно-морского флота. Младший флагман Тихоокеанской эскадры. Был начальником Николаевской морской академии и директором Морского кадетского корпуса. 2 апреля 1904 года назначен Главным командиром Черноморского флота и портов Черного моря. Хорошо рисовал, в совершенстве владел английским, увлекался садоводством. В результате покушения, совершенного 27 января 1906 года во дворце адмирала террористкой, прибывшей под видом посетительницы, получил ранения в плечо и живот, но остался жив. Адмирал утвердил в качестве командующего смертный приговор матросам Черноморского флота, принявшим участие в бунте. Вслед за этим эсерами был вынесен «смертный приговор». Чухнин был убит на собственной даче «Голландия» в результате покушения, организованного группой Б.В. Савинкова. Похоронен в соборе Святого Владимира в Севастополе

Конкретный исполнитель преступления остался неизвестен. Подозревался помощник садовника на даче «Голландия». Позднее выдвигалась версия, что этим самым помощником садовника был советский писатель-маринист Николай Никандров.

Цукатто Николай Михайлович (1845–1906), командир Ченстоховской бригады Отдельного корпуса пограничной стражи, генерал-майор, граф. Убит 15 июля 1906 года. Окончил Горицкий земледельческий институт и Тверское кавалерийское училище. Погиб при нападении банды налетчиков на казначеев, следовавших тем же поездом, что и генерал. Согласно предположениям полиции, захваченные при налете деньги и оружие, предназначались для боевых дружин. Убийцы задержаны не были.

Козлов Сергей Владимирович (1853–1906), генерал-майор. Убит в Петергофе 16 июля 1906 года. Родился в семье гвардейского полковника. Окончил в 1872 году Пажеский корпус с производством в корнеты лейб-гвардии конного полка. Принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов в составе Владикавказского конного полка, в который был переведен из лейб-гвардии по собственному желанию с целью принять участие в боевых действиях. Сражался под Плевной. Участник Русско-японской войны 1904–1905 годов. Был женат на правнучке генералиссимуса А.В. Суворова. Застрелен на глазах публики в Нижнем саду Петергофа. Как выяснилось впоследствии, убит по ошибке вместо похожего на него генерал-губернатора Санкт-Петербурга генерал-майора Д. Ф. Трепова.

Убийца, революционер Васильев, был казнен.

Родионов Александр Андреевич (1854—1906), капитан 1-го ранга. Убит в Кронштадте 19 июля 1906 года. Окончил Морской корпус. Участник Русско-японской войны 1904—1905 годов. Во время Цусимского морского сражения командовал броненосцем «Адмирал Нахимов», который получил тяжелые повреждения и вынужден был выйти из боя. Родионов принял решение затопить вверенный ему корабль, чтобы он не попал в руки врага. Капитан, как и положено морскому офицеру, последним покинул борт тонущего броненосца. В бессознательном состоянии был выловлен из воды японскими рыбаками. После освобождения из плена получил назначение на должность начальника 20-го флотского экипажа в Кронштадт. Во время Кронштадтского мятежа Родионов получил шесть штыковых ран. Лицо капитана 1-го ранга было разбито прикладами. Одновременно с Родионовым погиб и ряд офицеров, которые вместе с их семьями были растерзаны толпой.

Блок Иван Львович (1858—1906), самарский губернатор, действительный статский советник. Убит 21 июля 1906 года. Родился в Санкт-Петербурге. Из дворян. Родной дядя известного поэта Александра Блока. Окончил Санкт-Петербургское императорское училище правоведения. Служил в министерстве внутренних дел. Был уфимским вице-губернатором и гродненским губернатором. Назначение в Самару получил в 1906 году. Решительно пресекал любые революционные выступления в городе. Погиб при взрыве бомбы, брошенной в экипаж губернатора. При похоронах вместо оторванной взрывом головы в гроб положили шар из ваты. Похоронен в Уфе на Сергиевском кладбище. После 1945 года его могила была уничтожена.

Убийца был схвачен на месте преступления.

Башков Иван Иванович (1857(?)—1906), мастер ж/д мастерских в Ростове-на-Дону. Скончался от полученных ранений 27 июля 1906 года. Уроженец Владимирской губернии. За свой труд в мастерских удостоен ордена Св. Станислава III степени. Делегировался выборщиком в Государственную Думу. Застрелен неизвестными во дворе собственного дома.

Замятнин Александр Николаевич (1857—1906), адъютант премьер-министра и министра внутренних дел Российской империи П. А. Столыпина, генерал-майор. Погиб во время покушения на премьер-министра России П.А. Столыпина на Аптекарском острове в Санкт-Петербурге 12 августа 1906 года. Из дворян Рязанской губернии. Окончил Николаевское кавалерийское училище. Служил в 11-м драгунском Изюмском полку. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Был адъютантом командира 11-го армейского корпуса, адъютантом командира Отдельного корпуса жандармов, чиновником для особых поручений при министре внутренних дел, штаб-офицером для особых поручений при министре внутренних дел, генералом для особых поручений при министре внутренних дел. В день покушения на П.А. Столыпина швейцар, бывший жандарм, обратил внимание на двух полицейских, подъехавших к даче

премьер-министра на извозчике, но одетых в каски старого образца. Швейцар пытался не пустить «жандармов» в приемную, но те оттолкнули его. Тогда на помощь пришел генерал Замятин. Понимая, что дальше им не пройти, террористы, бросили под ноги Алексеева свои портфели, в которых находилось взрывное устройство. Произошел мощный взрыв, в результате которого Замятин погиб. Фактически благодаря именно ему П.А. Столыпин остался жив.

Накашидзе Михаил Александрович (1873–1906), изобретатель первого в мире броневедомоги, штабс-ротмистр, князь. Погиб во время покушения на премьер-министра России П.А. Столыпина на Аптекарском острове в Санкт-Петербурге 12 августа 1906 года. Выходец из старинного грузинского княжеского рода Накашидзе, сын генерала от кавалерии А.Д. Накашидзе. Получил военное образование. Служил в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку. Участник Русско-японской войны 1904–1905 годов. На театр военных действий в Манчжурии отправился добровольно, поскольку ко времени начала войны находился в отставке и занимался коммерцией. Интересовался автомобилями. Автор книги «Автомобиль, его экономическое и стратегическое значение для России». Основал Варшавское товарищество эксплуатации автомобилей, получившее известность под именем «Интернационал». В дальнейшем был руководителем броневедомога на французской фирме «Шаррон, Жирардо э Вау». По проекту Накашидзе было построено несколько броневедомог «Накашидзе-Шаррон», которые доставили в Россию. Интересный факт: 2 из таких броневедомог были задержаны на германской таможне, а сами броневедомога впоследствии были замечены на маневрах ландвера. Броневедомога разрабатывался с учетом опыта боевых действий против Японии, когда возникла идея «неуязвимой повозки для пулемета». Немаловажным было и то обстоятельство, что пулеметы, располагавшиеся в то время на орудийных лафетах, были достаточно легкой мишенью для артиллерии противника. Первоначально проект для русской армии реализовывался на средства фирмы. Накашидзе даже готов был лично испытать свое изобретение на поле боя. Идею использования броневедомога Накашидзе решил представить лично председателю совета министров П.А. Столыпину. Князь записался на прием к премьер-министру, принимавшему просителей на собственной даче на Аптекарском острове 12 августа 1906 года. Именно в этот день эсеры пытались пронести в здание бомбу, во время взрыва которой Накашидзе погиб. В ходе возникшего пожара погибла и вся документация на броневедомога – чертежи, коммерческие договоры и технические расчеты.

Хвостов Сергей Алексеевич (1855–1906), пензенский губернатор, действительный статский советник. Погиб во время покушения на премьер-министра России П.А. Столыпина на Аптекарском острове в Санкт-Петербурге 12 августа 1906 года. Из семьи потомственных дворян Орловской губернии. Его отец А.Н. Хвостов был камергером его величества, член Орловского комитета дворянства по подготовке крестьянской реформы 1861 года. С.А. Хвостов

приходился также братом Черниговскому губернатору А.А. Хвостову и дядей А.Н. Хвостову, занимавшим пост министра внутренних дел Российской империи в 1915–1916 годах. Учился в московской частной гимназии Поливанова. Окончил юридический факультет Московского университета. Служил в Сумском гусарском полку. Деятель земского движения. В 1880 году избран Орловским губернским земством членом Елецкого уездного присутствия по крестьянским делам. В 1883 году избран почетным мировым судьей Елецкого округа Орловской губернии и участковым земским начальником. Избирался уездным, а затем губернским земским гласным. В период с 1884 по 1892 годы неоднократно исполнял обязанности елецкого уездного предводителя дворянства. В 1895 году назначен председателем Орловской губернской земской управы. В 1901 году занял пост владимирского вице-губернатора. Большое внимание уделял сохранению исторического наследия и культурных памятников. В 1904 году С.А. Хвостов был утвержден в должности губернатора.

Шаховской Николай Владимирович (1856–1906), историк, экономист, литературовед, автор сатирических стихов, князь. Скончался от ран, полученных во время покушения на премьер-министра России П.А. Столыпина на Аптекарском острове в Санкт-Петербурге, 19 августа 1906 года. Окончил Пятую Московскую гимназию и историко-филологический факультет Московского университета. Служил в Министерстве народного просвещения, затем был чиновником Министерства иностранных дел и Министерства внутренних дел. В 1894 году назначен цензором Московского цензурного комитета, затем председателем Петербургского цензурного комитета. Позже Шаховский был утвержден в своей новой должности – начальника Главного управления по делам печати. На приеме у премьер-министра был с просьбой об отпуске.

Мин Георгий Александрович (1855–1906), командир лейб-гвардии Семеновского полка, свиты его величества генерал-майор. Убит 13 августа 1906 года. Из дворян. Окончил 1-ю классическую гимназию в Петербурге. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Участвовал вместе со своим полком в подавлении Декабрьского (1905 года) восстания в Москве. Действовал жестко и решительно. За короткий срок вооруженное сопротивление в Москве было подавлено. Без суда солдатами полка было расстреляно свыше 150 участников боевых дружин. Во время одного из боев Мин увидел двух убитых «семеновцев». Когда ему сказали, что солдаты были застрелены выстрелами сзади, указав на дом, откуда стреляли, Мин поинтересовался: «Почему этот дом до сих пор стоит целым?!» Незамедлительно артиллерийским огнем строение было снесено. В.И. Ленин именовал генерала «дикой собакой». Убит на глазах у жены и дочери четырьмя выстрелами в спину на перроне станции Новый Петергоф. Был похоронен в Введенском соборе лейб-гвардии Семеновского полка, снесенном после революции.

Убийство было совершено эсеркой З.В. Коноплянниковой, повешенной по приговору суда 29 августа 1906 года.

Шарыгин Михаил Михайлович (1852—1906), прокурор Ташкентской судебной палаты, действительный статский советник. Убит 6 сентября 1906 года в Ташкенте. Окончил Императорское училище правоведения, поступил в Министерство юстиции. Служил в Оренбурге, Уфе, Туркестане. Одно из последних назначений — должность товарища прокурора судебной палаты в Тифлисе, а затем председателя Тифлисского окружного суда. В 1903 году Шарыгин был назначен на пост прокурора Ташкентской судебной палаты. Прокурору приходили многочисленные письма с угрозами, но которым он не придавал значения. Был застрелен одним из посетителей в своем рабочем кабинете. Шарыгин скончался на месте.

Покушавшийся некий 18-летний Бадрицкий был схвачен на месте преступления при попытке бежать через окно кабинета прокурора и предан военному суду. Бадрицкий был приговорен к повешению, но из-за несовершеннолетия помилован. Смертный приговор был заменен каторгой сроком на 20 лет.

Николаев Евгений Иванович (1871(?)—1906), полковник 3-й лейб-гвардейской артиллерийской бригады. Убит в Варшаве 6 сентября 1906 года. Из дворян Курской губернии. Окончил Полтавский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Один из разработчиков теории и практики артиллерийских стрельб. Талантливый офицер был застрелен двумя неизвестными, подошедшими к нему о чем-то спросить на одной из улиц в Варшаве. Один из покушавшихся произвел несколько выстрелов уже в мертвого полковника. Преступники найдены не были. Сиротой осталась двухлетняя дочь. Похоронен в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге.

Яковлев Давид Григорьевич (1859—1906), начальник Варшавской конвойной команды. Убит в Варшаве 12 сентября 1906 года. После окончания Ставропольской гимназии и Тифлисского юнкерского училища служил в Ставропольском пехотном полку, затем переведен на службу в конвойную команду. Убит неизвестными. Был женат, имел четырех детей.

Ринкевич Иван Михайлович (1854—1906), военный прокурор Туркестанского военного округа, генерал-майор. Убит 18 сентября 1906 года в Асхабаде. Из дворян Витебской губернии. Окончил 2-е Константиновское военное училище. Служил в Кексгольмском гренадерском полку. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, был во многих боях. В 1883 году окончил Военно-юридическую академию. Был помощником военного прокурора Московского военного окружного суда, военного следователя Твери. На должность военного прокурора того же суда назначен 6 марта 1906 года. Застрелен во время судебного заседания, назначенного в связи с беспорядками в войсках.

Старынкевич Константин Сократович (1858—1906), губернатор Симбирска. Скончался от полученных ранений 21 сентября 1906 года. Родился в семье президента Варшавы С.И. Старынкевича. Окончил юридический факуль-

тет. Служил в артиллерии. Был командиром 4-й батареи гвардейской конной бригады, полковник. Служил офицером для особых поручений при министре внутренних дел. Занимал посты Олонецкого вице-губернатора, а затем вице-губернатора Курляндии. Назначался Томским, а затем Харьковским губернатором. 25 июля 1906 года Старынкевич занял пост Симбирского губернатора. 21 сентября 1906 года при взрыве бомбы получил ранения, которые привели к заражению крови. Скончался через два дня после покушения.

Игнатъев Алексей Павлович (1842—1906), член Государственного совета, генерал от кавалерии, граф. Убит 9 декабря 1906 года в Твери. Сын председателя Комитета министров Российской империи графа П.Н. Игнатъева. Отец генерал-лейтенанта Красной армии А.А. Игнатъева, автора книги «Пятьдесят лет в строю». Окончил Пажеский корпус. Поступил на службу в лейб-гвардии Гусарский полк. В 1862 году окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Командовал кавалергардским полком. В 1885 году назначен Иркутским генерал-губернатором, в 1889 году товарищем министра внутренних дел. Назначался киевским генерал-губернатором. В 1905 году стал председателем «особого совещания для пересмотра установленных для охраны государственного порядка исключительных законоположений» и «особого совещания по делам веротерпимости». Выступал против созыва Государственной думы. Был одним из противников графа С.Ю. Витте, занимавшего пост председателя Совета министров Российской империи. Убит во время губернского собрания в Твери 6 выстрелами из револьвера.

Литвинов Николай Михайлович (1845—1906), генерал-губернатор Омска, генерал-майор. Убит в Омске 15 декабря 1906 года. Из дворян Пензенской губернии. После окончания частного лицея поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1863 году участвовал в усмирении польского мятежа. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Отличался личной храбростью. Принимал участие в боях у Аладжинских высот, штурме Карса и осаде Эрзерума. После окончания военных действий служил при штабе Харьковского военного округа, затем был прикомандирован к Министерству внутренних дел. Был адъютантом великого князя Константина Николаевича. Принимал участие в усмирении волнений на Ставрополье, действуя путем переговоров. В 1906 году назначен на пост губернатора в Омске. Современники характеризовали губернатора как человека общительного и веселого. Расстрелян по пути домой 3 заговорщиками, которые сперва ранили генерала, а затем произвели «контрольный» выстрел в голову. Убийцам удалось скрыться. Причем один из них застрелил приказчика местного магазина, бросившегося преследовать убийцу. Похоронен на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге.

Павлов Владимир Петрович (1851—1906), Главный военный прокурор Российской империи, начальник Главного военно-судного управления, член Военного Совета, генерал-лейтенант. Убит 27 декабря 1906 года. Окончил

Орловскую военную гимназию и Павловское военное училище. Службу начал в Измайловском полку. Затем поступил в Военно-юридическую академию, которую окончил в числе лучших выпускников в 1876 году. С этого времени занимается исключительно военно-юридической деятельностью. Занимал должности военного прокурора Харьковского военно-окружного суда, военного судьи в Петербурге. В 1894–1905 годах был военным прокурором Петербургского военно-окружного суда. В 1905 году назначен Главным военным прокурором. Был одним из инициаторов принятия закона о военно-полевых судах, в связи с которым регулярно получал анонимные письма с угрозами. Убит переодетым в матросскую форму террористом после того, как в Государственной думе депутаты-кадеты пригрозили ему расправой, а в газете «Речь» появилась статья, назвавшего Павлова «палачом», стоящим «по колено в крови». Похоронен в Новодевичьем монастыре Санкт-Петербурга

Фон дер Лауниц Владимир Федорович (1855–1906), градоначальник Санкт-Петербурга, генерал-майор. Из остзейских дворян. Убит 21 декабря 1906 года. Родился в семье генерал-лейтенанта Ф.Ф. фон дер Лауница. Окончил Пажеский корпус. Служил в Александрийском и Гродненском гусарских полках. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. После окончания войны состоял при заведующим гражданскими делами в Болгарии, при Софийском и Адрианопольском губернаторах. В 1887 году вышел в отставку в чине полковника. В 1895 году избран Харьковским уездным предводителем дворянства. В 1901 году назначен Архангельским вице-губернатором. В 1902 году назначен Тамбовским губернатором. С 1905 года градоначальник Санкт-Петербурга. Именно в период его градоначальства в столице Российской империи в 1906 году в Таврическом дворце начала работу I Государственная дума, открыты высшие женские историко-литературные и юридические курсы. Принимал решительные меры против террористов.

На Лауница предпринято в общей сложности 15 покушений. Застрелен выстрелом в затылок террористом Кудрявцевым во время освящения новой клиники Петербургского медицинского института. Убийца застрелился на месте преступления.

Гартвиг Константин Андреевич (1879–1906), чиновник Почтово-телеграфного ведомства. Убит в Саратове 29 декабря 1906 года. Родился в семье мелких собственников в селе Скатовка Самарской губернии. Обучался в Саратовской гимназии. Участник Русско-японской войны 1904–1905 годов. Имел награды. Трое покушавшихся расстреляли чиновника прямо на улице и бросились бежать, преследуемые полицией. Во время бегства покушавшиеся стреляли во все стороны. Их жертвами могли стать случайные прохожие. Один из них был схвачен. Двое других, видя бесполезность сопротивления, застрелились. Один из задержанных оказался 17-летним учеником реального училища Анатолием Платоновым, отчисленным за участие в забастовках. Покончившие с собой убийцы были также молодыми людьми 16–18 лет. В ходе следствия выяснилось,

что слежка за Почтово-телеграфным ведомством в Саратове велась по поручению местной революционной организации. Целью покушавшихся были деньги, которые Гартвиг должен был передать в банк.

1907

Александровский Сергей Васильевич (1863—1907), губернатор Пензенской губернии, камергер. Убит 25 января 1907 года. Из дворян Пензенской губернии. Сын пензенского губернатора В.П. Александровского. Окончил Пажеский корпус. Служил в кавалергардском его императорского величества полку. В 1893 году был назначен членом комиссии по довольствию войск Петербургского гарнизона. В 1894 году Александровский был командирован в личное распоряжение главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа. Александровский в 1898 и 1899 годах был командирован от Общества Красного Креста в пострадавшие от неурожая губернии (Воронежскую, Тамбовскую, Уфимскую и Самарскую). Во время землетрясения в Андижане в 1902 году и наводнения в Петербурге в 1903 году Александровский был призван организовать от Общества Красного Креста помощь пострадавшим. Во время Русско-японской войны 1904—1905 годов непосредственно на полях сражений организовывал помощь раненым.

В 1906 году был назначен Екатеринославским губернатором. В том же году получил пост Пензенского губернатора. Застрелен в помещении Зимнего театра в Пензе по окончании спектакля. Кроме губернатора Александровского террористом были убиты помощник пензенского полицмейстера М.Я. Зарин, городской и пожилой театральные декоратор, пытавшиеся остановить преступника.

Михайлов Анатолий Петрович (1861—1907), начальник Бакинского торгового порта. Убит 3 февраля 1907 года. Родился в семье офицера. Окончил 3-ю классическую гимназию Санкт-Петербурга. Зачислен юнкером в 4-й флотский экипаж. В 1883 году произведен в мичманы. В 1902 году назначен начальником Бакинского морского порта. Убит выстрелом сзади у ворот здания управления портом. Основная причина убийства — попытка начальника порта воспрепятствовать готовящейся забастовке. После смерти начальника порта по инициативе революционных организаций забастовка началась и продолжалась около двух месяцев. Убийца найден не был.

Мылов Анатолий Викторович (1874—1907), инженер Брянских заводов. Убит в Екатеринославе 26 марта 1907 года. Родился в Екатеринбургe в семье главного лесничего Уральских горных заводов. Учился в Екатеринбургском реальном училище, где был вторым по успеваемости учеником в классе. Горный институт окончил в числе четырех лучших студентов. Студентом его по ошибке арестовали жандармы за антиправительственную деятельность, но, разобравшись, отпустили. На самом деле ничего, кроме науки, будущего инженера не интересовало. Выражаясь современным языком, на заводе Мылов считался изобретателем и рационализатором. По его предложению был даже построен

новый цех. Молодой инженер был убит как раз накануне открытия нового производства анархистами-революционерами, периодически появляющимися на заводе. Убит даже без видимой причины. Сиротой осталась годовалая дочка.

Вятковский Семен Андреевич (1874–1907), купец. Убит 15 мая 1907 года. Родился в Клинцах Черниговской губернии Суражского уезда. Окончил Городское училище. Занимался торговлей. Среди купцов отличался кристальной честностью. Застрелен неизвестными. Сиротами остались двое малолетних детей.

Архимандрит о. Николай Орлов (1873–1907), ректор Пензенской духовной семинарии. Убит 18 мая 1907 году. Сын дьякона. Окончил Московскую духовную академию. Своих учеников-семинаристов именовал не иначе как «народ добрый». Когда дворник открывал дверь дома священнослужителя, спрятавшийся за клумбой, расположенной неподалеку, человек в черной тужурке подошел вплотную к архимандриту и практически в упор расстрелял его. Убийце удалось скрыться на поджидавшем его неподалеку конном экипаже.

Добронравов Михаил Алексеевич (1860–1907), инспектор Тифлисской духовной семинарии. Убит в Тифлисе 24 мая 1907 года. Уроженец Калужской губернии. Окончил Киевскую духовную академию. Пользовался уважением учащихся. Заслужил репутацию доброго, но требовательного педагога. Вел активную миссионерскую деятельность на Кавказе. Убит во время инспекционной поездки. Преступникам удалось скрыться.

Дудченко Петр Иванович (1866–1907), волостной старшина Веркиевской волости Нежинского уезда Черниговской губернии. Убит 4 июня 1907 года. Происходил из казаков Черниговской губернии. Окончил земскую школу. Был убит при возвращении из Волостного правления неизвестными лицами.

Акулов Леонид Апполинарьевич (1873–1907), штабс-капитан 21-го саперного батальона. Убит в Киеве 5 июня 1907 года. Родился в г. Нерехте Костромской губернии в семье провинциального чиновника. Окончил гимназию в Костроме и Московское военное училище. Застрелен при попытке выдворить из вверенной ему роты революционных агитаторов. Убийцы найдены не были.

Алиханов-Аварский Александр Михайлович (Максуд) (1846–1907), мервский окружной начальник, кутаисский и тифлисский губернатор, генерал-лейтенант. Убит 3 июля 1907 года. Родился в селе Хунзах в Дагестане в семье офицера-аварца. В детстве находился в заложниках у Шамиля, после выкупа был определен во 2-ю Тифлисскую дворянскую гимназию. Окончил 2-е Константиновское военное училище. Служил в Сумском гусарском полку. В 1873 году назначен офицером для особых поручений при главнокомандующем Кавказской армией великом князе Михаиле Николаевиче. Принимал участие в Хивинском походе, был ранен. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Отли-

чился в сражении при Деве-Бойну. В 1879 году принял участие в штурме Ахал-Теке. В 1882 году Алиханов-Аварский под прикрытием купеческого каравана совершил поездку в Мерв, где провел тайные переговоры с туркменскими старейшинами. В 1883 году во время рекогносцировки Персидского Хорасана встречался с шахом для обсуждения пограничных вопросов. Через год состоялась уже официальная поездка в Мерв, результатом которой произошло добровольное присоединение Мервского оазиса к Российской империи, а сам Алиханов-Аварский назначен первым начальником Мервского округа Закаспийской области. 18 марта 1885 года под Кушкой произошло сражение русских войск с афганцами, в котором Алиханов-Аварский командовал тремя сотнями Кавказского казачьего полка и частями мервской милиции. В 1900 году участвовал в Китайском походе. В 1905 году был направлялся для «умиротворения» Эриванской губернии. В декабре 1905 года Алиханов-Аварский был назначен временным тифлисским губернатором, с января 1906 года — временным генерал-губернатором Кутаисской губернии. Всего на генерал-губернатора было совершено 8 покушений. Во время одного из них был ранен взрывом бомбы. После выздоровления в начале 1907 года принял командование 2-й Кавказской казачьей дивизией. 22 апреля утвержден в должности начальника дивизии с производством в генерал-лейтенанты. Убит в Александрополе. Дашнакскими террористами в его экипаж были брошены две бомбы.

Дорошенко Иван Матвеевич (? —1907), мастер инструментального цеха. Убит в Ростове-на-Дону 11 июля 1907 года. Выходец из бедной семьи. Самоучка. Автор книг для детей. Застрелен выстрелом в спину по дороге домой. Убийцам удалось скрыться.

Карангозов Константин Адамович (1852—1907), генерал-губернатор Одессы, генерал-майор. Убит 23 июля 1907 года в Пятигорске. Учился в кадетском корпусе в Туле. Окончил Николаевское кавалерийское училище. Служил в 44-м Нижегородском драгунском полку. В ходе Русско-турецкой войны 1877—1878 годов кавалеристы эскадрона Карангозова отличились при штурме укрепленных Аланджийских высот, атаковав в конном строю траншеи противника. Это был новый прием в тактике кавалерии, не предусмотренный уставами. Во время известного захода в порт Одессы броненосца «Потемкина», команда которого подняла бунт, и присоединившегося к нему экипажа другого броненосца — «Георгия Победоносца» для Одессы сложилась довольно непростая ситуация. Крупнокалиберные орудия двух боевых кораблей грозили разгромить город. Генерал в одиночку отправился на переговоры к матросам «Георгия Победоносца», убедив прекратить восстание. В результате «Потемкин» в одиночку покинул рейд Одессы. Вскоре после этого Карангозов был назначен военным губернатором Одессы. Во время своего лечения в Пятигорске на генерала было совершено покушение. Однако тяжело раненный Карангозов нашел в себе силы преследовать стрелявшего, но в этот момент еще один из заговорщиков несколько раз выстрелил генерал-губернатору в спину. Когда грузинские революционе-

ры обратились к Карангозову с упреком, что он не поддерживает их борьбу, он ответил: «Я не могу защищать вас, раз вы идете против России. Я грузин, но с десятилетнего возраста вскормлен русским хлебом. Я грузин, но считаю себя русским, Россию своей Родиной». Генерал-губернатор был похоронен на кладбище Пятигорска.

Евдокимов Николай Герасимович (?–1907), подполковник 123-го пехотного Козловского полка. Убит 3 августа 1907 года. Из дворян Калужской губернии. Окончил Киевское пехотное юнкерское училище. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов и Русско-японской войны 1904–1905 годов. Убит во время учебных стрельб полка. По обвинению в преднамеренной организации покушения проходило 8 рядовых полка. Обвинение было предъявлено лишь одному из подозреваемых солдат, которого суд отпустил «за недоказанностью преступления».

Кравченко Никифор Иосифович (1852–1907), атаман Лабинского отдела Кубанской области, полковник. Убит 7 августа 1907 года в Армавире. Из войскового сословия потомственных дворян Кубанского казачьего войска. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. Командовал 2-м Кубанским полком. Принимал участие в подавлении революционных выступлений в Эриванской губернии. Был начальником Нахичеванского охранного района. Застрелен во время частного ужина. Похоронен в Екатеринодаре. Убийцы задержаны не были.

Скорупский Александр Андреевич (1852–1907), начальник станции «Рось» Юго-Западной ж/д. Убит 8 августа 1907 года. А.А. Скорупский родился в Бердичевском уезде Киевской губернии. Из дворян. Окончил гимназию в Мозыре. Прослужил на различных должностях на ж/д 31 год. Получил смертельное ранение при нападении боевиков на ж/д станцию. Покушавшимся удалось скрыться. Похоронен на Ново-Байковом кладбище в Киеве.

Иванов Анатолий Андреевич (1852–1907), начальник Петербургской одиночной тюрьмы. Убит 13 августа 1907 года. Родился в дворянской семье в Петербургской губернии, рано стал сиротой. Обучался в Михайловской военной гимназии в Воронеже и во 2-м Константиновском военном училище. После окончания военного училища служил в Мингрельском полку. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Несколько лет вынужденно оставался без службы. Занимался литературной работой. В 1885 году был принят в штат петербургской полиции. В 1890 года назначен начальником Петербургской пересыльной тюрьмы, а в 1903 году начальником Петербургской одиночной тюрьмы. Убит эсеровским террористом. Похоронен на Смоленском кладбище.

Максимовский Александр Михайлович (1861–1907), начальник Главного тюремного управления, действительный статский советник. Убит 15 октября 1907 года. Сын генерала М.С. Максимовского. Окончил юридический

факультет Харьковского университета. Служил в Государственной канцелярии. С 1894 года помощник статс-секретаря Государственного совета. В 1902 году перешел в Министерство юстиции, заняв пост помощника начальника Главного тюремного управления. С 1906 года — начальник Главного тюремного управления.

15 октября 1907 года убит террористкой Е.П. Рогозинниковой, которая была слушательницей Санкт-Петербургской консерватории по классу фортепиано. Входила в состав боевой организации эсеров. Первый раз арестовывалась за попытку взрыва охранного отделения. Бежала из тюрьмы, симулировав сумасшествие. По приговору военно-окружного суда повешена.

Шматков Владимир Ефимович (1876—1907), помощник контролера, коллежский регистратор. Убит 27 октября 1907 года в Баку. Из крестьян Могилевской губернии. Неоднократно в ходе проводимых им ревизий выявлялись финансовые махинации. Застрелен в собственном вагоне. Убийцы не установлены.

1908

Коптевский Афанасий Павлович (1855—1908), диакон с. Александровка Тамбовского уезда. Убит 22 января 1908 года. Родился в семье псаломщика в г. Борисоглебске. Окончил 2-е Тамбовское духовное училище. Убит выстрелом через окно в собственном доме. Причиной расправы считается месть участников революционного кружка за выдачу полиции местонахождения некого революционера Спасского, скрывавшегося в Александровке.

Апфель Константин Вильгельмович (?— 1908), помощник начальника Эриванского губернского жандармского управления. Убит 2 февраля 1908 года в Александрополе. Родился в семье полковника в Кутаиси. Образование получил в Тифлисском корпусе и Павловском военном училище. Отличался смелостью и неподкупностью. Накануне покушения неоднократно получал письма в свой адрес с угрозами. Был застрелен на глазах у своих подчиненных выстрелом в затылок. Нападавшему удалось скрыться. Задержанный по подозрению в совершенном преступлении был отпущен судом «за недостатком улик».

Рунич Владимир Александрович (1866—1908), ротмистр, помощник начальника Тифлисского губернского жандармского управления. Убит 25 февраля 1908 года в Тифлисе. Из потомственных дворян Смоленской губернии. Окончил Кадетский корпус и Александровское военное училище. Направлен в Куринский пехотный полк, дислоцированный на Северном Кавказе в Грозном. В 1898 году в качестве одного из лучших офицеров полка переведен в Отдельный корпус жандармов. Службу проходил в Тифлисе. Получил отличные характеристики и характеризовался как отзывчивый и доброжелательный офицер. Покушение на ротмистра произошло в трамвае по дороге службу. Незвестный выстрелил в спину сидевшего перед ним Рунича.

Калачов Александр Николаевич (1875–1908), помощник начальника Пермской тюрьмы. Убит 6 марта 1908 года в Перми. Родился в Екатеринбурге, происходил из рода почетных граждан города. На улице убийца почти в упор расстрелял офицера. Покушавшийся был убит на месте подоспевшим городовым.

Винокуров Егор Игнатьевич (1858–1908), волостной старшина Салынской волости Брянского уезда Орловской губернии. Убит 2 мая 1908 года. Из крестьян села Рыковичи Салынской волости Брянского уезда. Учился в Рыковической церковно-приходской школе. Работал на Брянском заводе. Служил в 10-м гренадерском Малороссийском полку. Получил звание фельдфебеля. Волостным старшиной избран после окончания службы в 1896 году. Во время попытки ограбления волостной кассы был убит одним из троих нападавших. Двое нападавших при попытке ареста оказали сопротивление и были застрелены полицией. Третий участник покушения арестован и приговорен к бессрочным каторжным работам. Все трое – бывшие рабочие-участники революционного кружка.

Архиепископ Никон (в миру Николай Андреевич Софийский) (1861–1908), экзарх Грузии, член Святейшего Синода. Убит 28 мая 1908 года. Родился в семье сельского священника. Окончил Солигаличское духовное училище, Костромскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию. Кандидат богословия. Был надзирателем Макарьевского духовного училища, сельским священником, инспектором Санкт-Петербургской духовной семинарии, ректором Владимирской духовной семинарии. В 1899 года становится епископом Нарвским, викарием Санкт-Петербургской епархии. С 1901 года – епископ Вятский и Слободской. В 1904 году – епископ Владимирский и Суздальский. В 1906 году возведен в сан архиепископа. С 9 июня 1906 – архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии, постоянный член Святейшего Синода. Активно противостоял попыткам грузинского духовенства добиться восстановления автокефалии, отмененного в 1811 году. Во время его прибытия в Тифлис грузинское духовенство отказалось встречать нового экзарха и объявило ему бойкот. Архиепископ Никон во время своего пребывания в Грузии способствовал изданию богослужебных книг на осетинском и абхазском языках.

Был смертельно ранен выстрелами из пистолета на лестнице Грузино-Имеретинской Синодальной конторы. Согласно своему завещанию был похоронен в кафедральном Успенском соборе Владимира.

Убийцам удалось скрыться с места преступления.

1909

Пономарев Никифор Данилович (1868–1909), конный городской г. Майкопа. Убит 22 мая 1909 года. Из крестьян Воронежской губернии. На почтовую повозку, которую сопровождал городской, была устроена засада. Во время перестрелки Пономарев получил серьезное ранение и умер. Злоумышленникам удалось скрыться, однако захватить денежные средства, доставляемые почтой, им не удалось.

Карпов Сергей Георгиевич (1864—1909), начальник отделения по охранению общественной безопасности и порядка, полковник отдельного корпуса жандармов, начальник Санкт-Петербургского охранного отделения. Убит 19 декабря 1909 года. Из дворян Полтавской губернии, образование получил в 4-м Московском кадетском корпусе и 3-м Александровском военном училище. Окончив курс по первому разряду, служил в 131-й пехотном Тираспольском полку. Позже в качестве одного из лучших офицеров полка переведен в Отдельный корпус жандармов. Участвовал в расследовании особо опасных «государственных преступлений». Широко использовал в работе агентурную сеть. Занимал должности адъютанта Донского областного жандармского управления, начальника Екатеринбургско-Челябинского отделения жандармского полицейского управления железных дорог, начальника Брянского отделения Виндавского жандармского полицейского управления железных дорог. Затем в 1909 году был назначен на должность начальника охранного отделения Санкт-Петербурга. Погиб при взрыве на конспиративной квартире организованным его же агентом.

1910

Кухлевский Иосиф Иванович (1862—1910), становой пристав Кобринского уезда Гродненской губернии, поручик. Умер от ран 1 мая 1910 года. Потомственный дворянин Тверской губернии. В 1886 году окончил Александровское военное училище по первому разряду. Служил в Копорском пехотном полку. После отставки с военной службы в 1893 году поступил на службу в полицию. Получил смертельные ранения при попытке остановить банду анархистов, орудовавших в местном уезде. Все члены анархистской группы в перестрелке с полицией были убиты.

Богданович Марк Кириллович (?—1910), полицейский стражник Киевского уезда. Скончался от ран 22 ноября 1910 года. Из крестьян. Родился в д. Колочья Рогачевского уезда. Во время ночного обхода вверенной ему территории и попытки остановить неизвестных в полицейского было произведено несколько выстрелов. Скончался не приходя в сознание. Убийца был схвачен и приговорен к 20 годам каторжных работ.

1911

Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911), председатель Совета министров Российской империи. От полученных ран скончался 5 сентября 1911 года в Киеве. Принадлежал к старинному дворянскому роду Столыпиных. Родился в Дрездене, где его мать навещала родных. Окончил Орловскую гимназию и физико-математический факультет Петербургского университета. Защитил кандидатскую диссертацию по экономической статистике. На своем посту премьер-министра известен проведением аграрной реформы, в результате которой оформился класс зажиточных крестьян в российской деревне и произошел подъем сельского хозяйства в стране. Решительно выступал против любых ре-

волюционных потрясений, не без основания считая их пагубными для России. По его прямому указанию был принят закон о военно-полевых судах. В разные годы занимал посты уездного предводителя дворянства в Ковно, губернатора Гродненской и Саратовской губернии, министра внутренних дел. В 1905 году назначен на пост председателя Совета министров, сохранив при этом пост министра внутренних дел. Всего на Столыпина в разные годы было совершено 11 покушений, 10 из которых закончились безрезультатно. Первое покушение на Столыпина было совершено в период его губернаторства в Саратове в 1905 году во время посещения одной из охваченных волнениями деревень. Самое известное покушение, организованное боевиками, – взрыв на Аптекарском острове в Санкт-Петербурге, в результате которого были многочисленные жертвы. В числе раненых в результате взрыва были также малолетние сын и дочь премьер-министра. Дача Столыпина была сильно разрушена.

В конце августа 1911 года император Николай II с семьей и приближенными, в том числе и со Столыпиным, а также с зарубежными гостями, в числе которых был и наследник болгарского престола Борис, находились в Киеве по случаю открытия памятника Александру II. 1 сентября 1911 года император и Столыпин присутствовали на спектакле «Сказка о царе Салтане» в Киевском городском театре. Полиция располагала информацией о готовящемся преступлении, которая была получена от тайного агента Д.Г. Богрова. Однако впоследствии выяснилось, что покушение готовил сам Богров. По пропуску, выданному начальником Киевского охранного отделения, он прошел в городской оперный театр, во время второго антракта подошел к Столыпину и дважды выстрелил: первая пуля попала в руку, вторая – в живот, задев печень. После ранения Столыпин перекрестил царя, тяжело опустился в кресло и произнес: «Счастлив умереть за царя». Несколько дней врачи боролись за жизнь Столыпина, но безрезультатно. 5 сентября 1911 года премьер-министр России скончался. В завещании Столыпина было написано: «Я хочу быть погребенным там, где меня убьют». Завещание было исполнено: П.А. Столыпин похоронен в Киево-Печерской лавре. Трапезная церковь, где проходило отпевание, была заставлена венками с национальными лентами, собралось правительство, представители армии и флота и всех гражданских ведомств, многие члены Государственного совета, депутаты Государственной думы, а также приехало более сотни крестьян из ближайших деревень.

Надгробие с могилы Столыпина в начале 1960-х годов было снято и долгие годы сохранялось в колокольне на Дальних пещерах. Место могилы было заасфальтировано. Надгробие восстановлено на прежнем месте в 1989 году.

7 сентября 1911 года некоторые депутаты Государственной думы и члены местного земства предложили поставить Столыпину памятник в Киеве. Собрать средства решили пожертвованиями. Пожертвования потекли столь обильно, что буквально через три дня в одном Киеве была собрана сумма, которая могла покрыть расходы на памятник. Через год, 6 сентября 1912 года, на площади возле Городской думы, на Крепчатике, в торжественной обстановке был открыт памятник. Столыпин был изображен говорящим речь, на камне высе-

чены сказанные им слова: «Вам нужны великие потрясения — нам нужна Великая Россия», а на передней стороне пьедестала памятника была надпись: «Петру Аркадьевичу Столыпину — русские люди». Памятник был снесен 16 марта 1917 года, через две недели после Февральской революции.

Улица Маловладимирская в Киеве, где умер Столыпин, была переименована в Столыпинскую. На протяжении XX века эту улицу переименовывали еще шесть раз, сейчас она называется улица Олеся Гончара.

Покушавшийся на жизнь премьер-министра тайный агент полиции Д.Г. Богров был по приговору суда повешен 12 сентября 1911 года.

1912

Луपाков Александр Николаевич (1859—1912), жандармский подполковник. Убит в Пятигорске 21 августа 1912 года. Окончил Константиновское военное училище. Служил в артиллерии. В 1904 году в числе лучших офицеров командира батареи Лупакова перевели в корпус жандармов. При участии жандармского офицера в 1906 году были закрыты две подпольные типографии и предотвращено готовящиеся покушение на генерал-губернатора во Владикавказе. Подполковник был расстрелян на глазах всей своей семьи — супруги, дочери и сына, артиллерийского офицера. Лупаков сумел произвести несколько выстрелов в убежавшего преступника, но вскоре от полученных ранений скончался. Убийце удалось скрыться.

VICTIMS OF POLITICAL TERROR IN RUSSIA (1901-1912)

According to different estimates during the period of terror from 1901 until 1912, in Russia more than 17 thousand people were killed or injured in terroristic actions in Russia. In 1906-1907, “political violence” reached its’ highest point. According to police records, at that time daily terroristic actions killed up to 18 people. Among the victims were not only lower ranks of police but ministers, stadtholders (governors) and their deputies, generals, army officers, priests, physicians, engineers, merchants and common workers. Even Stolipin P.A., Chairman of the Russian Empire Council of Ministers, the eminent reformist, wasn’t able to avoid such a sorrowful fate. One of the murder attempts aimed at Stolipin - the bombing of the prime minister’s dacha on Aptekarskiy island - the number of victims is considered to be the largest political terror act: 30 people died, 70 were injured. That time Stolipin P.A. survived. He was murdered 5 years later.

This document lists just a few dozen of the bloody madness victims, including their names with short bios.

Жертвы политического террора в России

Материал подготовили:

Бондаренко Игорь Иванович,

профессор, доктор юридических наук, член Совета Европы;

Климов Дмитрий Вячеславович,

кандидат исторических наук

СПИСОК МОНОГРАФИЙ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ СБОРНИКОВ ПО ИСТОРИИ ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Багдасарян В.А., Бакаев А.А. Российский революционный терроризм через призму исторической и общественно-политической мысли. М., 2004.

Книга посвящена периоду 1895-1917 гг. и роли Партии социалистов-революционеров в революционных событиях, развязывании масштабного террора по всей стране.

Бакаев А.А. Отечественная историография политического терроризма в Российской империи начала XX века. М., 2005.

Автор дает свой анализ проблемы революционного терроризма в историографии и общественно-политической мысли Российской империи, характеризует отношение советской историографии к российскому революционному терроризму, пишет о том, как российский революционный терроризм освещался в зарубежной историографии, в литературе русского зарубежья, подробно рассматривает современный этап в развитии историографии российского революционного терроризма.

Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 2000.

В монографии впервые в отечественной историографии предпринята попытка выработать концепцию истории терроризма в российском освободительном движении. Терроризм рассматривается как специфическое явление, свойственное российскому революционному движению на протяжении полувека. В работе исследуется генезис террористических идей, рассматриваются взаимовлияние идеологии и практики терроризма, этические и психологические основы различных его направлений, идейная борьба по вопросам применения террористической тактики между различными течениями в российском революционном движении; прослеживается воздействие терроризма на российское общество и власть.

Гейфман А. Революционный террор в России. 1894—1917 / Пер. с англ. М., 1997.

Автор изучает размах терроризма в России в период с 1894 по 1917 год, уделяя особое внимание бурным годам первой русской революции (1905—1907), исследуя значение внезапной эскалации политического насилия после двух десятилетий относительного затишья. На основании новых изысканий автор показывает, какую роль в революции начала XX века сыграли убийства, покушения, взрывы, политические грабежи, вооруженные нападения, вымогательства и шантаж. Автор описывает террористов нового типа, которые отличались от своих предшественников тем, что были сторонниками систематического неразборчивого насилия и составили авангард мирового терроризма.

Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901—1911 гг. М., 1998.

В работе впервые на обширном фактическом материале рассматривается история Боевой организации Партии социалистов революционеров (ПСР). Несмотря на имеющееся значительное количество литературы, освещающей террористическую деятельность эсеровской партии, остается невыясненным не только фактическая сторона многих аспектов боевого движения, но и мировоззренческие и идеологические установки его участников. Привлечение новых архивных материалов позволяет автору работы иначе осветить историю террористической борьбы, которой принадлежит особая роль как в деятельности эсеровской партии, так и во всем социалистическом революционном движении в России начала XX века.

История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях: Доп. учеб. пособие для студентов вузов / Сост. О. В. Будницкий. 2-е изд., перераб. и доп. — Ростов-на-Дону, 1996.

В сборнике представлены документы и материалы по истории терроризма в России во второй половине XIX — начале XX в., программы революционных партий, судебно-следственные материалы, мемуары деятелей политического сыска, отклики современников (в том числе Ф.М. Достоевского, А.Н. Толстого, В.С. Соловьева) на крупнейшие террористические акты. Приводятся материалы из Гуверовского архива Стэнфордского университета (США), в том числе воспоминания о группе большевиков-эсеров, совершивших под руководством И.В. Сталина и Камо ограбление казначейства в Тифлисе, анархистские прокламации, новые материалы об убийстве Г.А. Гапона и др. Представленные материалы характеризуют народо-вольческую, эсеровскую, анархистскую и др. версии терроризма.

Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. М., 1997.

В монографии рассматривается структура, численность, состав, социальная доктрина, тактика одной из наиболее значительных партий начала XX века — партии социалистов-революционеров (эсеров) — в насыщенные политическим противостоянием 1905—1907 годы. Исследуются такие важные темы, как эсеровский террор, деятельность партии среди крестьян, рабочих, солдат и офицеров, учащихся; ее взаимоотношения с партиями социал-демократов, энесов, кадетов, октябристов, Союзом эсеров-максималистов, а также Советами рабочих депутатов, Всероссийским Крестьянским союзом, Трудовой группой в I и II Государственных думах.

Менделеев А.Г. «Куда влечет нас рок событий?» Газета эсеров «Революционная Россия»: пропаганда и терроризм. М., 2008.

В исследовании скрупулезно изложены материалы эсеровской газеты «Революционная Россия», приведен большой фактический материал о террористическом движении и одной из главных движущих сил террора — эсерах.

Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998.

Несмотря на наличие ряда интересных исследований, проблема накопления фактической базы, дальнейшего заполнения белых пятен в истории ПСР продолжает оставаться крайне актуальной. Автор исследует основные процессы, характеризующие состояние Партии социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. как части общественной жизни России.

Павлов Д.Б. Русско-японская война на суше и на море 1904–1905 гг.: секретные операции на суше и на море. М., 2004.

Монография посвящена секретным разведывательным, контрразведывательным, подрывным, пропагандистским операциям, которые в 1904–1905 гг. Россия и Япония осуществляли во многих странах мира – на суше и на море. Речь идет как о принципах и способах организации наблюдения за деятельностью японских разведчиков, технике этой работы, так и о наиболее крупных акциях России и Японии – главным образом в сфере стратегической, дальней, или внешней, разведки и контрразведки.

Павлов Д.Б. Японские деньги для первой русской революции. М., 2011.

В книге воспроизведены фотокопии писем, которыми в первой половине 1905 г. обменивался бывший японский военный атташе в России с руководителями Финляндской партии активного сопротивления, образованной в ноябре 1904 г., и Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров. Опубликованная переписка касалась главным образом закупок и нелегальных отправок в Россию больших партий оружия для революционных организаций.

Павлов Д., Петров С. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. М., 1993.

Авторы впервые используют многие документы из московских архивохранилищ, которые дают возможность проследить историю контактов Японии с представителями российского освободительного движения в годы русско-японской войны, деятельность в эти годы российских революционных и оппозиционных партий.

Перегудова З.И. Политический сыск России (1880—1917). М., 2000.

В монографии дается история главного учреждения политического сыска России — Департамента полиции — с момента его создания в 1880 г. и до его ликвидации. Рассматриваются структура, функции и роль департамента в системе карательных учреждений России, те изменения, которые он претерпевал в рассматриваемый период в связи с менявшейся общественно-политической обстановкой. В центре исследования находилась деятельность Особого отдела департамента, направленного розыскную работу в России и за рубежом.

Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX в.): сборник документов. М., 2001.

Сборник содержит обширный документальный ряд, отражающий деятельность органов политического сыска в борьбе с антигосударственным терроризмом на протяжении второй половины XIX — начала XX века.

Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001.

В книге рассматривается история одной из самых грозных террористических групп века — Боевой организации партии социалистов-революционеров. Основной вопрос, который интересовал автора, — роль и значение террора в истории России начала XX века. Почему представители различных классов, сословий, национальностей, выходцы из элиты страны шли в террор и радостно отдавали свои жизни ради свержения существующего общественного строя? В книге исследуется деятельность и других организаций террористов — Летучего боевого отряда Северной области, Центрального боевого отряда и т.д.

Суворов А.И. Борьба с терроризмом в России в XIX — начале XX века. (Историко-правовое исследование антитеррористической деятельности правоохранительных органов дореволюционной России). М., 2002.

Автор пишет о том, как в результате террора начала XX века Россия лишилась многих выдающихся государственных деятелей, выполнявших свой служебный долг, о больших негативных идеологических последствиях террора, о глубоко безнравственной, антигуманной его сущности, которая тлетворно влияла на самих преступников, на окружающих, особенно на молодежь. Террористы несли в общественную жизнь зловещий дух насилия, прививали бациллу привыкания к жестокости и убийствам, грабежам и разрушениям. Отзвуки терроризма болезненно отразились на судьбах страны.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Выпуски журнала
«Исторический вестник»
в 2013 году будут продолжены
третьим томом
под общим названием
«Романовы:
династия и эпоха».

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X–XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке